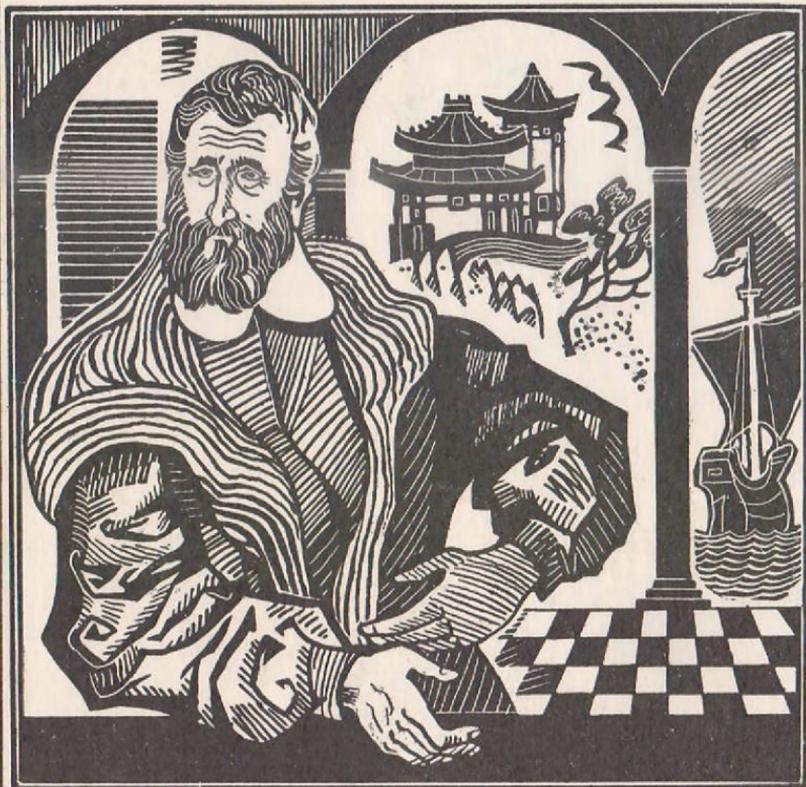

В. ШКЛОВСКИЙ
ЗЕМЛИ РАЗВЕДЧИК

МАРКО ПОЛО

В. ШКЛОВСКИЙ

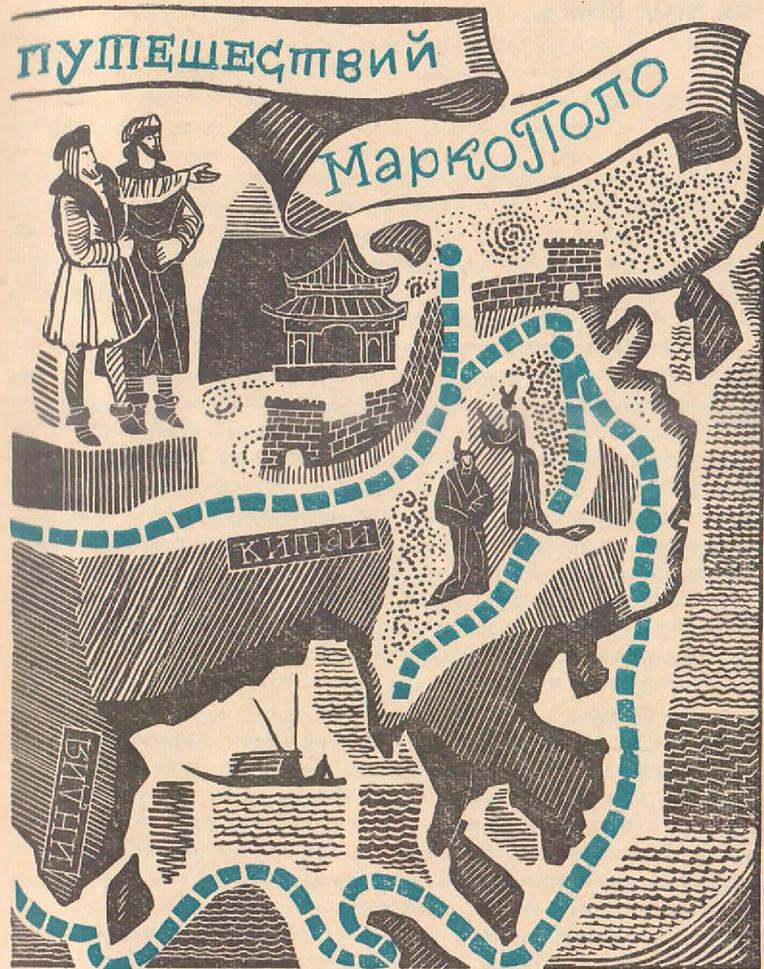
ЗЕМЛИ РАЗВЕДЧИК

* ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ *

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

* ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ *

Марко Поло — разведчик земли, открывший европейцам пути на далекий Восток. Он первым совершил путешествие из Венеции в Китай, прошел Малую Азию, Персию, Афганистан, Памир, города-оазисы Кашгар, Яркенд, Хотан, пустыни Такла-Макан и Гоби. Через 17 лет он возвратился на родину мимо Суматры, Цейлона, Индии, заглянул в Восточную Африку.

Марко Поло принес европейцам не только географические сведения об Азии. Он рассказал об одежде, пище, обычаях, законах, государственном устройстве, о нефти, драгоценных камнях и каменном угле, растительном и животном мире тех стран и областей, которые посетил. Сибирь он видел, но описал со слов отца и дяди. Европейцы от него узнали о татаро-монгольских завоеваниях на Дальнем Востоке и об административной жизни Китая, о газетах и календарях, о ценах товаров, о бумажных деньгах и мичералах, о яках, саговой пальме и о многом другом.

Историческая повесть Виктора Шкловского «Земли разведчик» написана на основании книги Марко Поло «Путешествие», которую он продиктовал, сидя в генуэзской тюрьме. Материал ее необыкновенно интересен и достоверен, в книге использована и литература о путешествии.

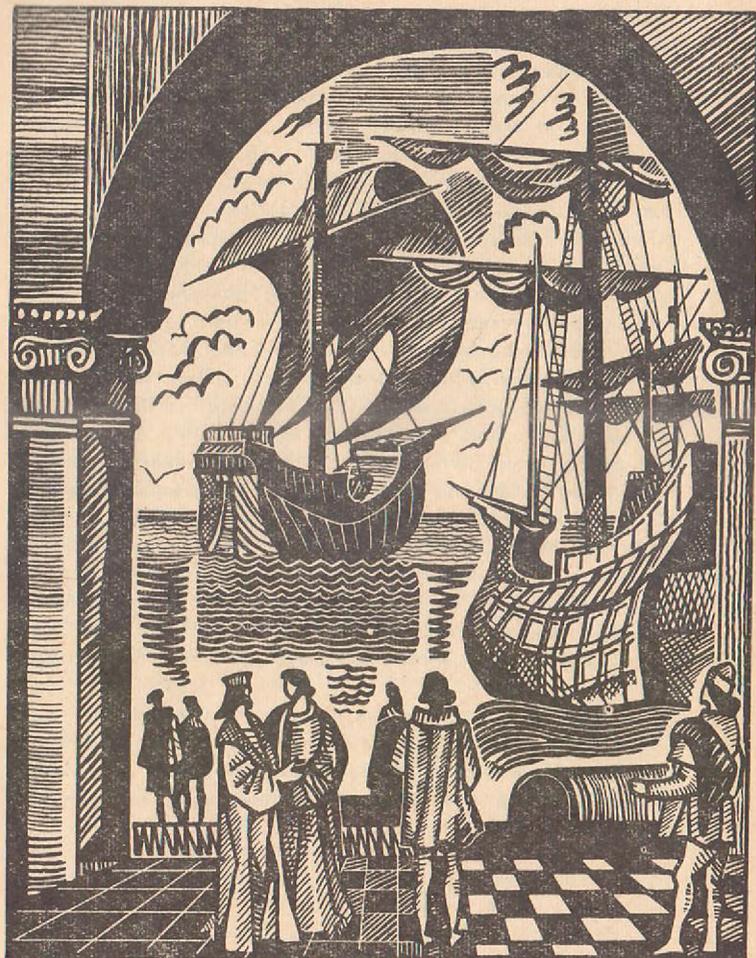
Марко Поло жил в XIII веке. Он на 10 лет старше Данте, он возвратился из путешествия в свою Венецию, когда Петрарки и Боккаччо еще не было на свете; до победы на Куликовом поле было еще сто лет, также еще только через сто лет Средняя Азия узнает Тимура. Виктор Шкловский знает, что нынешнему читателю описываемая им эпоха так же неведома, как читателям Марко Поло те страны, которые он описывал, — и автор рассказывает об эпохе щедро: путешествия, торговля, войны, мореплавание, венецианцы, татары, китайцы, персы, планировка городов, архитектура

зданий, устройство кораблей и т. д. Познавательная ценность книги велика. В новом школьном учебнике о средневековой Азии — 20 страниц, о Марко Поло и его открытиях — 9 строчек.

Книга о Марко Поло говорит о разнообразии мира, познание которого разрушает ограниченность, узость, однобокость человека. Это книга об ограниченности познания: Марко Поло высмеивали за то, что рассказывал, будто есть черный камень (уголь), который горит лучше, чем дерево. Слушатели Марко Поло полагали, что то, чего они не знают или не могут себе представить, не способно существовать. Это книга о том, что человек не имеет права ждать, пока неведомое станет всем известным, он должен быть разведчиком, непрерывно узнавать новое и верить в него.

Это книга об убеждениях и любви к истине: Марко Поло не перестал говорить правду на смертном одре, перед лицом монаха он не отрекся от своей правды. Отец Поло (а был Марко в путешествии вместе с отцом и дядей) не хотел лгать и боялся прослыть лжецом: о своих путешествиях и приключениях он рассказывал правду, но только по-татарски, чтобы окружающие, его не понимали. А потомки составляли географические карты на основании рассказов Марко Поло. Это книга о том, насколько важно внести вклад в дело сближения народов, потому что «человеческая культура создана не в Европе, не на Средиземном море, не итальянцами, не скифами, не немцами, не арабами, не жителями Средней Азии и не китайцами, — она создается усилиями всего человечества и всего мира».

Остается добавить лишь, что для настоящего издания взят текст книги В. Шкловского «Исторические повести» (Марко Поло) 1957 года. В конце книги помещены необходимые пояснения слов, понятий, географических и исторических наименований, выполненные историком Г. Ереминим.

ГОРОД СВЯТОГО МАРКА

ПРО ВЕНЕЦИЮ НАПИСАНО много книг на разных языках мира. Две самые знаменитые драмы об этом итальянском городе написал англичанин Шекспир. У Шекспира венецианский купец Шейлок — еврей, венецианский генерал Отелло — мавр.

Венеция — город международный. Имя Венеции, вероятно, происходит от имени народа —

венетов*. Народ этот очень древний.

Быт старой Венеции порожден обычаями и бытом венетов.

Это была морская страна, страна лодок.

В Византии голубой морской цвет назывался цветом венетским.

Греческий географ Страбон еще видел старые земли венетов. Он говорил, что земля эта «изрезана каналами и насыпями... Некоторые тамошние города pochodят на острова». Про венетский город Равенну Страбон пишет: «Равенна — город среди болот, построенный из дерева. Там сообщаются посредством мостов и лодок».

Город Венеция возник более полутора тысяч лет назад; во времена Страбона там, где сейчас стоит Венеция, были еще пустынные песчаные отмели.

На лагунах* жили рыбаки в домах на сваях и защищались от волн и песка плетеными изгородями.

Город Венеция появился на отмелях потому, что земля стала опасной.

Степи от Дуная тянутся к далекому Китаю; там из-

древле пахали землю, но больше кочевали скотоводы; в Европе даже не знали, кто там кочует, и самые имена народов доходили до нее искаженными.

Каспийское море в одном месте разрезает широкую полосу степей. Дорога на юг уходит по берегу, через узкий проход у Дербента; другой, более дальний путь на восток ведет к северным берегам Каспия, через степи.

В степях кочевники. Они летом уходят в горы, зимой спускаются в долины. Зимой скот ест засохшую траву, откапывая ее из-под снега.

Пути стад определены и замкнуты. Каждое кольцо принадлежит отдельному народу. На стоянках устроены колодцы, часто чрезвычайно глубокие. Стены колодцев укреплены плетеной из хвороста или каменной кладкой. Из колодца вытягивают длинные кожаные ведра, выливают воду в корыта для водопоя.

У водопоя теснятся овцы.

Вот стада напоены. Тронулись люди. За стадами идут пастухи, идут верблюды, на которых навьючены юрты.

Кочевые кольца пересекают большие караванные дороги; те дороги ведут в дальние страны, совсем неизвестные Европе.

Караванные дороги поотерты мозолистыми ногами верблюдов, вытоптаны сильным конским копытом и узким копытом осла.

Дороги глубоки — они похожи на рвы; по краям их чернеют пятна костров и белыми сквозными решетками лежат сухие верблюжьи и лошадиные кости.

В годы засухи, в годы войн или тогда, когда одно племя одолевает другое и вождю удается соединить степные орды, разрываются кочевые кольца и кочевники вдоль караванных дорог текут или на Китай, или на богатые персидские города, или в далекую Европу.

Степь приходит в движение. Кольцо находит на кольцо, спутываются стада, скапливаются люди. Победенные включаются в авангард орды.

Орда идет, скот съедает траву. Кочевники срубают деревья, чтобы ветками накормить овец.

Идут войска. Над ними стоит пыль.

Они окружают города, берут их приступами и превращают в пепел.

Но часто воины и тогда охраняют дороги караванов. Купцы идут через воюющие государства.

В V веке по Европе прошли гунны*.

Их предводитель Аттила завоевал всю верхнюю Италию по реке По. Ужас был так велик, что рассказывали, будто птицы, спасая своих птенцов, уносили их в клювах к морю, в морские соленые болота.

У берегов моря вечно кипит белая пена.

Реки, впадая в море, намывают косы.

Навстречу пресной воде бегут белолобые, мутные морские волны. Ил рек встречается с песком моря, мели загораживают путь рекам, мелкие острова гривами ограждают лагуну и пересекают ее.

Люди бежали от гуннов на острова за лагунами.

Здесь приняли беглецов веныты.

Гунны не завоевали островов.

Потом наступала на Венецию армия германского императора Карла Великого, но далматинцы Адриатического побережья разбили войска Карла, и поселения лагун Венеции уцелели.

Росли на отмелях селения, соединялись мостами.

Первое время старое народоправство венытов еще сохранялось на островах, город управлялся выбранными от кварталов; большие острова назывались Старшими, прочие — Младшими.

Город рос, рос беспокойно, управлялся он не князьями, а выбранными дожами*; из двадцати девяти

первых дождей четверо были ослеплены, четверо изгнаны, трое убиты и пятеро сами отказались от власти.

Неспокойный город богател, торговал; торговал он солью.

С солью плавали по морям венецианцы, бросали в разных портах двузубые свои якоря.

Мир был велик и неведом, страны соединялись караванными путями, но даль заслонена караванами и пылью.

Венеция торговала с Грецией и считалась вассалом Византии. Она завоевала далматинский берег, который нужен был ей для того, чтобы рубить дуб на корабли и вербовать матросов.

Корабли венецианцев ходили и в Египет и в великое замкнутое море, которое называли Русским или Черным. Оттуда шли хлеб, рыба, воск, мех, кожа, рабы.

Венеция завоевала собственного своего святого и наняла греков построить храм св. Марка.

Венеция обращалась в город морского извоза. Венецианцы брались перевозить товары и принимали риск на себя; за фрахт* брали три процента стоимости груза.

На островах завелись ремесла: имелись литейщики, шерстопряды, ювелиры, красильщики.

Прославилось венецианское стекло.

Венеты Адриатики изменили свой язык, звучала на островах итальянская речь.

Жили в деревянных домах, крытых соломой и дранкой. Дома строились на сваях.

Между домами шли каналы.

В узких промежутках между строениями остались переулки, в которых не могли рядом идти и трое. Местами переулки расширялись в лужайки, на лужайках паслись коровы и козы.

Площадь св. Марка была покрыта травой и обсажена деревьями. Деревьев здесь было больше десяти, и оттого это место называли садом.

По городу ходили свиньи, принадлежавшие монастырю св. Антония. Свинья неприятна мусульманам и евреям, не едящим свиного мяса, и поэтому сами свиньи как бы принадлежат истинной религии. Рассказывали, что один человек хотел убить свинью св. Антония, но свинья бросилась на него, искусала, отбилась от стражи и ушла.

Так жили венецианцы в узком городе на отмелях большого острова. Ездили они далеко, но мало рассказывали о том, что видели, потому что дороги — тайна: они ведут к богатству.

ЛЕВ СВЯТОГО МАРКА ВСТАЕТ НАД АДРИАТИКОЙ

БЫЛИ У ВЕНЕЦИИ ГОРОДА-соперники. Соперничал с Венецией Амальфи, но этот город был разрушен пизанцами.

Лагуны спасали Венецию. Корабли Венеции помогали Византии, и в 1085 году Венеция получила за это новые привилегии, владения и даже специальный квартал в самом Константинополе.

В Босфоре подымались короткие высокие волны. Гавань Константинополя была загорожена от врагов решетчатыми воротами из бревен. На берегу стоял исполин — статуя императора Юстиниана — и, грозя, указывал рукою на восток — в сторону сарацинов*.

Константинополь торговал. Венецианские корабли возили товары.

Когда-то шелк шел в Рим от неведомого народа, называемого серами, а также из Индии.

Фунт шелка стоил фунт золота.

Торговлей постепенно овладели венецианцы.

Венеция торговала с Востоком, с Египтом, с далекой Персией и Бухарой.

Соперниками Венеции были города Лиза и Генуя.

Когда крестоносцы начали поход на богатый Восток — на завоевание Египта и Палестины, когда начались завоевания, при которых подымали народ во имя освобождения гроба господня, венецианцы ждали крестоносцев у берега со своими судами и предлагали свои услуги по перевозке войск.

Крестоносцы не имели денег на оплату перевозок, но что за счеты между христианами? Венецианский дож предложил крестоносцам, чтобы те вместо платы усмирили хорватский город Зару, восставший против Венеции.

Зара расположена на берегу Адриатического моря, в Далмации. Это было богатое место. С трех сторон омывается оно морем, с четвертой стороны — водами канала. Город построен по венецкому способу.

В Заре жили хорваты. Были в городе мраморные храмы, фонтаны, площади. Город соперничал с Венецией.

Крестоносцы согласились завоевать Зару и начали осаду города. Во время осады, однако, оказалось, что еще выгоднее напасть на Константинополь.

Крестоносцы и венецианцы сперва взяли Константинополь как союзники свергнутого византийского императора Исаака. Они освободили его из темницы, вернули престол, а потом отобрали у него город за неуплаченные долги. Константинополь был разграблен. Четырех медных позолоченных коней, которые стояли на конном ристалище Константинополя, увезли в Венецию и поставили на фронтоне церкви св. Марка.

Они и сейчас стоят там.

В Венецию были отправлены и бронзовые двери константинопольского собора. Привезено было много статуй и колонн из белого, черного и цветного мрамора и змеевика*.

Венецианская казна обогатилась.

Венеция торговала солью, железом, стеклом, сукном и военной помощью.

На могилах воинов-венецианцев писали, что они были «ужасом греков».

Венецианский дож Дондоло первый взшел на разрушенную стену Константинополя и утвердил на ней

знамя святого Марка. Было тогда Дондоло девяносто четыре года. Он получил титул «владыки четверти и половины Римской империи» и носил красные полусапожки — одно из отличий византийских императоров.

Дороги мира лежали под лапами святого Марка.

Хотели даже перенести центр государства в Константинополь, но лагуны были безопаснее.

Теперь у Венеции остался один соперник — Генуя.

В боях за Зару и при взятии Константинополя ознакомились венецианцы с новым для них делом — стенобитными орудиями. Народ, умеющий строить корабли, справился с таранами, катапультами и баллистами*.

Крепостные стены на берегах Далмации и Босфора штурмовали, вместе с крестоносцами, многие венецианцы. Были тут, возможно, и братья Поло, которые потом служили императору Китая Кубилаю* своим искусством при взятии городов.

Но о жизни купцов Поло, имеющих дом в Венеции и другой дом — в Солдае, сказано будет позднее.

ТАТАРЫ

ЧЕРЕЗ СТЕПИ С КРАЯ ЗЕМЛИ, откуда не приходили никакие вести, двигались татары. Они шли из глубины материка к морю. Говорили о татарах, что они не похожи на остальных людей ни скулами, ни щеками, ни одеждой, что у них нет закона о справедливых деяниях и им не запрещен никакой грех.

Грехом считалось у них только прикоснуться к огню ножом, или извлекать ножом мясо из котла, или рубить топором около костра и этим ранить пламя; грехом у них считалось также опираться на плеть, ударять лошадь уздой и мочиться в пределах ханской ставки, выплевывать пищу, стирать платье и собирать грибы.

Говорили, что все остальное у татар считается безразличным и дозволенным.

Они шли на запад, увлекая за собой народы.

Первая четверть XIII века окрашена пожаром.

Содрогались все люди, и в Англии рыбаки жаловались на то, что некому продавать сельди: не приехали купцы с материка покупать рыбу — умирать можно и голодным.

Шли татары. Они ели все, что можно разжевать, они убивали всех, кто им сопротивлялся. Они были неутомимы, потому что всегда имели при себе запасных коней. Во время верховой езды способны они были переносить великую стужу.

Во главе их шел некто, которого называли Чингис*. Он завоевал народ, называемый «китаи».

Земля горела, и в пожарах, которые зажгли татары, стали видны границы мира.

Рассказывают, что собирались татары пройти правым берегом Каспийского моря, но услышали про Магнитную* гору, находящуюся на степной реке к северу от Каспия, и побоялись, что эта гора притянет все их оружие.

Они предпочли потому прорваться через Кавказ.

Так, в смутных рассказах, при свете пожара, зажженного татарами, появились впервые в истории те места, которым суждено было семь веков спустя решать исход новых, еще более грозных войн. Первую весть о горе Магнитной находим мы в записях итальянского монаха Джованни Плато Карпини*, ходившего на разведку навстречу татарским ордам.

Шли татары.

Сперва они были далеко — там, в Азии. В 1223 году они прорвались через Северную Персию и Кавказ в Европу. Русские князья вышли навстречу врагу в степь. Бой произошел на речке Калке*.

Русские сражались храбро, но недружно, соперничая в славе. Татары напали единым строем, разбили русских, взяли князей в плен, положили на пленных доски и на досках тех сели пировать...

Движение татар на запад не было безостановочным. После больших боев и крупных потерь, опустошив захваченную область, они откатывались назад, а несколько лет спустя появлялись снова, и новая волна захлестывала еще дальше.

Так было и после битвы при Калке. Задавивши пленных князей, повернули тогда татары назад и скрылись.

Татарских предводителей влекла не только добыча, ожидавшая впереди, — они помнили и о том, что происходило в степях, оставшихся позади: там соперничали за старшинство, там орда выбрала предводителя из

числа ханов. Избранного хана поднимали на войлоке над головами, объявляя его новым вождем.

Важно было сохранить свои войска, для того чтобы не потерять удела в общей добыче.

После битвы при Калке татары появились снова в 1237 году. Их вел Батый*. На этот раз он сжег русские города, прошел через Польшу и Силезию в Моравию, дрался с соединенными войсками поляков и чехов, сжег столицу Венгрии Пешт.

Венеция надеялась только на свои лагуны.

Король венгерский Бела IV, разбитый татарами, бежал к Адриатике, в хорватскую землю. Хорваты вооружились поголовно. Сперва они бились в своих твердынях на берегу Адриатики, потом перешли в наступление, разбили татар под замком Дробником.

Обессиленные хорватами, татары ушли в Монголию.

Теперь мы знаем, что Батый получил известие о смерти великого хана Угедея* и поспешил вернуться со своей армией в Монголию, чтобы участвовать в выборах нового хана.

Гибель была как будто только отсрочена.

Мир узнал о том, как он велик, в содрогании страха.

Опасность почуял даже римский папа Иннокентий IV* — жестокий полководец и коварный дипломат, генуэзец, полновластно распорядившийся коронами всех европейских держав. Он послал к татарам монахов — посмотреть, разведать: что это за люди?

Со страхом поехали послы. Среди них монах Джованни Плато Карпини. Монах впоследствии донес о многом.

В том месте из книги Карпини, которое я сейчас приведу, правильно рассказано о завоевании татарами Северного Китая и о том сопротивлении, которое оказали им на юге Китая.

Карпини писал про Чингисхана:

«И когда он несколько отдохнул, то, созвав всех своих людей, двинулся на войну против Китая, и после долгой борьбы с ними они покорили большую часть земли китаев, императора же их заперли в его главном городе. Они осаждали его так долго, что у войска не хватило съестных припасов, и когда у них не было вовсе, что есть, Чингисхан приказал им, чтобы они брали для еды одного человека из десяти из числа воинов.

Жители же города мужественно сражались против них при помощи машин и стрел, и когда не стало хватать камней, то они вместо камней бросали серебро, и главным образом серебро расплавленное, ибо этот город был полон многими богатствами.

И после долгого сражения, не будучи в состоянии одолеть город войной, татары сделали большую дорогу под землей, от войска до середины города, и, открыв внезапно землю, выскочили без ведома тех в середине города и сразились с людьми того же города; и, разбив ворота, вошли в город; убили императора и многих людей, завладели городом и унесли золото, серебро и все его богатства и, поставив во главе вышеназванной земли китаев своих людей, вернулись в собственную землю.

И тогда впервые после победы над императором китаев вышеназванный Чингисхан сделался императором.

Все же некоторую часть земли китаев как расположенную на море они никоим образом не одолели вплоть до нынешнего дня».

Написано это было в 1245 году.

А вот что писал Плано Карпини в той же книге о китайцах:

«...Бороды у них нет, и в очертании лица они очень схожи с монголами, однако они не так широки в лице;

язык у них особый, в целом мире нельзя найти лучших мастеров во всех тех делах, в которых обычно упражняются люди.

Земля их очень богата хлебом, вином, золотом, серебром и шелком, а также всеми вещами, которые обычно поддерживают природу человеческую».

Рассказывал дальше Плано Карпини о том, сколько народов попали под иго монголо-татар. Разные истории рассказывал монах, чтобы пробудить у европейцев волю к сопротивлению.

Ужасна судьба побежденных.

«Совершив это, они вступили затем в землю турков, которые суть язычники; победив ее, они пошли против России и произвели великое избиение в земле России, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей России, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве...

Возвратившись оттуда, они пришли в землю Морданов *, которые суть язычники, и победили их войною. Подвинувшись отсюда против Билеров *, то есть великой Булгарии, они и ее совершенно разорили. Подвинувшись отсюда еще на север против Баскарат *, то есть Великой Венгрии, они победили и их».

Дальше монах передает сказки о неведомых народах:

«Выйдя отсюда, они пошли дальше к северу и прибыли к Паросситам *, у которых, как нам говорили, небольшие желудки и маленький рот; они не едят мяса, хотя и варят его. Сварив мясо, они ложатся на гор-

шок и впитывают дым и этим только себя поддерживают; но если они что-нибудь едят, то очень мало.

Продвинувшись оттуда, они пришли к Самогедам*; а эти люди, как говорят, живут только охотами, палатки и платье их также сделаны только из шкур зверей».

Кто такие паросситы, разгадать трудно. В книге Карпики они упомянуты были рядом с самоедами.

«Не думайте, что татары далеко, — говорил монах. — Готовьтесь, копайте колодцы в крепостях, запасайтесь провизией на двадцать лет, а лучше выходите сражаться в поле, а не ждите смерти в крепостях, как ждут ножа повара свиньи в хлеву и птицы в птичнике».

Побуждать людей к сопротивлению было нужно, потому что татары были искусными противниками. Против нестройных европейских войск они имели организованную армию. Вот как рассказал об этой армии тот же Плано Карпини:

«О разделении войск скажем таким образом: Чингисхан приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (и он по-нашему называется десятником), а во главе десятников был поставлен один, который называется сотником, а во главе десяти сотников был поставлен один, который называется тысячником, а во главе десяти тысячников был поставлен один, и это число называется у них тьма.

Во главе же войска всего ставят двух вождей или трех, но так, что они имеют подчинение одному».

Оружием татары тоже превосходили европейцев. Каждый из них имел: «два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полные стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия».

Татары славились своим умением переходить реки, и вот что об этом рассказывал монах-разведчик:

«Когда же они добираются до воды, то переправ-

ляются, даже если реки и велики, следующим образом: более знатные берут круглую и гладкую кожу, на поверхности которой они кругом делают частые ручки, в которые вставляют веревку и завязывают так, что образуют в общем некий круглый мешок, который наполняют платьями и иным имуществом и очень крепко связывают вместе; после этого в середине кладут седла и другие более жесткие предметы; люди также садятся в середине.

Это сооружение они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть впереди человека, который управляет лошадейю.

Более бедные имеют кошель из кожи, крепко сшитый. Всякий обязан иметь его. В этот кошель они кладут платье и все свое имущество, очень крепко связывают его сверху, вешают на хвост коня и переплывают с ним».

Татары запаслись на поход всем необходимым воину — не забывали даже про иглы, — и перед ними слабы были разрозненные войска далекой феодальной Европы.

В передовые отряды татары посылали пленных, а сами обходили врага с фланга.

Монахи учили, что, для того чтобы воевать с монголами, надо принимать новое устройство войска, подчинить его тысячникам, сотникам. Войско должно вступать в бой одновременно, не надо увлекаться грабежом во время боя.

Но татары были остановлены не переменой военного устройства Европы.

Великое государство татар само было непрочное. Оно распадалось на разные государства и области, оно не могло существовать единым вечно и не могло вечно наступать.

Татары остановились. Оказалось, что торговля с ни-

ми выгодна, что через весь мир легли дальние дороги, что купцы могут идти до Китая.

Оказалось, что татары не только грабят, но и покупают.

Из дальних стран пришли новые товары. В Венецию привезли материи новых и странных имен. На рынках начали дешевле торговать иноземными материями — китайскими, персидскими, бухарскими, индийскими, малайскими.

Некоторые из этих материй пришли из Аравии, и самое название их иногда сохраняло память о происхождении. Массулин, например, шел из Моссула. Теперь такую материю называют муслином, делают ее во многих странах, и корень названия давно позабыт. Бакараном или букараном теперь зовется грубая бумажная ткань, но в XIII—XIV веках называли этим именем совершенно иную, тонкую и легкую ткань, из которой шили белье королевам. Тафта и крепозин пришли с Ближнего Востока, желл — из Индии*.

Лев св. Марка посылал разведчиков на дальние пути. Венецианцы вспоминали о том, что статуя Юстиниана, увиденная венецианскими воинами на Константинопольской площади, издавна указывала на восток.

Узнали, что настоящее название татар — монголы*.

Монголы стояли там, за спиной у старых недругов Венеции — сарацинов.

Сказав: «Враг врага — друг», — начали думать о дружбе с монголами.

Говорили, что монголы завоевали весь мир и все народы, полагали, что со всеми ими можно было теперь торговать.

Венеция готовила корабли и товары, разведывала, что покупают и что где продают.

Меркурий и Марс — бог торговли и бог войны — старые союзники. Разведывая новые рынки, снаряжая

караваны, венецианцы готовились к войне и строили корабли.

Готовилась к торговле и походам соседняя Генуя: налили деревья на склонах гор, распиливали бревна на доски, спускали на воду новые военные корабли. Всевать Генуя и Венеция собирались не с татарами, а между собой.

ДОМ НА ОСТРОВЕ РИАЛЬТО И ДРУГИЕ ДОМА КУПЦОВ ПОЛО

НА ОСТРОВЕ РИАЛЬТО СТОЯЛ дом деревянный, под дранковой крышей. В этом доме было немало мебели, много сундуков и кроватей, вделанных в ниши. В этом доме был камин, перед которым сидели мужчины. Были, кроме того, ящики, в которые насыпали теплую золу. На таких ящиках сидя грелись женщины, потому что есть поверье,

что женщине нехорошо сидеть перед огнем.

Боялись пожара. Ночью все огни тушили. Уже много раз горела Венеция. Особенно ужасны были пожары 1105 и 1114 годов, когда выгорел весь Риальто.

При доме на дворе, отдельно, кухня и большие амбары, там лежали материи, пряности.

У дома столб для причала. Во дворе колодец с подземным притоком воды. У амбара отдельная пристань для товаров.

Из этого дома уезжали купцы — господин Никколо и господин Маффео. Ехали они торговать на Восток. Никколо оставлял жену беременной, а на сколько лет оставлял — сам не знал.

Маффео жены не имел. Был такой обычай в Венеции, что женился только один из братьев, а холостые братья жили с путанами — с женщинами, связь с которыми не считалась браком. Так делали для того, чтобы не дробилось имущество знатных купеческих домов. И это не казалось ни странным, ни обременительным.

Братья Поло собрали провизию. Сопровождаемые многими слугами, сели они на корабль.

Ехали они не столь долго и увидели город Константинополь, лежащий между Черным морем и Средиземным.

Город выглядел богато, хоть и не залечил еще разрушений, причиненных крестоносцами. Его ограждала высокая крепостная стена, и по виду своему город представлял как бы треугольник. Внутри города много холмов и долин. К домам проведена вода издалека. На противоположной стороне Золотого Рога — город генуэзцев; у него две части — Пера и Галата. Золотой Рог заперт решетчатыми воротами.

Здесь — гавань города.

Пролив между Константинополем и Перой узок и глубокий. Любой корабль мог подойти к самой стене и положить мостик.

На берегу гавани по-прежнему стояла конная статуя императора Юстиниана и показывала рукой на восток.

Город и теперь казался богатым, но прежде был богат больше.

В украшенном мозаикой соборе св. Софии зиял пустой проем арки, из которой увезены были бронзовые ворота. Перед церковью — каменная высокая колонна. На колонне — медная лошадь на полном скаку. Лошадь только одной ногой касалась колонны. Чтобы она не упала, ее расчалили во все стороны железными цепями. Гипподром, где бывают конные состязания, огромен и окружен амфитеатром из мрамора. Здесь остался постамент от тех лошадей, которых увезли венецианцы в Венецию.

В городе было неспокойно: венецианцы, генуэзцы, греки нападали одни на других в лавках, на базарах и кораблях.

В городе зрели заговоры и ждали переворота. Генуэзцы и венецианцы ходили с оружием.

Братья Поло прожили в Константинополе пять лет. Пошел шестой.

Из Венеции приходили вести. У жены Никколо родился сын. Его называли Марко. Он здоров, а женщина умерла в родах.

Все так же торговали в Константинополе лавки, базары. На том берегу стояла Пера, щеголяя новыми стенами. Стена шла вдоль моря, у самого берега, потом поднималась на холм. На самой вершине стояла большая башня.

Купцы Перы и Галаты — генуэзцы — готовились захватить всю Византию.

Венецианские купцы Поло — Никколо и Маффео, — имеющие на гербе изображение трех галок, собирались в новый перелет.

Кроме дома на острове Риальто, кроме дома в Константинополе, был у них свой дом в Солдае, в городе на Крымском полуострове. Они решили съездить туда с товарами.

Черное море неспокойно.

Много рек вливается в это море, оно кипит и все ходит кругом, изливаясь через Босфор в Средиземное море.

Северный и северо-западный ветры перерезают это море и леденят корабли.

Но путь братьев был благоприятен, и они скоро пристали к великому порту, одному из самых знаменитых портов земли. Звался порт Солдаея.

Русские же в старые времена звали его Сурожск, а потом назвали Судаком*.

В Солдае прежде жили куманы — по-русски половцы, сами себя они звали кипчаками*. Жили здесь генуэзцы, венецианцы, евреи, хазары, русские.

Татары овладели Солдаею. Жители разбежались кто в горы, кто за горы, кто за моря. Но прошло время, и восстановилась торговля.

По-прежнему на высоком крутом холме стояли стены, по-прежнему вода, проведенная издалека, бежала из мраморных фонтанов; по-прежнему внутри крепости торговали.

Сюда привозили из России горностаи, беличьи и другие драгоценные меха. Сюда привозили из Азии бумазю, шелковые ткани и душистые корни. Сюда же привозили рабов.

С товарами пришли в Солдаю братья Поло. Они имели там дом, но жить в нем не решились. Посмотрели на те товары, что русские звали сурожскими, и поехали дальше.

Нехорошо было здесь жить венецианцам. И здесь, как в Константинополе, были теперь генуэзцы. Им принадлежала Кафа, стоявшая на месте нынешней Феодосии. Оттуда они торговали рабами.

Отношения генуэзцев к татарам были полувассальные, и в 1380 году*, восьмого сентября, им даже пришлось на Дону участвовать в бедственной для татар битве против русских. Но до того дела в описываемую пору оставалось еще сто двадцать лет.

Братья Поло передали свой дом в Солдае одному монастырю и поехали на Восток.

Ехали по Крымской земле.

Около самой Солдаи находился город Солхат* — нынешний Старый Крым, что стоит и сейчас на Симферопольском шоссе. Город этот тогда был так велик, что всадник едва мог объехать его на хорошем коне за полдня.

Храмы города покрыты были мрамором и порфиром*.

Отсюда шли караваны по всему миру. Здесь стояли

гостиницы, и в них жили люди, привезшие к Черному морю ценные товары, часто неизвестно где сработанные, обычно купленные из вторых рук. Известно было, что от Солхата до Китая путь обходится около двух тысяч рублей золотом на человека. Да к этому еще надо было прибавить рублей полтора на голову выючно-го скота.

Братья Поло ехали крытыми повозками, запрягая в повозку по три верблюда.

Ехали медленно.

По дороге стояли замки. Всего путешественники в Крыму проехали мимо сорока замков и городов. Почти в каждом замке был другой язык или наречие. Были замки генуэзцев, греков; был каменный город, вырезанный в скале, — в нем жили евреи. В некоторых замках жили готы*.

В Крыму готы жили с III века. Их было около трех тысяч. Первоначально они находились в зависимости от византийцев, потом от половцев и затем от татар. В «Слове о полку Игореве» упоминаются готские девы, которые звенят русским золотом, захваченным половцами.

Ехали братья Поло мимо готских и генуэзских замков. Миновали Перекоп*. Прошли через склады соли, известной тогда по всему миру. Вступили в степь.

Проехали мимо курганов, на которых стояли каменные изваяния, увидели могилы куманских вождей. Над могилами висели конские шкуры.

Татары не трогали могил, потому что боялись мертвых больше, чем живых.

Ехали братья Поло степными дорогами дальше.

Жаворонки пели над головами. Солнце палило. Звенела вокруг степная трава.

Встречались башни из кирпичей, кое-где каменные дома, хотя камней нигде не было видно. Встречались

погребения — большие площади, выложенные камнями, одни круглыми, другие четырехугольными, и по четырем сторонам света — четыре высоких каменных столба.

И опять степь, и в степи курган, и над курганом жерди, и на жердях шестнадцать шкур лошадиных — по четыре с каждой стороны; рядом в маленькой чашке стоит кумыс.

Монголы заняли страну.

Половцы были разбиты. Они умирали в Крыму с голода, ели листья, ели траву, но монголов вокруг было немного, и половцы кочевали в степях. Сменились только господа в кочевьях.

Степи были обширны. Народы терялись в них, смешивались, как мешается трава на лугах.

Купцы шли дальше по долгим своим дорогам.

СЛЕДОМ ЗА БРАТЬЯМИ ПОЛО в повозках везли товар, провизию, тюфяки для ночлега. Сперва обоз шел на Дон. Отсюда караванный путь, изъезженный уже многими купцами, вел до города Сарая*. Считали, от Дона до Сарая двадцать пять дней пути на быках и еще двенадцать дней. Дойдя до большой реки, нужно было пройти

один день водою вверх, чтобы попасть в столицу хана. Оттуда на реку Яик — восемь дней. Оттуда двадцать дней ходу до столицы Хорезма на Аму-Дарье. Оттуда тридцать пять — сорок дней до Фарабата в Туркестане. От Фарабата до Старой Кульджи сорок пять дней караваном. Потом семнадцать дней до Хами. И оттуда до Желтой китайской реки сорок пять дней верхом...

Так ходили тогда купеческие караваны; шли медленно, меняли в дороге товар; брали в России лен и полотно, везли в Китай.

Но братья Поло, дойдя до Дона, подсчитали доходы и расходы и решили пока что в Китай не ехать. Они пошли на реку, которую звали Ра, потом Итиль, а теперь называют Волгой.

Там стояла ставка великого золотоордынского хана.

Братья Поло увидели на Волге разоренные села русских, болгар. Но Волга, великая река, не была пуста.

Люди торговали. По Волге шли барки; везли не только меха соболей, горностаев, хорьков, ласок, куниц, лисиц и бобров — везли также свечи, и стрелы, и

кору, нужную для дубленья, и рыбий клей, и моржовый зуб, и мед, и березовую кору, и орехи.

Снизу шли по Волге азербайджанские клинки и ткани.

Шли барки мимо горелых мест.

В дороге братья Поло узнали, что великий хан сохранил под собственным управлением восточные и северо-восточные провинции — те места, которые мы сейчас называем Маньчжурией, Кореей, Северным Китаем, Монголией, Тибетом, и те места, где сейчас находятся республики Таджикиская, Узбекская, Туркменская.

Хан захватил Кашмир и часть Гималаев.

Другие ханы подчинили себе земли от Невы до Аральского моря, от тундры до Крыма и Кавказа, а з другую сторону — до Дуная и Карпат.

Однако русские князья, платя дань татарам, в остальном сохраняли свою власть.

В Сибири были свои собственные ханы. Афганистан, Персия, Белуджистан, обширные закаспийские земли, а также восточная половина Малой Азии принадлежали другой отрасли Чингисова рода, и, наконец, существовали ханства, включающие в себя часть нынешнего Узбекистана и китайского Туркестана.

Границы лежали на Аму-Дарье, Аральском море, на озере Балхаш и дальше шли по Алтаю.

Границы были непостоянны. Ханства создавались и распадались.

Братья ехали к хану Берке*, ставка которого была на Волге.

По дороге к ним пристал попутчик — венецианец Дудже.

В степи жили люди в юртах, поставленных на колеса. Юрты покрыты белым войлоком. Некоторые юрты так

велики, что имели до тридцати футов в ширину. Их везли с места на место не разбирая.

Двадцать два вола, запряженные в два ряда, тянули эту повозку. Ось повозки была как мачта корабля. Ехали повозки, нагруженные сундуками, повозки, запряженные верблюдами.

Венецианцам интересно было останавливаться в богатых юртах, говорить с хозяевами через переводчиков о ценах на рабов, шерсть и воск.

Купцов угощали кумысом.

Когда пил господин, то при каждом глотке один из слуг восклицал громко: «Га!»

Кумыс предлагали настойчиво, и когда хотели побудить кого-нибудь к питью, то хватали за уши и сильно тянули в стороны, чтобы, как говорили, расширить горло.

Но ушей венецианцев никто не касался, потому что они были в этой стране чужеземцы.

Здесь ели мясо, высушенное без соли, но не дающее никакой вони. Мясо ели разрезанным на куски, вместе с водой и солью, потому что не знали другой приправы.

Между тем страна была богата. Ткани шли сюда из Китая, из Персии, из теперешней России и других северных стран шли меха, такие драгоценные, что венецианцы не могли оторвать от них глаз. У богатых было по две дорогие шубы, даже бедные носили шубы из собачьих и козьих шкур.

Ехать было все же трудно, потому что в ответ на угощение кумысом приходилось угощать сухарями и давать вино, которое нужно было венецианцам для дороги самим.

Переплывали широкие реки.

На маленькие лодки ставили повозки так, что правые колеса были в одной лодке, а левые — в другой.

Ехали дальше.

Ночевали в степи и тайно мыли у рек платье. Платья здесь никто не мыл, потому что татары боялись, что небо пошлет за это гром. Моющих платье здесь били.

Только посуду мыли кипящей похлебкой из котла и похлебку выливали обратно в котел.

Руки мыли, набравши воду в рот и мало-помалу выпуская ее в горсть.

Степь была пройдена, начались леса, уже зеленые, потому что наступала весна — лучшее время для путешествия.

Купцов уважали. Их не трогали. Купцы привозили не только товары, но и вести. И то и другое было нужно. Купцы приучали татарскую знать к новым товарам, к иной жизни: позволяли использовать добычу, взятую у врага, превратив ее в камни, или в золото, или в ткани. Во время войн русских с половцами караваны купцов проходили беспрепятственно. Во время войн арабов с крестоносцами караваны шли не останавливаясь.

Пришли братья Поло к Волге и, переправившись через нее благополучно, попали на остров, где стоял город Булгары — город древний и знаменитый.

Булгарское царство соединяло в себе когда-то народы разных племен, среди которых были и славяне. Жили в Булгарии довольно богато, выделывали меха и кожи, в том числе известную всему миру юфть*. Люди в Булгарском царстве ходили в сапогах, что считалось тогда богатством.

Татары разбили Булгарское царство и приняли на себя его торговлю.

Город Булгары был обитаем преимущественно зимой, а летом многие жители его выходили со стадами кочевать на поля. На зиму вокруг города ставились юрты, и город вырастал.

Город имел много деревянных домов из сосновых

и дубовых бревен. Посредине возвышалась круглая башня, на вершину которой вела крутая лестница в семьдесят две высокие ступени.

Здесь встретили братья Поло хана Берке.

Это он произвел первую перепись на Руси, он же первым из монгольских ханов принял новую для монголов-кочевников религию — магометанство. Монголы до этого все обоготворяли огонь, верили в духов, которых можно призвать камланием*.

При татарах жили люди разных вер: несториане, якобиты — остатки древних христианских церквей Востока, католики, православные. В русских житиях святых рассказывается о почтении, которое иногда оказывали татарские ханши русским митрополитам.

Вопрос о вере был вопросом о влиянии. Недаром папа посылал монахов-послов к монголам. Победили мусульмане.

Во времена братьев Поло дело еще колебалось.

Берке принял братьев ласково.

В то время хану было пятьдесят шесть лет. Его большое лицо было желто, подбородок плохо закрыт жидкой бородой, черные волосы зачесаны за уши; в одном ухе золотая серьга с крупным камнем; на хане был шелковый халат, на голове колпак из зеленой кожи болгарской выделки, на ногах башмаки из красного шагреня*, кушак и шапка украшены дорогими камнями; оружия хан не носил.

Он сидел на престоле, покрытом греческой парчой. По правую сторону от него находились подвластные ханы, по левую он посадил купцов.

Перед каждым гостем поставили отдельный столик. Гостям дали мясо и медовое вино.

Разговор шел о камнях, товарах.

Берке был любезен, взял весь товар и дал за него большую плату.

Братья остались на Волге, в гостях у Берке-хана, на целый год.

Они узнали, что на севере есть места, где зимой ездят не на колесах, а на старинных повозках с гладким дном, впереди загнутым в виде полукруга, и в сани — так зовут повозки — запрягают собак. Люди, которые ездят на собаках, не русские и говорят на неведомом языке. А в небе там зимой не бывает солнца, но играет непонятный и безмолвный огонь. Виден он не каждые сутки.

На Руси, говорили братьям, можно купить хороший воск, и рыбий клей, и мед, и черных лисиц.

Ночи на севере летом так коротки, что не успеваешь выспаться, и в небе показывается совсем немного звезд. Заря не утихает всю ночь, свет так велик, что можно видеть лицо человека на расстоянии выстрела из лука. Луна едва успевает появиться на горизонте, как уже блекнет перед утренним светом. Ночь коротка, а дальше на север, там, где ловят соболей и добывают голубых песцов капканами, ночь, говорят, короче часа.

Но и на Волге было странно.

Виноградного вина не найдешь. Пили медовое вино, кумыс, а весной — березовый сок.

В банях мужчины мылись вместе с женщинами, так же как и в Европе, но при этом били сами себя березовыми вениками.

За преступление наказывали, привязав человека за руки и за ноги к четырем столбам и рассекая ему потом топором тело от шеи до живота.

Наступила осень. За ней зима. Дуло, мело; сидели венецианцы у огня.

Зимой Дудже, спутник братьев Поло, уехал в Москву.

Россия — страна большая, где много князей, царствующих над красивым, простодушным, белокурым народом. Они платили дань татарам Золотой Орды.

Рассказывали, что в России хорошие охотничьи крепеты и соколы.

Подходит Россия к студеному морю, и можно бы ехать тем морем до Норвегии, но холод преграждает пути. Даже для купцов Поло тот путь оказался невозможным.

Рассказывали приезжие люди про Москву. Была тогда Москва новым городом; туда переходила торговля из разоренного Киева. Уже торговала Москва с генуэзцами и венецианцами.

Около дубового Кремля, стоявшего на высокой лесистой горе, там, где река Неглинная впадает в Москву-реку, стоял целый ряд с сурожскими товарами, привезенными с юга.

В городе Сарае на Волге, в великом городе болгар, встретили братья Поло посольство египетского халифа, приехавшего к хану золотоордынскому.

Монголы, владеющие Ираном, под предводительством хана своего Хулагу* воевали с владетелями Египта. Берке, золотоордынский хан, враждовал с Хулагу, и вот почему египтяне прислали Берке великие подарки: мечи дамасские* с насечками, франкские* латы и шлемы, венецианские материи и материи из Леванта*, луки для метания ядер и луки для метания огня, много ящиков со стрелами, кожаные ковры, цветные фонари, Коран, арабских коней, нумидийских* верблюдиц, слона, жирафа, египетских ослов и одежду из Александрии.

Печально смотрел жираф на приволжские степи. Дело было уже к осени, в степях сквозило.

Жираф, когда он и стоял, имел столь покатуую спину, что казался сидящим. Печально смотрели на него купцы: подарки, столь поразительные, могли предвещать только одно — войну. Венецианцы начали собирать товары, меняя тяжелое на убористое и дорогое.

И в самом деле началась война Берке с ханом, кото-

рого называли они Алау, а мы обычно называем Хулагу. Хулагу был тоже внук Чингисов.

Началась война, и тут, как говорят арабы, дьявол выпустил чертей из бутылки времени.

Беда состояла в том, как рассказывает персидский историк Васса, что Хулагу и Берке нарушили права караванов и купцов и начали отбирать богатства купцов и даже убивать самих купцов и ремесленников.

Купцы Поло уехали, впрочем, еще тогда, когда войска не начали сражаться.

ДЕРБЕНТ-КАЛУГА

ВЕЛИКАЯ МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ была не едина.

В ней соперничали ханы, вожди, борясь за богатые земли.

Хан Хулагу завоевал Азербайджан. И хан Берке тоже хотел занять Азербайджан.

Там были прекрасные пастбища в низовьях Куры. На этих пастбищах хорошо было зимовать скоту, а летом скот уходил в горы.

В Азербайджане было много ремесленников, производивших дорогие ткани, ковры и мечи, которые расходились по всему свету.

Но Азербайджан был завоеван войсками Хулагу, Хулагу особенно дорожил этой областью. Он сделал своей столицей город Тавриз*, который стоит недалеко от соленого озера Урмии.

Золотая Орда и монгольские властители закаспийских земель воевали между собой из-за Азербайджана с перерывами в течение почти целого столетия. Начало этих боев помешало братьям Поло вернуться на родину. От Берке они успели уехать, когда война еще не начиналась, но зато война быстро нагнала их в пути.

Там, где горы Кавказские подходят почти к самому Каспийскому морю, издавна стоит город Дербент. Был он незапамятно древним уже и тогда, когда Берке воевал против Хулагу. Вокруг в горах жили лезгины и алавы*, предки нынешних осетин. Дербентский проход всегда охранялся, и о нем писали еще в римских книгах. Близ города, между горами и морем, узкая дорога

загорожена каменными стенами. Через эту дорогу проходили завоеватели из Азии. Стены города тоже сложены из камней; над ними поднимались башни, но ров вокруг не было. Место это было хорошо известно генуэзцам, которые даже держали здесь корабли и ездили отсюда за шелком.

Слово «Дербент» — персидское. «Дер» значит дверь, «бент» — преграда. Дербент — это врата заставы персидски.

У арабов это место называлось Баб-уль-абвап, то есть Главные ворота, или еще Баб-уль-хадид — Железные ворота. Турки тоже называли это место Железными воротами (по-турецки — Темир-капысы).

Здесь, у Дербента, сошлись войска Берке и войска Хулагу.

Воины были одеты в железные панцири, носили железные шлемы, а те, что были беднее, защищали себя кожаными доспехами.

Сошлись войска. Вечером в обеих ратях ободряли нойны — военачальники — своих воинов, обещая большую добычу, говоря о праве и силе.

Ударили в большие навары* — войсковые барабаны, и воины начали бить в малые барабаны у седел, и конные рати начали сходитьсь.

Дрались за Дербент-калугу.

Калуга по-татарски значит застава, преграда. Поэтому есть город Калган* на старой русско-китайской границе, есть город Калуга у нас на Оке, где пролегалла граница между русскими и ордынскими землями.

У Дербент-калуги сошлись монголы с монголами.

Стрелы затмили солнце, и не переставали люди бросать стрелы до тех пор, пока не опустели колчаны. От стрел делались тяжелыми щиты, в которые они вонзались, и бесились раненные кони.

Гроза началась во время боя, но люди не слышали грома.

Шел бой, и черепа людей дробились под конскими копытами.

Повернули татары Берке и побежали. То была хитрость, потому что татары любили сражаться отступным боем и именно так разбили русских людей на Калке. Но сын Хулагу, Абаги, гнал войско Берке до Терека. В это время люди Берке напали на Абагу; побежали войска к реке. Рассказывают, что Терек был подо льдом. Люди сражались на льду, под копытами коней вскрылась река, начался ледоход, и множество людей потонуло.

Иные из тех, кто рассказывает про этот бой, приписывают победу Хулагу, иные — Берке.

Когда сам Берке-хан прибыл на место боя, то увидел он ужасное избиение, и груды тел, и черный дым, поднимающийся над землею. То жгли тела убитых, чтобы гниением своим не отравили они воздух.

Сказал Берке:

— Если бы мы действовали сообща, то покорили бы всю землю.

Воины с юга вернулись на Русь и принесли туда песню:

Ой, Дербень, Дербень-калуга!..

что значит:

О застава Дербента!..

По всей русской земле прошла эта песня, и долго дразнили ею русские люди татар...

На стерпев лютого томления под басурманским игмом, узнав о войнах татар с татарами, восстали русские. Еще в 1259 году был великий мятеж в Новгороде. Услыжав же о боях у Дербент-калуги, восстали в 1262 году Ростов, Суздаль и Ярославль.

А Хулагу прожил после этих боев еще шесть лет и умер в феврале 1265 года, на сорок восьмом году жизни.

Рассказывали о нем, что хан с европейцами приветлив. Говорили даже, что он собирается принять христианство, к нему писал папа Александр II, уговаривая его помочь христианам в Палестине.

Когда ходили венецианские купцы по дальним дорогам и выгадывали прибыль из чужой беды, подрастал в Венеции сын Никколо Поло — Марко.

Марко учился стрелять из лука, гонял свиней святого Антония. Осенью смотрел, как режут скот на зиму, как солят мясо, приправляя его, потому что лед был дорог в Италии и плохо пахло бы свежее мясо, если бы не сдабривали его при солении душистыми иноземными пряностями. Пряности дорожали.

Слухи были тревожные. Из-за моря пришли корабли; моряки говорили о бое у Дербент-калуги и о том, что купцы, ушедшие на Восток, не подают о себе вестей. Великая идет война на Востоке, рассказывали моряки. Нет оттуда ни вестей, ни товаров.

Плакать рано. Тревожиться можно.

Тревожились женщины на поварнях, развешивая колбасу для копчения, говоря о неведомых землях, откуда приходят пестрые ткани и пряности, необходимые для кухни. Приходит через торговлю богатство.

Но товары с Востока не шли, и богатство не умножалось.

КУПЦЫ СОБИРАЮТ СВЕДЕНИЯ О СТРАНЕ СИБИРЬ И О СТРАНЕ КАЗАХСТАН

В КАЗАХСТАНЕ СИДЕЛ НА своем уделе хан Кончи³, внук Джучи⁴, старшего сына Чингисхана. Земли его удела шли к северу. Пути по той стране проложены были больше скупщиками мехов, чем воинами.

Про Кончи и про его земли, лежащие в стране Семи рек⁵ и в низовьях Сыр-Дарьи, рассказывали в стране Булгар много.

В книге Марко Поло есть главы, в которых он рассказывает услышанные им в детстве рассказы отца и дяди. Сведения о Казахстане и о Сибири перемешались в этих главах так, как смешиваются товары на складе. Попробуем их разделить.

«Кончи, — передает Марко Поло слова старших, — татарин. И все его подданные татары. Бога они своего делают из войлока и живут как звери».

Подданные Кончи на самом деле не были все татарами. Монголы пришли в те земли и покорили себе народы тюркского⁶ корня.

Дальше Марко Поло рассказывает правильно:

«Король тех людей никому не подвластен, хотя он из рода чингисханов, то есть из рода владельческого, и близкий родственник великого хана, но у него нет ни городов, ни замков. Живут его люди в широких равнинах и на высоких горах. Едят они мясо и молоко, а хлеба у них нет никакого. Скотины у них много: верблюдов, коней, быков, овец и других животных».

Тут рассказано про степь все правильно, хотя и в

то время в Казахстане был хлеб и было просо. Но дальше к сведениям о Казахстане примешиваются сведения о Сибири.

«Есть у них белые большие медведи, — говорит Марко Поло. — Есть лисицы, совсем черные...»

И сразу же он переплетает это перечисление со сведениями о Средней Азии:

«...и дикие ослы».

Про диких ослов * рассказывали заморским купцам охотники как про диковинку страны казахов.

Про белок, горностаев и белых медведей, про трудность добычи и про высокую цену мехов рассказывали они, сбывая эти меха, чтобы поднять цену при продаже.

Вот что рассказывали они, например, чужеземцам про тайгу и тундру (хотя доподлинно известно, что была же в той стране тогда почтовая гоньба).

«Есть у этого короля Кончи страна, где много озер и ручейков, — продолжает пересказывать Марко Поло давние слова своего отца и дяди. — Там лед, трясина и грязь, и лошади там пройти не могут. Эта дурная страна протянулась на тридцать дней пути, и на каждом перегоне дневном есть стоянка для гонцов. На каждой стоянке до сорока больших собак, и на собаках едут гонцы от одной дневки до другой, и все лед, и все грязь той дорогой, и нельзя там проехать на телегах. Сделали люди повозки без колес. Есть такие, какие у нас в Италии иногда возят сено и солому зимой. Гонец покрывается в санях медвежьей шкурой и лежит, а сбоку садится возчик и погоняет собак. И едет он дорогой прямой, короткой, до другой стоянки, где сменяются собаки. И так ездят из-за того, что в горах и долинах много соболей, белок и черных лисиц. Из них выделывают дорогие шубы. Зверей тех не стреляют, а ловят ловушкой. И эта страна тянется до другой страны, ко-

торая называется Тьмой. Тут нет ни солнца, ни луны, ни звезд и всегда сумрачно...»

Можно понять, что это полярная страна и что здесь прекратились дневки для стоянок и дальше пошла страна слухов.

Пересказывает дальше Марко Поло:

«У жителей нет государя. Живут они как звери: никому не подвластны. Все они охотники, и просто удивительно, сколько мехов здесь набирают. Люди эти выносят меха туда, где есть свет, и там продают...»

Слышал также Марко Поло со слов своего отца, что в дальней холодной стране жители живут в домах подземных или надземных. Подземные дома — это землянки, а надземные дома — это, вероятно, те балаганы на столбах *, которым потом удивлялись при освоении Камчатки русские землепроходцы.

Дорогие меха приносили с собою на Волгу далекие гости.

Но не скоро еще могло наступить то время, когда Никколо и Маффео будут рассказывать своим домашним и соседям обо всем, что узнали они в удивительной стране Булгар.

Началась война, и пути караванов стали опасны. Возвращаться в Венецию было невозможно.

И Марко рос, не зная отца.

БЕРКЕ УВЕЛ СВОИ ОТРЯДЫ ЗА Волгу.

За Волгой было и раньше неспокойно: грабили татары, грабили русские, нападая на путников, чтобы достать пищу и лошадей.

Нужно было что-то решать, и братья Поло решили ехать в Бухару — знаменитый и славный город.

Шли братья-купцы шестнадцать дней в пустыне, не встречая ни городов, ни крепостей. От Сарая отправились купцы на восток, обогнули Каспийское море, прошли мимо моря Аральского, имея его по левую руку; прошли через плавни великой реки Аму-Дарьи и, минуя великий город Ургенч, пришли к городу Бухаре.

В прекрасном оазисе у низовья реки Зеравшан, над большим арыком Шахруд, стоит Бухара. Была она в древности столицей огромного могущественного Саманидского * царства. Жители его славились богатством и ученостью. В далеких степях терялись северные границы саманидских владений; к востоку простиралось их царство до голубых гор Тянь-Шаня, на юге границей был Персидский залив, а к западу владели саманиды землями почти до самого Багдада. Здесь, на землях этого царства, узнали арабы многие неизвестные дотопе ремесла и искусство. Отсюда они вывезли впервые на Ближний Восток и в Европу пришедшую из Китая бумагу *.

При арабах-саманидах пришли в Бухару мусульмане, и стал древний город оплотом ислама и прибежищем

мусульманских ученых. Потом, в X веке, Бухару покорили югуры * — тюркское племя. В XIII веке напали на Бухару монголы.

Великое царство распалось, город был сожжен.

Дольше сопротивлялся Самарканд. Его защищали ремесленники и ученые мусульманских духовных школ.

Бухара долго стояла в развалинах, но понемногу отстроилась как могла. Опять вокруг нее выросли стены.

За пустыней увидели купцы эти глиняные стены, серо-голубые, увенчанные зубцами. Но город еще был далек. Поля перед городом были заняты кладбищами и садами.

Купцы подъехали ближе. Стены имели в высоту более трех копий; двум копьям равнялась их толщина; в стенах одиннадцать ворот. Сто тридцать одна башня поднималась над зубцами. Купцы въехали на узкие улицы города. Улицы были в шесть-семь, редко в восемь шагов шириной. Через город текли шумные арыки. В городе стояли темно-зеленые пруды, над которыми изгибались деревья. После пустыни мутно-зеленые воды прудов казались приятными. Дома на улицах были узкие, вымазаны глиной и не выбелены; крыши плоские.

Весь город торговал, шумел. На холме стояла крепость. В крепости жили монголы — хозяева города. Вели в крепость только одни ворота. Персы, индусы, татары, евреи в черных халатах, китайцы толпились в городе. Здесь был большой рынок. Город Бухара, даже и разрушенный, был лучшим городом Джагатайского ханства *.

Купцам-перекупщикам здесь было раздолье.

Здесь проторговали братья три года.

Лучший фарфор в Бухаре — из Китая.

Шелк шел из Китая. Из Китая шли золотые вещи.

Про женщину там говорили, что она красива, как китаянка.

Говорили про китайских мастеров, что у них два глаза, а у франков только один.

Нехорошо купцу покупать товар из вторых рук. Товар нужно покупать там, где он дешев, там, где умеют ткать ткань, обжигать белую глину.

В Бухаре было в то время посольство великого хана Кубилая, который властвовал над всеми землями, занятыми монголами, и жил сам в Китае.

С посольством поехали в Китай венетианцы.

Знали они, что заняли Китай монголы, что стоят их аулы около городов. Покупают монголы в городах мясо, но китайцам не доверяют, а сами делать вещи не умеют и не умеют управлять завоеванной страной. Поэтому хорошо в Китае у монголов сарацинам и сирийцам-несторианам *. Хорошо, верно, будет и венетианцам. Можно встать между завоевателями страны и умеющим хорошо работать китайцем.

И потом — не все ли равно, куда ехать, если ехать вместе с посланниками и население по дороге будет давать корм и подставных лошадей.

Как ехали венетианцы в Китай, неизвестно. Можно думать, что посольство пошло через Самарканд, на Кульджу *, а оттуда вышло на северную Тянь-Шаньскую дорогу.

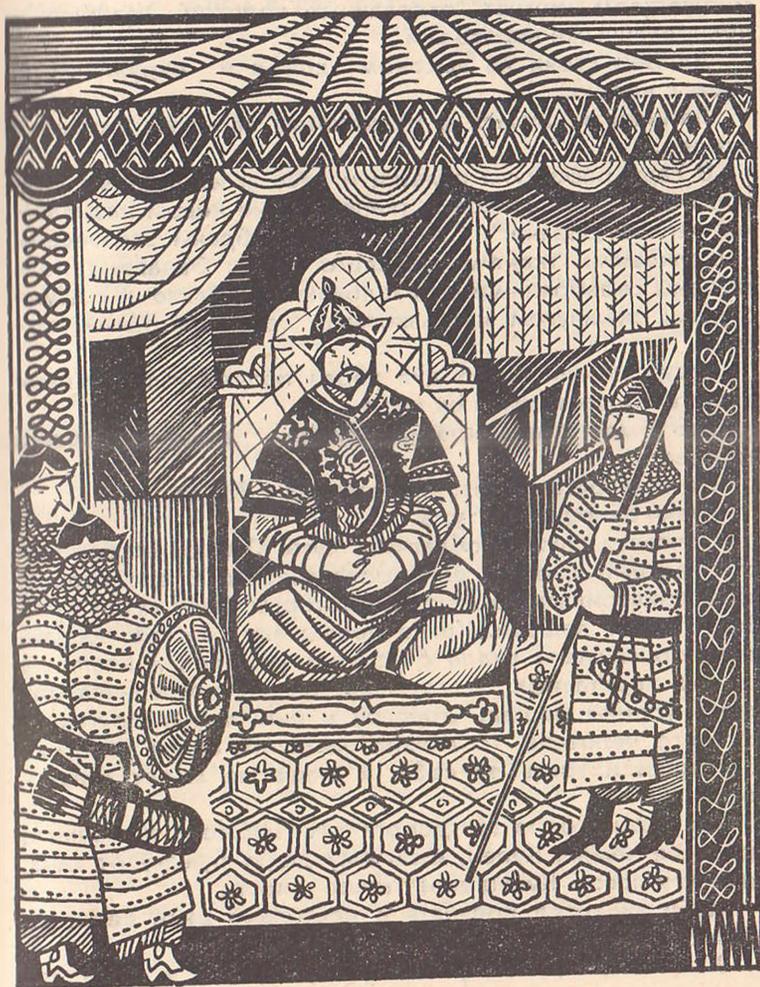
Под стенами города Самарканда на лужайках паслись тяжелые боевые слоны.

Дороги пересечены быстрыми мутными арыками.

Вне города, на расстоянии выстрела, стояли две башни такой высоты, насколько можно бросить вверх камень; они были сделаны из грязи и человеческих черепов. Рядом были еще две башни из того же материала поменьше.

Сады города полны фруктовых деревьев; от водоема к водоему дороги из высоких и тенистых деревьев.

Путешественники остановились в ханском дворце со

множеством комнат, отделанных золотом, лазурью и полированными изразцами.

Дворец стоял на высоком холме и окружен был вром с водою.

Латники в шлемах и решетчатых забралах охраняли дворец.

В саду раскинуты палатки и навесы из цветных ковров и вышитых шелковых тканей. Такие ковры называемы теперь сюзане *. Стены дворца убраны занавесами и шелковыми тканями розового цвета. Занавесы подхвачены серебряными и позолоченными бляхами с изумрудами, жемчугом и шелковыми разноцветными кистями.

Когда легкий ветер дул через полутемные комнаты дворца, то раскачивал он кисти.

Это было очень красиво; такими вещами можно торговать.

Но еще богаче, говорят, дворцы в Китае.

Ехали венецианцы туда.

Почтовая служба облегчала путь. Стояли на дорогах специальные дворцы для проезжающих. В эти дворцы вода привозилась из мест, до которых были сутки пути. Везде были лошади. Когда проезжали ханские посланники, то снимали седла с усталых лошадей и клали на свежих подставных. Этого мало: если у посланника или князя устанет лошадь дорогой и они увидят другую у частного человека, то можно заставить сойти человека с лошади и взять ее себе, и никто не смеет сказать «нет».

Не только одна эта дорога так снабжена лошадьми, но и вся земля. Купец, если ему дадут бумагу от хана, едет как посол. Купец везет товар и вести.

Кубилай хотел получать в несколько дней вести со всех своих земель и ото всех границ.

Хан говорил, что пускай лучше приедет к нему по-

сланник или купец в два дня и заморит двух лошадей, чем приедет в три дня, сохранив лошадь.

Дорога уставлена столбами, указывающими расстояние.

Посланные должны проходить не менее десяти лиг в день. Каждая лига — около двух европейских миль. Но посланный проходил по пятнадцати и двадцати больших лиг в сутки. Если падала лошадь в месте населенном, то мясо продавали жителям, а если лошадь падала по дороге, то ее бросали. Все это увидели братья Поло в дороге. Так ехали купцы с посланником великого хана. Они переправлялись через мутные реки, пересекали оазисы, в которых уже созрел хлопчатник, дающий пух, похожий одновременно и на шерсть овцы и на пух ивы.

Воля хана вела купцов. Жара не спадала и ночью, ветер был сильный и знойный.

Они шли через пески. Кони вязли, переходя через холмы, покрытые рябью, как рябо под водою дно моря на мелях у венецианского Лидо. Редкие сухие тамариски * встречались по дороге. За песками лежал город, весь в яблоневох садах. Горы, покрытые снегом, стояли на горизонте.

Между яблоневыми садами и синим снегом синели густые еловые леса.

Длинные облака не плыли, а стояли у гор, там, где жара долины заставляла таять снега.

Быстрая река разбивалась в арыках. Дальше шла дорога в горы. Серебряная гора с желтыми отвесами, с бесчисленными уступами и пиками, гора, описанная мономом Чань-Чунем *, который ехал к Чингисхану, и больше никем не описанная, стояла перед венецианцами.

Встречные камни становились крупнее; здесь невозможно было уже пройти ни колесам, ни коням со всадником. Люди спешили и вели коней за собой.

Сосны прямые, как свечи, поднимались до неба одна подле другой. Птицы смолкли. Пустынно и молчаливо. В синем небе голубым раскатыстым пламенем плавилась в ветре хвоя.

На южных склонах было еще тепло, на северных венецианцы чувствовали холод, как будто они были одеты не в шерсть, а в железо.

Скалы стояли вокруг, покрытые тяжелыми снегами. Нужно здесь было молчать, потому что боялись обвалов. Ехали дальше. Ехали через поле, усеянное белыми костями, ехали снова через сто песчаных холмов и ночью обмазывали головы коней кровью, потому что боялись духов.

И снова шли горы; вдали были они белы, как песок, а ближе оказывалось, что они покрыты снегом.

Шли дальше. Уже не было людей кругом; ссыхались губы, целые дни проходили в молчании. Земля была как дно высохшего моря.

Через снега вышли из гор в степи. Во все стороны виднелись только желтоватые облака и блеклые растения. Потом встретили реку. Река текла через камни и песок, в ней почти не было воды, но она была радостью. Наконец увидели людские обиталища, черные телеги и белые юрты.

Шли долго и, наконец, увидели стену *, длинную, как четырнадцатичасовая ночь. Стена шла издали и уходила в желтый туман пустыни. Она была из глины; склоны ее одеты камнем. Никто ее не охранял, потому что воздвигли ее некогда против степных кочевников, а монголы давно уже ее перешли.

Хан жил в летнем дворце недалеко от нынешнего Бэйпина. Здесь купцы Поло отдыхали и долго учились, как войти к хану, не задевши за порог. Хан был занят и принял гостей не скоро.

КУПЦЫ МЕНЯЮТ ХОЗЯИНА

ВЕНЕЦИАНЦЫ ОСМОТРЕЛИ ПЕСТРЫЙ двор.

Много странного видели здесь итальянские купцы. Золото и серебро здесь были дешевы, а дрова дороги, и кушанья приготавливали, сжигая полынь и сухой навоз. Несториане из Сирии, монголы, китайцы, армяне шумели вокруг дворца, и тому, кто ходит вокруг ханской ставки, нужно было знать

четыре языка только для того, чтобы отвечать на окрики стражи.

У дворца стояло серебряное дерево, кончающееся наверху четырьмя львиными головами и статуей ангела с трубой.

В честь прибытия посольства был дан пир.

Утром затрубил серебряный ангел наверху дерева, и из серебряных пастей львов потекли пенный кумыс, медовое вино и рисовая водка.

Купцы познакомились с мастером-парижанином, который сделал это диво. Оказалось, что под корнями дерева устроен каземат и там сидят люди, которые управляют ангелом и дуют в трубу, а вино по трубам идет из ханской кухни.

Марко Поло так потом зарисовал рассказ отца и дяди о приеме купцов и о разговоре их с ханом:

«Пришли Никколо и Маффео к великому хану, и принял он их с почетом, с весельем да с пирами. Обо многом он их расспрашивал: об императорах, о том, как они управляют своими владениями, творят суд в своих странах, как они ходят на войны; о королях спрашивал он их,

о князьях и о баронах. Рассказывали Никколо и Маффео обо всем правду, по порядку и умно. Люди они были разумные и по-татарски знали».

Остались купцы при дворе Кубилая.

...Двести лет спустя отправился на Восток, надолго покинув свою родину, русский человек — тверянин Афанасий Никитин. Ходил он из Новгорода за три моря, в Индию, и описал потом Индию очень подробно. Сказание свое записал Никитин в Новгородской летописи. А в конце сказания написано было что-то на непонятном языке. Буквы славянские, а язык непонятен.

Недавно прочли его запись. Оказалось, что так молился Никитин. Молился богу на причудливом языке, на котором изъяснялись купцы-чужеземцы на восточных базарах. Смешались тут слова арабские, турецкие, фарсидские * и русские.

Вот слова той молитвы:

«Ала санклие буду ниани уруси тангри сакласен...»

То значит:

«Да сохранит бог сей мир, да сохранит он русскую землю... Да устроится Россия, ибо нет в этом мире подобной ей земли...»

Тверянин Никитин молился не за свое княжество, а за всю нашу страну.

Он многое понял в дальнем мире, многое перенял у индусов и у персов. Он полюбил их. Но больше всего любил он отчизну. Он ее любил тем больше, чем больше знал мир.

Этого счастья не знал монах Плано Карпини, не знали его и братья Поло.

Для Карпини турки не люди, и в то же время они для него возможные плательщики десятины святого Петра, то есть налога в пользу папы. Они не люди, потому что нет надежды на близкое их обращение к истинной вере. Иначе людьми были бы и псоглавцы *.

Для братьев Поло, Никколо и Маффео, мир делился на покупающих и продающих. До остального было им мало дела.

Путешественники разведывали мир, и каждый видел то, что смог видеть.

Для Кубилая Европа была краем бедным земли. Но надо знать силы не только соседа, но и соседей соседа.

В Самарканде и в других монгольских владениях были свои обсерватории, люди смотрели на звезды и предсказывали солнечные затмения — это интересовало монголов.

Европа была неизвестнее, чем звезды; она была далека, но ее надо быть разведать.

Еще интереснее была Палестина, через которую проходили караванные дороги; любопытно было посмотреть, как борются христиане с арабами, а заодно интересно было пригласить несколько сот или хоть сотню христиан-ремесленников, потому что не во всем можно было поверить китайцам, а в военном искусстве — в искусстве, например, разрушать стены — китайцы были совсем отсталым народом.

Дал Кубилай братьям Поло золотую дощечку *, которая служила дипломатическим паспортом, и сказал им: «Поезжайте к папе и скажите, что просит великий хан прислать к нему около ста христиан умных, во всех искусствах сведущих, чтобы они могли доказать идолопоклонникам, что идолам поклоняться не надо».

Но дело Кубилая было не в Риме, а в Палестине, и поэтому велел он братьям «привезти масло из лампы, что висит в храме у гроба господня в Иерусалиме».

Дал купцам Кубилай посла, сели все трое на коней и пустились в путь.

Ехали они с почетом, но дорога была трудная, не всегда было можно ехать быстро то из-за разлива рек,

то по дурной погоде, то из-за снегов. Как ездили царские посланники, полтора века спустя рассказал господин Рюи Гонзалес де Клавихо *, который от кастильского короля приезжал ко двору Тимура *, в Самарканд, в 1403 году:

«Обычай был такой, что когда приезжали посланники в какое-нибудь место, в город, местечко или селение, то сейчас распоряжались, чтобы принести много мяса как для них, так и для тех, которые были с ними, и плодов, и овса столько, что хватило бы на втрое большее число; приводили людей, которые бы берегли посланников и вещи их день и ночь и стерегли также их лошадей; и если пропадало что-нибудь, то управление того места, где они остановились, должно было заплатить за это.

Если жители места, куда они приезжали в какое бы то ни было время дня и ночи, не сейчас приносили все, что нужно, то им давали столько ударов палками и кнутами, что нельзя было не удивляться. Или сейчас же посылали за старшинами города или места, куда они приезжали; их приводили к послам, и первым делом они требовали палок и прутьев и били их безжалостно, говоря, что ведь они знают приказ царя оказывать всякие почести посланникам, когда бы они ни приехали, и принести все, что им нужно; что они приехали с этими посланниками, а у них не было готово все, что нужно, так как они дурно исполняют приказ великого царя; таким образом, жителям приходилось угадывать, когда должны приехать посланники.

Когда посланники приезжали в какое-нибудь место или город, прежде всего люди, которые их провожали, требовали арраисов, что у них означает старшин; первого человека, которого встречали на улице, схватывали, навязывали ему на шею покрывало, снявши его с головы, — они имели обыкновение носить покрывало на

голове, — и, сидя сами на лошадях, тащили его пешком и ударяли палками и кнутами, чтобы он показал, где дом старшины.

Люди, которые видели их по дороге и узнавали, что это царские слуги, догадавшись, что они являлись с каким-нибудь приказанием от царя, принимались бежать, будто дьявол гнался за ними; а те, которые были в своих палатках и продавали свои товары, закрывали их, тогда пускались бежать и запирались в своих домах, а проходя, говорили друг другу: «Альчи», то есть посланники, так как уже знали, что с посланниками приходят для них черные дни».

Так ехали братья Поло по поручению хана.

Потом перешли послы границу татарского царства и попали в армянское царство. Здесь нужно было ехать медленно — чужая земля. Кругом стояли земли франкских баронов, тамплиеров и тевтонских рыцарей *.

Крестоносцы владели южным берегом Малой Азии и портами. Особенно славился порт Лаяса *, который ныне называется Аяс.

Караваны из Аравии шли через Армению и здесь встречались с товарами Западной Европы. Сама Армения вывозила козий пух, лес, изюм, железо и коней, которые славились во всем Ливане. Повсюду находились послы и представители генуэзцев, которые были освобождены от таможенных сборов. На караванных путях генуэзцы имели свои фабрики.

Венецианцы пользовались меньшими привилегиями.

Братья Поло здесь ехали, уже платя за лошадей, но все еще пользуясь именем послов Кубилая.

Из Лаясы послы прямо отправились в Сирию, которая называлась у арабов Ашшам, что значит левая сторона; потом в Палестину.

Палестина была как большой оазис в цвету. Славились она розовыми насаждениями у Иерусалима, апель-

синами, оливковым маслом, бананами, миндалем, раними сливами и посевами мака для опиума.

Рынки переполнены иностранцами.

В Иерусалиме, кроме дождевой, иной воды не было. Город пил воду из огромных сосудов, похожих на цистерны.

Крестоносцы там не были могущественными. Только замки были в их руках. С трудом они охраняли дороги. Они могли брать дань с жителей, но не могли владеть страной.

Иерусалим, мощный каменными плитами, показался купцам душным и бедным сравнительно с китайскими деревнями.

Только виноград был здесь превосходен.

В Иерусалиме братья не задержались, поехали в Акру — большой порт.

Акра была так значительна и важна, что мусульмане предлагали крестоносцам менять Акру на Иерусалим, когда впоследствии заняли этот город, но крестоносцы не согласились.

В Акре Никколо и Маффео Поло узнали, что папа умер и вести переговоры пока как будто не с кем. Их принял папский легат, который представлял власть папы «во всем Египте».

Был то человек с весом, и звали его Теобальдом из Пьяченцы*.

Выслушал он братьев и сказал, что нужно подождать, пока будет выбран новый папа.

Тем временем можно было ехать домой. Так братья и сделали.

Венеция за это время переменилась. Выросли каменные дома. Появились новые мосты. Корабли толпились в гавани.

Дом Никколо заброшен. Жены нет в живых. Сыну исполнилось пятнадцать лет. Он никогда не видел сада большего, чем площадь перед церковью св. Марка с девятком деревьев. Он еще никогда не видел коней, кроме бронзовых, стоявших на храме св. Марка.

МАРКО ПОЛО-МЛАДШИЙ, СЫН КУПЦА НИККОЛО ПОЛО, НАЧИНАЕТ СВОЕ ДВАДЦАТИШЕСТИЛЕТНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

МАРКО ПОЛО РОДИЛСЯ в Венеции, на острове Риальто, в 1254 году.

Воспитывали его родственники. К пятнадцати годам он уже знал, что на стол нельзя опираться локтями и нельзя сидеть скрещивая ноги. Знал, что нельзя заглядывать в чужую тарелку, ковырять пальцем в зубах и трогать край стакана большим пальцем. Вино

пить можно, но чашу надо брать обеими руками.

Кости под стол на пол бросать нельзя. Для этого есть специальная корзина. С иностранцами лучше не разговаривать, чтобы не выдать им важные секреты. Что важно, что не важно — сообразить трудно, поэтому лучше не говорить с ними вовсе.

Нужно уметь стрелять из лука и грести, потому что, вероятно, придется сражаться. Главные враги — генуэзцы, потому что они портят торговлю Венеции.

Сам Марко Поло дворянин и имеет герб.

Только дворяне настоящие венецианцы. Они имеют право строить дома и торговать. Хотя говорят, что еще недавно дворян не было и город управлялся советом, составленным из выбранных по кварталу.

Бывали в Венеции кулачные бои. Сходились на мостах без перил. Берег дрался против берега. Борцы восточного конца назывались «кастелян» (замковые), борцы западного конца — «николотти» (по имени Никольского прихода).

Рядом с дворянами жили в Венеции читтадини. Читтадини — те, у которых отец и мать родились в Венеции и не занимались физическим трудом. Читтадини имели два разряда — внутренние (у них были права лишь внутри города) и внутренне-внешние (те имели право плавать под знаменем св. Марка и пользоваться всеми преимуществами венецианцев; они имели право быть капитанами галер и занимать разные должности на Крите и в Крыму).

Но Марко Поло — дворянин. Он имеет право торговать, имеет право быть даже дожем, хотя, конечно, его не выберут на эту должность — все почести Венеции разделены между небольшим количеством знатных.

Зато Марко Поло имеет право жениться, потому что он единственный сын. Его женитьба не раздробит состояния дома...

Пока же он смотрел на то, как травят быка собаками, как дерутся на кулаках один квартал с другим на мостах, и участвовал в церковных праздниках. Еще умел Марко грести одним веслом, слегка поворачиваясь, и черной лодка плыла узким каналом меж деревянных домов.

Нижние бревна домов покрыты плесенью. По каналу плыли щепки: город продолжал строиться. Вода пахла сыростью. Соломенные кровли, рубленые стены колебались, отраженные в плоской зыби каналов. Мир Марко Поло кончался пристанью, куда приходили корабли со странно пахнущими тюками, загорелыми матросами и вестями из дальних стран, где никогда не бывает снега.

В январе Марко мог играть в снежки, потому что в январе иногда бывает снег в Венеции; в июне он ел ступень из жареных куропаток и молодых фазанов.

Носил большую свечу во время крестного хода и, вероятно, участвовал в празднике «Розария».

Во время этого праздника шли вперед крестного хода мальчики и девочки, самые красивые и самые степен-

ные. Каждый мальчик и каждая девочка изображали того святого, чье имя дано им при крещении. Между ними пускали мальчиков веселых и бойких — они изображали дьяволят. Дьяволята выкидывали разные шутки, могущие смутить стыдливость девочек или рассмешить мальчиков. Шутки этих дьяволят бывали изобретательны. Вся сцена должна была изображать героическую решимость святых, которые всю жизнь сопротивляются искушениям злого духа. Более вероятно, что Марко Поло изображал дьяволенка, а не святого. Так можно судить по его предприимчивому характеру.

Ходил ли Марко Поло в школу — неизвестно. Книгу его записал сосед по тюрьме, пизанец Рустичиано, и вот какими словами начинается она:

«Государи и императоры, короли, герцоги и маркизы, графы, рыцари и граждане и все, кому желательнее узнать о разных народах, о разнообразии стран света, возьмите эту книгу и заставьте почитать ее себе».

Книгу свою Марко Поло продиктовал для неграмотных.

Но о самом Марко Поло там сказано:

«Научился он их языку (монгольскому) и четырем азбукам и письму в очень короткое время».

Какие же это четыре азбуки? Об этом много спорят.

В другом варианте книги написано:

«Выучил четыре разных языка, умел читать и писать на каждом».

При Кубилае жило четыре народа — таджики, китайцы, уйгуры и аракуны (христиане-сирийцы).

Предполагают, что Марко Поло по-китайски не говорил. Думают, что знал он письмена басыпа, арабские письмена, уйгурские и сирийские.

Уйгурский шрифт — это монгольский, произошедший от сирийского. Уйгурским алфавитом записаны законы Чингисхана. Кубилай-хан поручил тибетскому ученому

Пагпа-ламе составить чисто монгольский алфавит. Пагпа-лама составил квадратную монгольскую азбуку, в основу которой лег алфавит тибетский. Всего квадратный алфавит басыпа заключал в себе тысячу букв, состоящих из сорока одного коренного знака. Так что, возможно, Марко Поло знал два монгольских алфавита. Знал он, вероятно, еще сирийскую азбуку и арабскую.

Но он вряд ли был грамотен по-итальянски.

Марко Поло умел говорить по-французски, знал названия товаров и цены на них, и Ближний Восток был для него лишь местом, откуда идут товары, еще умел стрелять из арбалета.

Торговали в доме братьев Поло, вероятно, драгоценными камнями, материями, ревенем — товарами, о которых Марко говорит везде подробно.

Никколо и Маффео в Венеции не дождалась избрания нового папы и решили возвращаться к великому хану, взяв с собою Марко.

Да и нужны-то им были больше вести из Сирии, чем папское благословение.

Отправились они из Венеции прямо в Акру, встретились с легатом; он разрешил им взять масло из гроба господня и для этого съездить в Иерусалим.

Из Акры поехали братья в Лаяс и тут услышали, что тот самый легат, с которым они говорили, избран папой и назван Григорием.

Вернулись они обратно в Акру. Дал им новый папа в дорогу свое благословение и двух монахов.

Поехали братья и Марко Поло обратно в Лаяс и повезли с собою хрустальные сосуды с маслом, которые посылал папа великому хану.

В это время султан египетский напал на Армению. Монахи подумали и вернулись, братья поехали дальше.

Путь от Лаяса шел прямо на Эрзерум. Здесь Марко Поло в первый раз увидел живых коней.

Малую Армению * Марко Поло описал так:

«Царь Малой Армении правит своей страной по справедливости и подвластен татарам. Много здесь городов и городищ и всего вдоволь, а от охоты на зверей и птиц потехи много. В старину здешние дворяне были храбры и воинственны, теперь они слабы и ничтожны. В город Лаяс привозятся все пряности и все ткани с Евфрата, и товары из Венеции и Генуи свозятся сюда и здесь покупаются».

В горах, рассказывал Марко Поло, живут армяне, греки; занимаются они торговлей и ремеслами.

Описал еще Марко Поло землю туркмен, которые кочуют в горах и долинах.

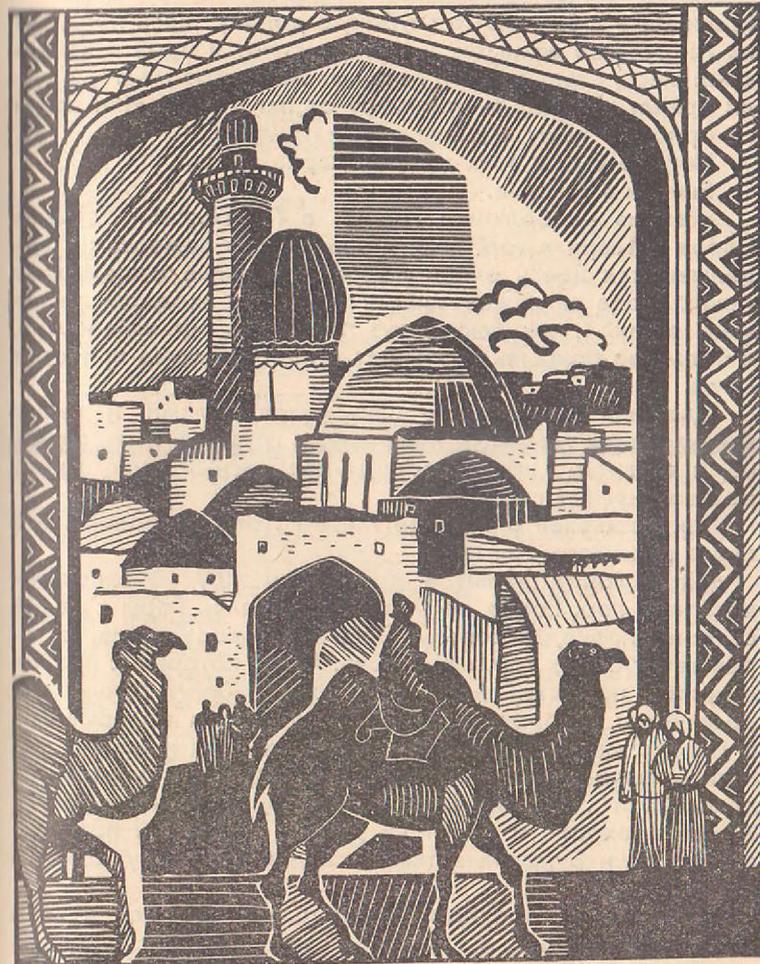
Похвалил туркменские ковры.

Проследить путь Марко Поло очень сложно. Монголы тогда захватывали новые страны. В городах оставалось прежнее население, но сами города назывались то старыми именами, то теми, которые им дали завоеватели.

Дорога Марко Поло прошла около самого Арарата; может быть, он был в Ереване.

Великая Армения * граничит с Моссулом. В Моссуле Марко Поло, вероятно, не был. Земли, которые Марко Поло видел и о которых он только слышал, отмечаются в его описаниях. Правда, рассказал он, что в Моссуле ткут отличный букаран, самый красивый и самый тонкий на свете. Все царицы одеваются в него. Это, очевидно, муслин, и здесь купец не ошибается, но самое важное для Марко Поло в Моссуле — это алмазы, и сообщил он об этих алмазах по сказкам. Рассказал он так:

«В тех горах много больших и толстых змей, злых и ядовитых; в пещерах лежат алмазы. Ручьи сносят алмазы в пропасти и в большие пещеры. Есть там большая глубокая долина, а кругом в скалах — пещеры, ходить туда никто не осмеливается, и люди делают вот что: берут

куски мяса и бросают в глубокую долину, мясо попадает на множество алмазов, и они пристают к нему. Завидит орел мясо, схватит его и потащит на другое место, а люди кричат на орла и отнимают от него мясо. Или ходят за орлом и ищут алмазы в его помете».

Нет, не был в этих местах Марко Поло.

Был он в Тавризе.

«Тавриз — большой город в Персидской стране. Народ в Тавризе торговый и занимается ремеслами; выделяются здесь очень дорогие золотые и шелковые ткани. Сюда за чужеземными товарами сходятся латинские купцы *, покупаются тут также драгоценные камни, и большую прибыль наживают купцы, которые приходят сюда.

Здесьний народ мало занимается делами, и много всяких чужих людей: и персиане, и грузины, и несториане, и яковиты *, кругом города прекрасные сады, много разных вкусных плодов».

Так рассказал о Тавризе Марко Поло. Дополним его слова рассказом Клавихо:

«Этот город лежит в долине между безлесными хребтами гор. Город не окружен стенами. Горы с левой стороны подходят совсем близко к городу; вода, которая течет с этих гор, нездорова. Горы, которые с правой стороны, покрыты снегом; с этих гор бегут ручьи, они проведены в город и растекаются в нем по арыкам... В городе много хороших отделанных улиц и переулков, есть большие рынки, со многими дверями, похожими на алькасерии *, и в них внутри опять дома и лавки. Здесь много проходов и ворот на разные улицы и продают шелковые и бумажные ткани, сандал * и тафту, шелк и жемчуг.

В одном из проходов этого рынка продают духи и мази для женщин, и женщины сами приходят покупать эти благовония; женщины ходят совсем закутанные в бе-

ные покрывала, с сетками из черных конских волос перед глазами».

«На улицах и площадях этого города, — пишет далее Клавихо, — есть много водоемов и колодцев, весной их наполняют кусками льда, ставят много медных и жестяных кружек, и народ может пить».

Марко Поло мог покупать здесь или смотреть, как покупает его отец в лавке жемчуг.

Жемчуг покупали так: два купца садились друг против друга, руки покрывали платком, каждый сустав пальцев обозначал разные свойства жемчуга и цену его. Жемчуг различается по круглости, по величине, по оттенку, по подобранности. Два человека сидели друг против друга, руки их были закрыты и пальцы спорили. Это такой торг, при котором не надо кричать. Этот язык должны были знать старшие Поло.

Многое в книге самого Поло покрыто платком, и его можно понять только тому, кто знает язык купеческих пальцев.

Марко Поло не кричит о своих делах и не сообщает того, чего не следует знать генуэзцам.

Путь Поло извилист: по дороге купцы покупают и продают, делают заезды. Этим объясняется, что трудно построить их путь по прямой линии.

Медленно ехали Никколо Поло и брат его Маффео. Дичился их молодой Марко. Отец был ему не знаком, никогда он его раньше не видал. Говорил отец больше по-татарски, шутил не так, как в Венеции, вспоминал женщин, которых присылают путешествовать по пути — в дар от хана. Забавлялся смущением сына, но ругал его, когда тот сам начинал шутить.

ИЗ ТАВРИЗА ПОПАЛИ КУПЦЫ в город Саве*. Город лежал в развалинах. Отсюда направились они, вероятно, в город Иезд, или Язди*. Это был большой красивый город. Тут выделяется, пишет Марко Поло, много шелковых тканей, называют их язди. Купцы торгуют ими с большой прибылью по разным странам.

Отсюда семь дней дорога шла по равнине. Попадались леса и заросли. Фазаны перебегали дорогу, подымались неохотно.

Марко Поло стрелял в них из лука.

Вдали показывались стада диких, быстро бегущих ослов.

Ночевали в поле, у костров, постеливши на землю кошмы.

Через семь дней пришли в царство Керман*. Царство это только что покорили татары. Здесь были бирюзовые копи. Бирюза искони ценилась в Персии, хотя и говорили в народе, что бирюза — это кости людей, умерших от любви, и носить ее нехорошо, потому что любовь будет несчастной.

Шла бирюза: лучший сорт — просто отполированный, сорт похуже расписывался золотом, и слова талисмана прятали недостатки камня. Это была выгодная торговля.

Еще производилась здесь сталь превосходных сортов. Делали конскую сбрую, узду, седла, а также производили луки и колчаны. Женщины вышивали ткани.

В этой стране в горах водились лучшие соколы —

маленькие, с красными брюшками и шейками. Соколиная охота была любимым делом и модой, сокол — лучшим подарком.

Сокол в персидской поэзии — символ подобострастия; ручные соколы покорно возвращались к господину и бегали перед ним, подняв крылья вверх и опустивши голову, с благородно-подобострастным видом. Так написано было в распространенной тогдашней книге «Беседы птиц».

По дороге из города Кермана попадались маленькие крепости, поселки, много дичи, хорошо было охотиться на куропаток с купленными соколами.

Ночами становилось холодно, путешественники едва спасались под одеялами и шубами. Шубы на них были персидские, с длинными рукавами.

Спали путешественники, засунув ноги в рукава.

Два дня шла дорога вниз. Через два дня встретили развалины города Команди.

Вообще развалин кругом было много.

Глиняные стены, лишённые крыш, расплывались. Иногда блестели среди развалин вымытые из стен блестящие изразцы.

Раньше здесь были посеы и виноградники, сейчас ходили татары за своими стадами, но у купцов была золотая дощечка, и они могли приказывать голосом, криком, палками и прутьями.

Солнце грело жарче. На горах росли дикие фисташки. Птицы сидели на курчавых фисташковых деревьях. Вечером кабаны подходили к лагерю.

В остатках садов показались финиковые пальмы. На полях изменился вид скота. Белые огромные быки* с круглыми горбами смотрели на дорогу. Овцы были огромны, как ослы. Зад их покрывал тяжелый, толстый, жиром наполненный хвост — курдюк. Иногда в нем весу фунтов до тридцати.

Ели рис с бараньим салом. Ели руками, руки вытирали о сапоги, о седла, чтобы кожа не сохла.

Ночевали тревожно: кругом ходили разбойники, они охотились на людей и скот. Стариков убивали, молодых продавали в рабство. Разбойники имели своего царя Нигудера. Его отряды удалились в области, граничащие с Индией, и воевали со всеми.

Рассказывает об этих разбойниках Марко Поло коротко и с ужасом:

«Матери у них индианки, а отцы татары. Когда они задумают напасть на страну и разграбить ее, то нагоняют они мрак колдовством. И едут, нагнав темноту рядом. И когда заберут равнину, ничему там не спастись, ни людям, ни скотине, и нет той вещи, которую они бы не забрали».

Поехали дальше. Шел спуск. Теплело. Сухость гор сменилась влагой, чувствовалось море, появились пестрые, незнакомые Марко Поло птицы. Наконец путешественники прибыли в город Ормуз*. Город стоял у моря. Тут же была и пристань.

Марко Поло называет море «морем-океаном», но это был Персидский залив.

Сюда приходили на своих судах купцы из Индии, привозили пряности, драгоценности, жемчуг, ткани, слоновую кость. Это был центральный порт Востока. Пишет Марко Поло (приведу его слова в сокращении):

«Солнце печет здесь сильно. Страна нездорова. Законы неприятные. Если умрет купец, то имущество его царь берет себе. Вкусно финиковое вино, но от него слабит. Народ не ест пшеничного хлеба и мяса, а питается финиками, соленой рыбой и луком. Народ здесь черный. Летом живут не в городах, а в садах, и когда подымается ветер, то люди прячутся в воду. Хлеб на полях сеют в ноябре, в марте уборка, и только одни финики держатся до мая.

Жара здесь так велика, что от жаркого ветра погибли раз тысяча шестьсот человек вражеской конницы да пять тысяч пеших, и жителям города Ормуза пришлось хоронить своих врагов во избежание заразы».

Отсюда можно было ехать морем в Китай. Но корабли были слишком ненадежны. «Суда у них плохие, — рассказывает Марко Поло, — и сколочены они не железными гвоздями, а сшиты веревками из коры кокосовых орехов. Кору эту бьют до тех пор, пока она не делается тонкой, как конский волос, тогда вьют из нее перевки и ими сшивают суда. На судне одна мачта, один парус, палубы нет. Товар покрывают кожами, на кожи ставят лошадей, которых везут на продажу в Индию. Плавать на таких кораблях опасно...»

Купцы Поло не сели на суда, а круто повернули обратно, идя почти прямо на север, чтобы затем сухим путем, через Памир, явиться к Кубилаю.

Длинный путь от Тавриза к Персидскому заливу объясняется, вероятно, тем, что купцы торговали по дороге. Была, кроме того, и другая причина. Пожалуй, главная.

Кубилай в 1263 году дал хану Хулагу титул ильхана, признав тем его самостоятельность. Но посмотреть внимательно, что делается в Иране, очень стоило.

Монголы прочищали тогда караванные пути, уничтожали ассасинов*.

Братья Поло в своем длинном пути проверяли для Кубилая состояние ханства Хулагу и караванные пути Ирана.

ТОЧНЫЙ ПУТЬ КУПЦОВ ПОЛО так и не проведен по карте исследователями.

Вероятно, потому, что это были не просто путешественники, а купцы. Они ехали, покупая товары в одном месте и продавая в другом. Вероятно, один из братьев делал выезд в сторону, за товаром, а другой его поджидал.

По рассказу видно, что путь разветвлен...

Были купцы в это время разные. Генуэзцы и венецианцы шли от фактории к фактории.

Для того чтобы представить себе жизнь мира того времени, нужно вспомнить о караванных путях. Поселения вытягивались вдоль караванных путей и около корабельных пристанищ. В результате люди жили небольшими гнездами. Мы уже видели, как генуэзские поселения тянулись до Тавриза.

Марко Поло обычно называет народы не по нации, а по религии, а иногда название религии дает по народу.

Мусульмане у него все названы сарацинами. Под именем сарацин равно идут уйгуры (имевшие в XII веке свое владение в Восточном Туркестане, а впоследствии во всех монгольских владениях сохранившие влиятельное положение как чиновники монгольской канцелярии), и персы, и, наконец, арабы.

Точно так же Марко Поло говорит о несторианах как о народе.

Несториане — это представители одной из сирийских христианских сект, которые в результате религиозных

гонений и ради торговли широко рассеялись по Востоку. Могилы несториан встречаются в Китае и у нас в Сибири. Несториане-сирийцы, не имея собственной культуры, всю свою историческую жизнь играли роль передатчиков чужих культур. Они принесли греческую культуру к арабам и персам. Они оказались племенем переводчиков — переводили с греческого и арабского. Переводили и сирийцы-яковиты, через них шли в Европу индусские басни и арабские сказки. Изгнанные из Византии, несториане переселились в Иран и расселялись оттуда дальше к Востоку. Они принесли свой способ писания — алфавит. Их алфавит лег в основу монгольского и корейского.

Но среди несториан были, кроме сирийцев, и те же уйгуры и вообще могли быть люди любой нации.

Несторианские селения и сейчас есть в Курдистане, близ Урмии и Месопотамии, в Западном Китае и в Индии, на Малабарском берегу.

Часто нация оказывалась связанной с профессией. Определенные ремесленные умения сосредоточивались в определенной местности, как это недавно было в дореволюционной России. Это явление остаточное, так, как сейчас, например, остатком старого является то, что во Франции среди чистильщиков сапог встречается много савойяров *, а у нас — айсоров * (несториан).

Люди жили не плотными массами, а небольшими колониями торговцев и ремесленников.

В Средней Азии в городах жили персы, а в деревнях — тюрки-земледельцы на орошенных землях. На неорошенных землях жили скотоводы-монголы. А вдоль караванных путей стояли фактории разных национальностей. Фактории эти бывали объединены на принципе предприятия, а иногда могли быть оформлены как религиозные. Так организовались фактории несториан, христианских рыцарских орденов. Фактории эти

обычно не смешивались с окружающим населением, потому что это были поставщики сырья для купцов, и фактория интересовалась не людьми, а товаром. Посредническая торговля, оторванная от производства, изменяла и определяла типы расселения того времени.

Карл Маркс говорит:

«Торговые народы древности существовали, как боги Эпикура в междумировых пространствах вселенной, или, вернее, как евреи в порах польского общества. Торговля первых самостоятельных, пышно развившихся торговых городов и торговых народов, как торговля чисто посредническая, основывалась на варварстве производящих народов, для которых они играли роль посредников»¹.

В «Тысяча и одной ночи» мы видим, что существовали национальные торговые кварталы в городах Востока. В Константинополе русским отвели определенные кварталы, в которых они имели право жить. Под Москвой была Немецкая слобода. Это явления разновременные, но связанные между собой.

Купцы Поло ехали от фактории к фактории, как будто навещая своих.

Шли караваны братьев Поло дальше и дальше. Город Балк*, в котором можно было бы хорошо поторговать, лежал в развалинах. Мраморные стены домов закопчены, на верях* висят разбитые лазоревые ворота.

На них надпись:

«Этот город построен во имя бога и волей султана превращен в подобие рая».

В городе было совершенно тихо, очень солнечно. Трава прорастала сквозь камни мостовой. Город молчалив, как кладбище у городских ворот. Дикие козы

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 342.

ходили по виноградникам и щипали виноград. Колья виноградников уже сгнили, но тяжелые коричневые лопы, крепкие, как толстое скрученное железо, повторяли рисунок опоры.

Двенадцать дней от мертвого города шли купцы с товаром на северо-восток. Много травы, много дичи, плоды, а людей нет.

Через двенадцать дней встретили замок из соли.

Соль твердая, ломают ее железом.

Народ храбрый, одеваются люди в кожи зверей и пьют вареное вино. Они мусульмане, а мусульманам запрещено пить вино, но говорят люди около соляных рудников, что огонь изменяет сущность вина и даже его имя.

Шли купцы Поло три дня и, наконец, пришли в область Бадахшан. Здесь стоял город Бадахшан*, который не сохранился сейчас даже в развалинах. Рядом с городом — рудники, и там в глубоких норах добывались рубины.

Добывши кусок породы, понемногу обламывают ее кругом долотом и ищут рубины. Здесь же, в городе, гранят рубины на точильных камнях. Страна, где добываются рубины, называется Шуган. Там же добывают прекрасный камень лазурит, выходы которого были потеряны и найдены только сейчас, советскими геологами*.

Царство Бадахшан имело много крепостей в высоких горах и неприступных местах и много пшеницы. Народ был храбр и не боялся врага.

Продали купцы бумажные материи, потому что знатные мужчины и женщины носили штаны в сборку — шло на такие штаны шестьдесят, и семьдесят, и даже сто аршин бумажной материи.

Продали купцы зеркала и мазь для глаз, закупили они рубины, поторговавшись с царем; царь не выпус-

кал из своих рук много рубинов, чтобы не подешевели они на рынке.

Торгуя и пережидая погоду, сидели здесь купцы долго. Место было безопасное. Выезжали купцы в долину Пашиай — жаркую страну — и в долину Кашмира, откуда можно дойти и до Индийского моря.

К этому времени мальчик Марко уже возмужал. Он говорит про Бадахшанское царство: «Люди черны и худы, а женщины хоть и черны, да хороши».

Наступила весна, нужно было ехать дальше.

Уже солнце было так жарко, что если навернешь узду на руку, то к вечеру на руке оставалась белая полоса — загорает мгновенно. Лазоревые льды и снега сверкали под солнцем. Они слепили глаза. Три венецианца по косо́й тропе подымались в лазоревое небо. Долина превращалась в ущелье, ущелье становилось все круче, круче. Зверей много. Пастбища превосходны. Дикие козы прыгали в горах. Их убивали у реки, когда они приходили на водопой.

Вот перевал... Здесь сходились, почти встречались истоки рек; в одну сторону бежали воды Пянджа, который с половины течения менял имя на Аму-Дарья, в другую — притоки Инда. Лазоревые и голубые льды ледников лежали вокруг.

Небо выпито льдами, небо весной голое и синее, зимою здесь накоплялись снега. Здесь родина воды Средней Азии.

Караван шел уже на яках — низких быках с длинной шерстью, метущей сухую траву и снег перевалов.

Двенадцать дней шли по той равнине, называемой теперь Алайская долина.

Разводили костры из корней травы. Птиц не было видно. Огонь костра горел слабо, он задыхался от недостатка воздуха. Вода закипала легко, но не разваривала мяса.

Потом дорога начала спускаться, дышать стало легко, и у Марко Поло прекратилась тоска сердца, которая охватывала его в горах.

Дорога спускалась, опять показались альпийские пастбища, карликовая береза, зашумели ручьи, показались башни укреплений.

СТРАНА НЕФРИТА * И СТРАНА ПЕСКОВ

В ОБЛАСТИ ХОТАН* УЖЕ было тепло — росли хлопок, виноград. Но не из-за этого остановились здесь купцы.

За Яркендом* начиналась пустыня с редко разбросанными барханами и балками, промытыми горными потоками. Затем почва стала каменистой, и дорога вышла на старое русло реки.

Повсюду виднелись вырытые ямы глубиной метра в два, шириной в несколько метров. Из этих ям добывали валуны, гальку, песок, глину, промывали и находили нефрит.

Цены на нефрит разные. Желтый или белый нефрит с темно-красными жилками — самый редкий и дорогой. Если камень шероховат, то еще дороже.

Отсюда нефрит развозили во все стороны, и он, переходя из рук в руки, доходил в свое время до северных морей.

Когда-то из нефрита делали лучшие каменные топоры. Потом нефрит перестал быть полезным и стал священным.

Всего дороже нефрит в Китае. Одни ворота в Пекине звались Нефритовыми — через них ввозили в город драгоценный камень.

Здесь, у Памира, закупили нефрит купцы Поло.

Взять с собой кожу или овечью шерсть было невыгодно, потому что впереди была еще большая, тяжелая дорога.

С нефритом и рубинами спустились купцы в пустыню.

Барханы, однообразно направленные, рябые от ветра, тянулись до горизонта. Великая пустыня лежала кругом, а колодцы известны только местным жителям.

Когда набегал неприятель, спасались здешние жители в пески, в другой оазис, и ветер засыпал их след.

Всюду горы, пески, каменистые долины, и нет нигде никакой еды.

Узкие кожаные ведра опускали в колодцы. В колодцах воды человек на пятьдесят, иногда на сто, и скот пил грязь, которую зачерпывали со дна. Пустыня страшна.

Вот что рассказал про нее Марко Поло:

«Едешь по той пустыне ночью, и случится кому отстать от товарищей, поспать или за другим каким делом, и как станет тот человек нагонять своих, услышит он говор духов, и почудится ему, что товарищи зовут его по имени, и зачастую духи его заводят туда, откуда ему не выбраться, так он там и погибает. И вот еще что: и днем люди слышат голоса духов, и чудится часто, точно слышишь, как играют на многих инструментах, словно на барабане».

Об этих шумах и страхах до Марко Поло говорили китайские путешественники.

Через пустыни шли путешественники, проходили через города, занесенные теперь песками. Шли пустынями, мимо башен, не имеющих выхода. На вершинах башен сидела стража. Если путешественники приближались к башне, спасаясь от разбойников, то стража спускала привязанную лестницу, и путешественники, бросив товар и верблюдов, отсиживались в башнях неделями.

Потеряв счет дням, дошли купцы до области Хами, которую Марко Поло назвал Камул*.

«Страна эта лежит между двух степей, народ здесь веселый, то и дело играют, поют и пляшут и ублажают свою плоть».

После отдыха в той стране пошли купцы дальше и достигли Великой Китайской стены.

Ехали мимо асбестовых * копей, ехали уже китайскими землями и восхищались изобилием ревеня.

В городе Ганьчжоу-фу *, у северо-западного угла Великой стены, остановились.

Город был превосходный.

Три христианские церкви, мечеть, китайские храмы, идолы деревянные, глиняные, каменные, все вызолоченные и хорошо сработанные.

Здесь прожили купцы год.

И Марко Поло говорит:

«Никколо, Маффео и Марко прожили в этом городе целый год по делу, о котором не стоит говорить».

Читали мы описание о том, как быстро ездили по делам хана. А здесь люди, вместо того чтобы считать дни, останавливаются на годы. Вероятно, что год они крупно и выгодно торговали. Может быть, так выгодно, что даже хан был у них в доле.

Уже много лет ехали купцы. Марко Поло научился говорить по-татарски. Много раз он видел зиму и лето, видел много разных вер, путей и женщин. Много раз обернулись их деньги. Наконец приехали братья к великому хану Кубилаю.

ДВОРЦЫ ХАНА КУБИЛАЯ

В МАЕ ПРИБЫЛИ БРАТЬЯ ПОЛО, Маффео и Никколо, вместе с юношей Марко ко двору хана Кубилая. За сорок дней пути выслали им встречу.

Братья приехали в прекрасный дворец. Вокруг дворца шла на шестнадцать миль стена. За стеною был парк. И много сюда было пущено оленей, ланей и антилоп. Раз в неделю выезжал Ку-

билай на охоту, травил зверей ручным леопардом. Кубилай был из рода Чингисхана. Привык он с детства к кочевкам, но уже сильно окитаились монголы, и Кубилай кочевал по-китайски. За стеною стоял большой дворец из бамбука, на золоченых лакированных столбах. Каждый столб кончался драконом: голова дракона поддерживала стропила, и лапы дракона поддерживали блестящую бамбуковую кровлю. Дворец этот можно было разбирать; стоял он как палатка, растянутый на двухстах шелковых веревках.

До августа оставался здесь Кубилай. Двадцать восьмого августа пригоняли сюда десять тысяч белых кобыл. Молоко этих кобыл имели право пить только люди из рода великого хана да еще люди племени ойратов *. Приходили десять тысяч белых кобыл; шли они пыльными дорогами, никто не смел пересечь им путь.

Из молока этих кобыл делали кумыс и в конце августа разливали его по земле в честь духов.

На крыше дворца стояли ламы *, тибетские и кашмирские. День и ночь держали они караул и колдовали, чтобы тучи не смели приходить к дому хана без спросу.

Так могуществен был хан, что, говорили, утром он, отдавая приказания всем, не забывал приказать и солнцу, чтобы оно поднялось.

Хан постарел уже, боялся проспать, и должность эту передали церемониймейстеру, иначе большой беспорядок произошел бы в мире. Тучами заведовали тибетцы, счет солнцу вели китайцы — знали они темные дни солнца и в эти дни приготавливали черный порошок, зажигали его в медных ступках, называемых пао, и метали камнями в небо, чтобы дракон выпустил солнце из зубов*.

В 1256 году взошел Кубилай на престол.

Еще не весь Китай покорен был Кубилаем, и поэтому звездочеты говорили, что нельзя ходить хану по улицам столицы с музыкой. Еще воевали у берега моря неверные татары, и хотя начинали уже отвыкать от седел нойоны Кубилая, но много еще вольных людей ходили за стадами в степях, много еще вольных охотников было в зимней стране, откуда шли меха.

При дворе Кубилая скопилось много христиан разных сект. И здесь, вероятно, враждовали друг с другом итальянцы из разных городов.

Купцов Поло приняли с почетом. Доложили они хану, каким путем шли, что видели, как стоят замки на Западе, как торгуют на дорогах. Хорошо принял братьев хан. Увидел он Марко, а тот был молодцом. Спросил Кубилай:

— Это кто?

— Государь, — отвечал Никколо, — это мой сын, а твой слуга.

— Добро пожаловать, — сказал хан.

Пир был великий.

На престоле сидел Кубилай. Пили вино из лоз, недавно привезенных в Китай, пили кумыс, и рисовое вино, и медовое вино, и пиво из ячменя, и пальмовое вино.

Пил Кубилай и говорил с братьями, расспрашивая их о дорогах и товарах.

Марко Поло ушел от стола. Прекрасен был сад Кубилая. Соколы всего мира, орлы с ледяного моря, беркуты с моря Гилянского*, приученные останавливать на бегу лисицу, умеющие выклевать у волка глаза, красногрудые соколы, пригодные для охоты на журавля, индийские цветистые птицы, не имеющие ни имени, ни голоса, висели в золоченых клетках. А за стеною маками цвела степь.

Небо было послушно — ни одного облачка; безоблачна здесь весна.

Пил без счету Кубилай.

Подходил к нему врач Айсе*, родом из Италии; говорил ему правду в глаза:

— Вредно пить вино, вредно есть мясо — от этого пухнут ханские ноги.

Хан любил правду, но больше любил вино.

«Великий государь царей, который зовется Кубилаем, с виду вот каков: росту он хорошего, не мал, не велик — среднего роста. Только в меру мускулист и сложен хорошо. Лицом бел и как роза румян; глаза черные, славные, и нос хорош как следует. Законных жен у него четыре, и старший сын станет по смерти великого хана царствовать в империи; называются они императрицами и каждая по-своему; у каждой свой двор, и у каждой по триста красивых, славных девок.

Слуг у них много, евнухов, и всяких других, и служанок; у каждой жены при дворе по десяти тысяч человек...

Каждые два года или как пожелает великий хан посылает своих послов; они ему выбирают самых красивых девушек, согласно с данными им предписаниями о красоте, четыреста или пятьсот, больше или меньше. Оценивают они этих девушек таким образом. Когда

послы придут туда, они приказывают собраться всем девушкам области и отряжают оценщиков; эти люди осматривают каждую девушку в подробности, то есть волосы, лицо, брови, рот, губы и соразмерность других членов, и затем оценивают их в шестнадцать карат, в семнадцать, восемнадцать, двадцать и более или менее, смотря по красоте, сообразно с приказом великого хана отбирают, сколько нужно, девушек в двадцать или двадцать один карат и уводят их.

При дворе их снова осматривают другие оценщики, и из всех выбирает великий хан для своего покоя тридцать или сорок самой высокой ценности; их отдают жонам князей, а те обязаны ночью наблюдать, нет ли у девок какого уродства, тихо ли они спят, храпят ли, чисто ли у них дыхание, нет ли дурного запаха.

Было у Кубилая десять сыновей от законных жен, семеро из них имели титул «ван», что значит король. Знали одного из них королем Мирного Запада, другого — королем Мирного Севера. Был еще король Тибета*, король Тангута, один сын заведовал границами.

В Южном Китае еще оставался китайский император. Тот император даже на прогулку ездил, запрягая женщин. И скучал.

Кубилай-хан тоже скучал. Он кочевал из дворца во дворец, вызывал к ханскому престолу евреев, мусульман, христиан, колдунов, заставлял спорить о боге. Пободителя награждал, а побежденного поил вином и всегда смеялся.

Хан был мудр, но люди боялись его, боялись при входе, боялись сидя, стоя, разговаривая.

В Венеции Марко Поло воспитывался в доме без старших, а прежде, чем увидел хана, четыре года ехал через разные земли.

Он никого не боялся.

Когда спрашивал Кубилай купцов о дороге, то часто

путались они в названиях городов, в описании дорог, часто забывали, где и какая растет трава и как перейти через перевал. Тогда они вызывали Марко. Марко помнил все. Он не боялся зацепиться за ханский порог, говорил смело, с ним хану было интересно, и хан разрешил Марко ездить у его стремени.

Стали звать Марко «господин Марко Поло».

У стремени хана поехал Марко Поло из летнего дворца в зимний дворец Канбалу*.

Канбалу, как пишет Марко Поло, а точнее — Ханбалык, — это нынешний Пекин; там тогда стоял большой ханский дворец. Про дворец рассказывает Марко Поло, и вот он каков:

«Прежде всего квадратная стена; каждая сторона — миля в длину, а в округе, значит, четыре мили, а стена толстая, в высоту добрых десять шагов, белая и кругом зубчатая; в каждом углу по красивому, богатому дворцу; в них хранится сбруя великого хана, луки, колчаны, седла, конские узды, тетивы — все, что нужно на войне; есть еще по дворцу у каждой стены, такие же, как угольные; всего по стенам восемь дворцов, и во всех сбруя великого хана; в каждом, знайте, одно что-нибудь; в одном луки и ничего иного, в другом только одни седла, и так в каждом дворце одно что-нибудь.

В стене на юг пять ворот; посередине большие, открываются только, когда великий хан выезжает или въезжает; подле них с двух сторон по воротам — ими входят все прочие люди; а по углам есть еще по большим воротам — ими входит всякий.

За этой стеной есть другая, в поперечнике поменьше, нежели в длину; и тут восемь дворцов, таких же, как и первые, и в них также хранится сбруя великого хана. На юг в этой стене, как и в первой, пять ворот; и по углам ворота так же, как и там; посередине дворец великого хана; выстроен он вот как: такого большого

нигде не видано; второго этажа нет, а фундамент над землею десять пядей; крыша превысокая.

Стены в больших и малых покоях покрыты золотом и серебром, и разрисованы по ним драконы, и звери, и птицы, и кони, и всякого рода чудовища; и так-то стены покрыты, что, кроме золота и живописи, ничего не видно. Зало просторное: больше шести тысяч человек может там обедать.

Диву даешься, сколько там покоев, просторных и прекрасно устроенных, и никому в свете не выстроить и не устроить покоев лучше этих. А крыша красная, зеленая, голубая, желтая — всех цветов. Тонко да искусно выложена.

Крыша эта, знайте, выстроена прочно, простоит многие годы. Между первой и второй стеной — луга, и прекрасные деревья, и всякого рода звери: есть тут и бурные олени, и зверьки с мускусом*, антилопы, и лани, и всякие другие красивые звери, и за стенами только по дороге, где люди ходят, их нет, а в других местах и там много красивых зверей.

На лугах травы много: дороги все мощеные и подняты на два локтя, нет там грязи, и дождевая вода на них никогда не застаивается, но, разливаясь по лугам, удобряет почву, и травы оттого много.

В северо-западном углу большое озеро, и много там разных рыб. Великий хан приказал напустить туда рыб, и всякий раз, когда захочется ему рыбы, сколько нужно, там и есть. Берет там начало и вытекает из озера, скажу вам, большая река, рыбе выход железными и стальными сетями загорожен.

От дворца на север, скажу вам, на один выстрел из лука великий хан приказал устроить холм. Холм этот в высоту сто шагов, а в округе — тысячу; весь он покрыт деревьями; они всегда в зелени, никогда не бывают без листьев.

Когда кто великому хану расскажет о каком-нибудь красивом дереве, он приказывает вырыть то дерево с корнями и с землею и на слонах привезти к этому холму; как бы велико ни было дерево, его привозят, и самые красивые на свете деревья тут. Холм этот великий хан приказал покрыть лазурником * зеленым; и деревья тут зеленые, и гора зеленая, и все зеленое, и зовется возвышенность зеленым холмом. На вершине посредине дворец, большой, красивый и весь зеленый».

В этом саду розой цвел Кубилай.

Монгольская династия чувствовала себя уже двадцатой династией Китая, она приняла китайское название Юань.

Политика Кубилая сложна. Конфуцианское * чиновничество было враждебно монгольской династии. Ученость этого чиновничества основывалась на знании трудной китайской письменности.

Монголы изобрели и ввели новый, очень сложный слоговой алфавит — так называемый квадратный. Этим они оттеснили из области административной и деловой китайских ученых. Административные должности при дворе были заняты пришельцами со всего мира. Среди них был и Марко Поло.

XIII и XIV века — для Китая века дальних торговых сношений, века вытеснения китайцев из административного аппарата государства. Но китайская литература этого времени преодолевала традиции. В это время создавался классический бытовой китайский роман и китайский театр.

Монголы подпали под влияние китайской культуры и хотели овладеть ею. Кубилай восстановил академию наук, которая называлась «Лес кистей». Принимали туда по конкурсу. Учащийся должен был иметь не менее чем двадцать лет от роду; он должен был быть монгольским верноподданным и добрым сыном своих роди-

телей. Экзамен для поступления был легкий: нужно было составить сочинение из пятисот иероглифов.

В коллегиях учились китайцы и монголы в равном числе.

Кроме литературы, в «Лесу кистей» изучали еще арифметику, астрологию и даже музыку. Неподдалеку от ханского дворца стояла обсерватория, при ней стояло много ученых китайцев, монголов и мусульман. Здесь экзаменовались по календарю, правилам волхования *, законам движения пяти планет и по географии.

Чины коллегии изучали также книги морали и труды историков.

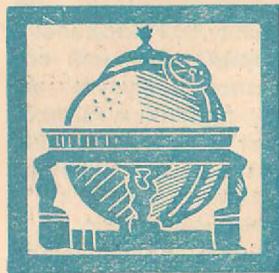
Мусульмане учились отдельно.

Так покровительствовал наукам Кубилай, взявший для наименования своей династии * первое слово из знаменитой китайской классической книги — «Книги перемен».

Чины Небесной башни описывали жизнь неба. Коллегия «Соединенных кистей» (она же коллегия «Леса кистей») выделяла комиссию из двадцати двух человек, и эти двадцать два сопровождали хана для записи всего им сделанного или сказанного.

Был сад, был комитет «Леса кистей», Небесная башня, и среди них Кубилай цвел розой.

ВЕНЕЦИАНЦЫ ВХОДЯТ В СТОЛИЦУ КИТАЯ, И МАРКО ПОЛО ЕЕ ОПИСЫВАЕТ

ГАЗЕТА * В КИТАЕ ВЫХОДИЛА уже давно; текст ее не набирали, а резали на дереве в нескольких экземплярах, и доски отправлялись в разные места страны с гонцами.

Издавались также календари-альманахи.

Марко Поло называет их словом «таквим». Слово это арабское. Известно оно в Персии; в Италии

его впоследствии употреблял сын великого Данте, Якопо Алигьери.

Календари-альманахи издавали в Китае сами правители — ханы, князья. Были они разных размеров и цены. Печатались альманахи с деревянных досок. Отдельно выходил альманах-календарь для мусульман.

В китайских альманахах указывались наилучшие дни для заключения брака, счастливые и несчастливые дни вообще, лучшие дни для шитья платья, формы прошения на императорское имя и вообще другие полезные сведения. В них указывались час и минута восхода солнца в разных частях империи, затмения, полнолуния и новолуния.

Вассалу дарил император альманах, и это считалось признанием подданства.

Подделывание альманахов было запрещено законом.

Были простые и роскошные издания альманахов, и назывался альманах «Книга непрестанного согласия с небесами». Для составления альманаха работала Небесная башня. В Небесной башне стоял бронзовый небесный

глобус трех футов в диаметре, сфера Зодиака шести футов в диаметре, воздвигнутая на четырех драконах; круги Зодиака были разделены с внутренней стороны на триста шестьдесят градусов.

Заведовал обсерваторией астроном Кубиляя Гошоутин, ученик некоего астронома Елюйчуцай, спутника Чингисхана в его походах, работавшего в обсерватории Самарканда. Обсерватория стояла на холме; стены не окружали ее, всякий мог пройти, особенно если он был монгол или хотя бы чиновник. Наверху башни была терраса, предназначенная для астрономических наблюдений. Инструменты были утверждены на мраморных фундаментах. Отдельно стояла длинная труба, которую можно было наводить на любую точку неба. Звездам и кометам здесь велся строгий учет.

Институты астрономов и астрологов были не только в Канбалу, но и в нынешнем Нанкине. Здесь составлялись предсказания.

Кроме официальных ханских ученых, было еще в Канбалу между христианами, сарацинами и китайцами более пяти тысяч астрономов и гадателей, и все они получали от великого хана пищу и одежду. Они составляли каждому человеку по его желанию гороскоп*, читая судьбу по звездам. Редкий человек не имел квадратной таблицы со своим гороскопом.

Составляя гороскоп, расспрашивали звездочеты своих клиентов о часе рождения, о числе жен, о часах любви и часах огорчений. Пять тысяч звездочетов всех национальностей ходили по городу, получая пищу и одежду от хана.

В Небесную башню, не огражденную стеной, приходили звездочеты за справками о звездах. И вот узнал великий хан через звездочетов за несколько лет до приезда Марко Поло, что хочет взбунтоваться Канбалу против монголов. Тогда велел хан бросить старый город,

неудобный для действия конницы, и построить новый на берегу реки.

Вот какой город построил хан.

Город квадратный, все четыре стороны по двадцать четыре мили. Обнесены они земляным валом в ширину шагов двадцать, в толщину шагов десять. Стена выбелена и украшена зубцами.

В стене двенадцать ворот, по трое с каждой стороны. У каждых ворот помещение для войска, на каждом углу города дворец-казарма.

Все улицы прямые, и из конца в конец все видно, и может конница скакать от ворот к воротам. Посредине города дворец-казарма. И есть там покои с запасами оружия, а сверху висит колокол. Когда прозвучит колокол три раза, никто не смеет ходить по городу, разве только врач — и тот с фонарем.

Держат охрану в городе Канбалу не одни китайцы — привезены сюда люди из разных стран. Под предводительством русского князя Григория стоят здесь гарнизоном десять тысяч русских воинов. Разбили прежде монголы стены Киева китайскими стенобитными машинами, а теперь русским войском держат в узде город Канбалу. У каждых ворот посменно дежурят тысячи воинов, и тем не менее народ китайский в подозрении.

Живет народ не только в городе, а и в предместьях. Там улицы узкие, дома за стенами. В каждом предместье много хороших гостиниц, куда пристают купцы из разных мест. Каждому народу назначена особая гостиница: одна — итальянцам, другая — немцам, третья — французам.

И если найдется человек, мужчина или женщина, который ходит по городу великого хана после звона, то арестовывают этого человека и заключают в тюрьму. Допрашивают его утром. И после допроса приговаривают его, судя по вине, к великому или малому сечению.

Бьют планкой, сделанной из бамбука, узлы бамбука глажены. Различается планка большая и малая. Всего считается две тысячи семьсот пятьдесят девять преступлений, за которые подвергается виновный пяти видам наказаний. Наказываются люди малой планкой от десяти до пятидесяти ударов. Планка имеет тяжелый конец шириной в полтора дюйма*, а легкий — в один дюйм. Бьют также большой планкой; большая планка имеет тяжелый конец в два дюйма, а легкий — в полтора дюйма. Кроме того, бывает ссылка временная, и ссылка вечная, и смертная казнь при помощи отсечения головы или удушения. Временная и вечная ссылки сопровождаются наказанием большой планкой; сосланному на год дают шестьдесят ударов, сосланному на два года — семьдесят, на три года — восемьдесят, на четыре года — девяносто и на пять лет — сто ударов.

Кроме того, клеймят лицо. Таких людей потом зовут востролицыми и ими населяют окраины страны.

За вечернюю прогулку после звона бьют только малой планкой. Женщин и девиц наказывают без снятия шаровар, но шаровары не должны иметь подкладки.

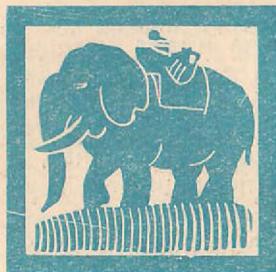
«Впрочем, — замечает Марко Поло, — когда присуждают человеку большее или меньшее сечение, от этого, случается, иной и умирает».

Так наказывают здесь за преступления, не проливая крови, потому что мудрые звездочеты говорят, что недорого показывать кровь солнцу.

От наказания можно откупиться, если наказываемый — чиновник. Но есть непопрощаемые преступления. Не прощаются отцеубийство, составление ядов и чародейство, неуважение к родителям, убийство рабочим мастера, непрочное строение судов для государева путешествия и ошибка при вложении доклада в конверт.

По этим преступлениям нет в городе Канбалу прощения.

ХАН КУБИЛАЙ ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ОХОТУ, И ГОСПОДИН МАРКО ПОЛО ЕМУ СОПУТСТВУЕТ

ПРОЖИЛ ХАН В ХОРОШО устроенном городе Канбалу декабрь, январь и февраль. В марте поехал на юг, к морю. Поднялся двор хана. Много у великого хана леопардов, приученных к охоте, и охотничьих волков, и тигров. Тигров везут в клетке на телеге, а рядом с каждым тигром, в той же клетке, маленькая собачка.

Везут в клетке орлов.

Двое старших ловчих имеют каждый под начальством по десять тысяч псарей. Десять тысяч одеты в красный цвет, а другие десять — в голубой.

У псарей разные собаки — и гончие, и борзые, и меделянки*. Когда великий хан едет, то по одну его сторону идет ловчий со своими десятью тысячами ловчих и десятью тысячами собак, а по другую — другой со своими людьми и собаками.

Идут вплотную друг к другу.

Оба ловчие монголы. Между собой они братья.

Растянулась охота на целый день пути.

Двенадцать тысяч баронов сопровождают хана. Каждому из них подарено тринадцать одеяний разного цвета и установлено, в какой праздник какую одежду надевать. В Новый год надевает весь двор белое платье, а все народы приносят подарки хану и дарят ему тысячи дорогих белых коней. И все вещи, которые дарят, белые.

В этот же день выводят пять тысяч слонов под бе-

лыми попонами. И этот день у китайцев траурный, потому что белый цвет в Китае обозначает траур.

Сейчас великий хан уезжает к морю.

Взял он с собою псарей, да пятьсот кречетов, и сероголовых соколов во множестве, и ястребов для ловли водяной птицы.

У птиц великого хана к ноге привязана серебряная бляха.

Соколу от Кубилая не улететь — на сто дней лету распространились вокруг земли хана.

У хана подагра. Едет он в прекрасной большой деревянной комнате, которая установлена на спинах четырех слонов и внутри обита тигровыми шкурами.

Сидит царь, едет через свою страну. Подъезжает какой-нибудь барон к хану, докладывает:

— Царь, журавли летят.

Делает Кубилай знак, и раскрывается потолок в его комнате — спускает Кубилай сокола. И видит хан охоту, и великая ему потеха и удовольствие. А другие князья и рыцари скачут вокруг великого хана.

Великая хану честь, но на юге есть еще другой царь, китайский. Живет он в городе, окруженном озерами. И, охотясь, спускает на дичь стадо женцин.

Еще не всего достиг Кубилай.

В палатке его, на стоянке, помещается тысяча всадников, а в другой палатке он спит. Внутри палатки стены обиты соболем, а снаружи — тигровым мехом.

Три палатки у Кубилая, и отдельно у его жен есть шатры.

Птицы и звери тоже живут в шелковых палатках.

В палатках попроще живут врачи и звездочеты.

Стоит у океана Кубилай станом — до весны охотится. На двадцать дней пути никто не смеет охотиться в этих местах. И расплодилось здесь великое множество зайцев, съедают они крестьянские поля. Зато зайцы

здесь не боятся людей, и олени выходят на охотника. Охотится хан стрелами, ловчими птицами, леопардами. Охотится, не пугая зверей.

Здесь подружился Марко Поло с врачом Кубилая, которого звали Айсе. Он состоял в великом почете. Айсе не любил охоту и даже говорил Кубилаю, что охота вредит крестьянским полям. Об этом записано в китайских летописях. Сведущ был Айсе в науке алхимии. Читал он по-арабски, и по-гречески, и по-персидски.

Умел Айсе добывать душу вина, называемую нами спиртом. Знал работы Альберта Великого* и араба Абу-Муссы-Джафара-эль-Суфи*. Сам Айсе тщетно пытался добыть золото из свинца. Спорил с ним Марко Поло.

— Торговля, — говорил Марко Поло, — только она превращает любой товар в золото. И выше всех алхимий — алхимия великого хана.

Вот в чем она состоит.

В Канбалу стоит монетный двор великого хана. Приказывает хан взять кору тутового дерева; режут этот луб на четырехугольные кусочки, и метит их Кубилая своей печатью. Эти маленькие кусочки выпускаются с такой торжественностью, как будто они из чистого серебра или золота, и никто не смеет под страхом смерти их не принимать.

Говорит Марко Поло:

«Про великого хана сказать можно: алхимию он знает вполне.

Все его подданные повсюду, скажу вам, охотно берут в уплату эти бумажки, потому что, куда они ни пойдут, за все они платят бумажками — за товары, за жемчуг, за драгоценные камни, за золото и за серебро; на бумажки могут все купить и за все ими уплатить; бумажка стоит десять безантов*, а не весит ни одного.

Проходят много раз в году купцы с жемчугом, с

драгоценными камнями, с золотом, с серебром и с другими вещами, с золотыми и шелковыми тканями, и все это купцы приносят в дар великому хану. Созывает великий хан двенадцать мудрых, для этого дела выбранных и сведущих, и приказывает им посмотреть приносы купцов и заплатить за них, что они стоят. Осмотрят мудрецы все вещи и оплачивают за них бумажками; а купцы берут бумажки охотно и ими же потом расплачиваются за все покупки в землях великого хана... Много раз в году, сказать по правде, приносят купцы вещей тысяч на четыреста безантов, и великий хан за все расплачивается бумажками.

Скажу вам еще: много раз в году отдается приказ по городу, чтобы все, у кого есть драгоценные камни, жемчуг, золото, серебро, сносили все это на монетный двор великого хана; так и делают: сносят многое множество этого, а оплачивается все бумажками. Так-то великий хан владеет всем золотом, серебром, жемчугом и драгоценными камнями всех своих земель.

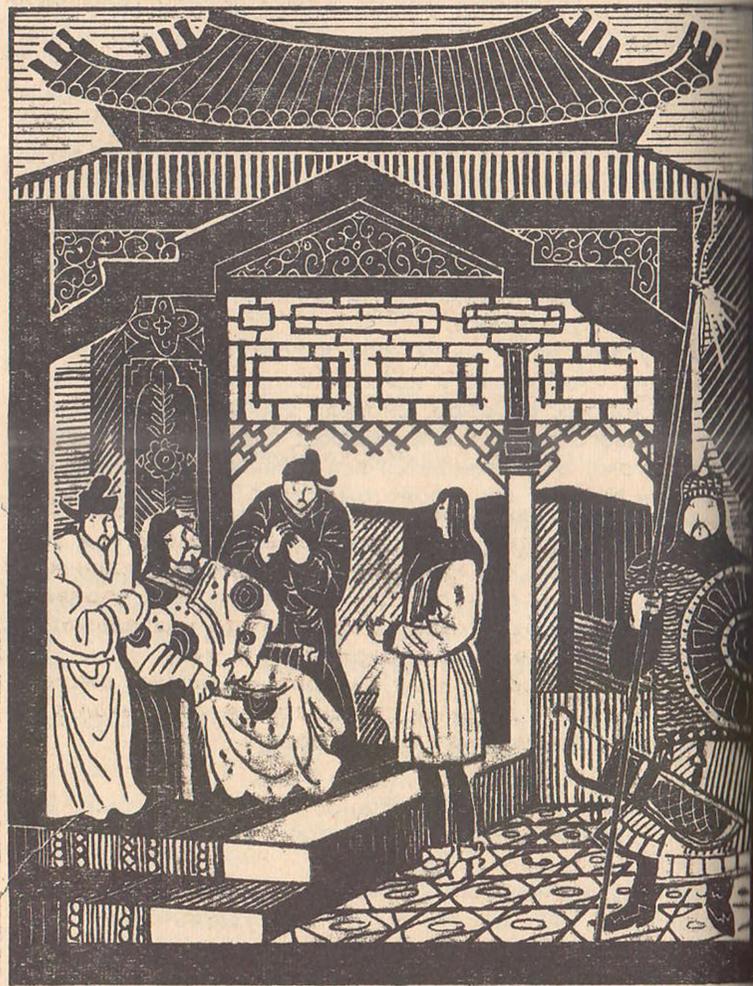
Когда бумажка от употребления изорвется или попортится, несут ее на монетный двор и обменивают — правда, с потерей трех на сто — на новую и свежую.

Если кто пожелает купить золото или серебро для поделки какой-нибудь посуды, или пояса, или чего другого, то идет на монетный двор великого хана, берет с собой бумажки и ими оплачивает за золото и серебро, что покупает от управляющего двором».

Эта алхимия нравилась Марко Поло.

Понимал Марко Поло сущность этих операций. Говорил он, что за товары не приходится платить высокой ценой, так как деньги бумажные.

Монголы выпускали бумажные деньги сперва с осторожностью, но всего было выпущено денег на 1 248 270 тысяч рублей. Это произошло уже при преемниках Кубилая-хана и так разорило народ, что в 1359 го-

ду началось восстание. Через десять лет монголы были изгнаны.

Но при Марко Поло торговля процветала. Ремесло приобрело широкий рынок. Арабы, итальянцы, узбеки и индусы привозили и увозили товары; однако курс денег был не везде равен, не везде принимали деньги хана. Были области, где вместо бумажных денег шли деньги соляные и деньги из раковин*. Марко Поло был частым гостем собольей палатки хана; он рассказывал хану про Палестину, Памир, про пустыни, где лошади вязнут в песке, и про горных старцев.

При Марко Поло привезли к хану с острова Мадагаскар дивный подарок — слоновые зубы и амбру*, добываемую из внутренностей китов, и, главное, перо той самой птицы, которая в арабских сказках звалась птицею Рок. Длина пера равнялась девяноста пядям.

Вместе с врачом был Марко Поло ближним человеком при хане.

Врач, глава звездочетов, придумал для Марко Поло должность: ездить по всей стране, все замечать, а главное — смотреть, где принимают и где не принимают бумажные деньги и откуда какой можно привезти товар. Должен был Марко Поло все это разведывать и, разведавши, приезжать и рассказывать хану.

Марко Поло так привык смотреть на разные диковинки, так привык к дальним путешествиям, что уехал в новый путь от двора хана с радостью.

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ ПОБЫВАЛ
Марко Поло на пиру.

Хан сидел за столом выше других, на северной стороне, лицом к югу. С левой руки сидела старшая жена, по правую руку, много ниже, — сыновья, племянники и родичи.

Головы их приходились у ног великого хана.

Столов было великое множество.

Посредине стояла чаша из чистого золота, в чашу входила бочка вина. Из большой чаши вино разливалось по золотым сосудам, на восемь человек, и из этого сосуда черпали золотыми ковшами. Князья подавали еду и питье великому хану. Рты и носы у князей были прикрыты шелковыми тканями, чтобы не дышали они на пищу великого хана.

Когда великий хан пьет, все становятся на колени и низко кланяются. А хан пьет много.

У входа стоят великаны с палками, следят они за тем, чтоб никто не наступал на порог, а если кто наступит, то бьют его палками, не раздевая, или должен он откупиться.

За пиром получил Марко Поло дощечку серебряную, написано было на ней: «По воле великого бога и по великой его милости к нашему государю да будет благословенно имя хана и да умрут и сгинут все ослушники».

Получил Марко Поло серебряную дощечку, но была еще для послов поважнее — золотая. И была еще золо-

та со львиной головой. И была еще золотая с крестом.

Поехал Марко Поло.

Дороги бежали во все стороны. Через каждые двадцать пять миль стояли станции, по-китайски — янпу, по-татарски — ям; это слово сохранилось у нас в названии «ямщик».

Станции были роскошны, дороги мощеные. Везде лошади для перемены, по-нашему — перекладные. На станциях постели с шелковыми одеялами. Между двумя станциями, через каждые три мили, маленькие поселки, в которых живут пешие гонцы великого хана. Бегут они по дороге, одетые легко, пояса на них с колокольчиками. Бегут они три мили, а через три мили стоит смена. Услышит звон колокольчиков, принимает на ходу письмо и бежит дальше, а этот гонец отдыхает.

В одни сутки получает хан вести за десять дней пути.

Так получает хан скорую почту и плоды во время их созревания.

Марко Поло ехал одетый купцом, не торопился. Дорога обсажена деревьями, тениста, на остановках можно пить рисовое вино. Лучше всего пить его горячим.

Зимой на станциях тепло, в печах горит каменный уголь.

Проверял Марко Поло, чем торгуют люди, по какой цене можно привезти сюда перец и ремень. Проезжал он горами, где рос имбирь, ехал лесами и в лесу встретил зверей, не знавших охоты великого хана. Переезжал Марко Поло через великие реки и доехал до разоренной области.

Дикие звери сделали себе логовище в брошенных домах и не боялись человека, потому что привыкли к человеческому мясу. Ночью подходили медведи и волки к огню. Везли с собою путешественники бамбук и клали зеленые стволы бамбука в огонь. Горит бамбук, гнется,

треск идет на десять миль вокруг. Приходится лошадей треножить железом и завязывать им глаза, чтобы ни убежали они от страха и не достались зверям.

Двадцать дней ехал Марко. Лисицы грелись на дороге. Трава росла у брошенных домов. Наконец доехали до людей. Станный народ — насмешливый, разбойный.

Хороши здесь собаки.

Бумажных денег хана никто не берет; деньги из соли, одежда из звериных шкур или холщовая. Сюда нужно везти соль. Соли у хана много. Добывают ее, выпаривая из морской воды, или выкачивая рассол из глубоких колодцев. Нужно сюда еще везти дешевую материю, отсюда можно увезти собак, крупных, как ослы, и бильюзу.

Ехал Марко Поло дальше. Дошел до страны Зердандан *, где у людей были золотые зубы и где при родах ложился муж на постель и кричал громче женщины, и после родов сам принимал поздравления, и лежал, как бы усталый, в доказательство того, что ребенок его собственный *. В этой стране не было уже письмен, деньги у них были золотые, мелочь — раковины.

Счет шел на палочках.

С этой страной хан воевал недавно.

Отсюда вернулся Марко Поло к хану с товарами и рассказами. Принят он был хорошо.

Шесть месяцев ездил Марко Поло, все запомнил, все рассказал. Хан и удивлялся и смеялся. Называл он Марко Поло мудрецом. Начал посылать его в разные страны.

Ездил Марко Поло по всей великой земле, все видел, все рассказывал.

А старшие Поло торговали, но и они дожидались великой славы.

БРАТЯ ПОЛО И ГОСПОДИН МАРКО ПОЛО-МЛАДШИЙ ОКАЗЫВАЮТ ХАНУ ВЕЛИКУЮ УСЛУГУ

ЮЖНЫЙ КИТАЙ ЕЩЕ НЕ БЫЛ завоеван, там продолжала властвовать Сунская * династия. Приезжие корабли платили пошлину китайцам, а не монголам. Ремесленники и купцы не все принадлежали великому хану, и бумажные деньги не шли на берегу Китайского моря.

Земля эта звалась Манги *. Тамощный народ не был приучен к пойнне. Земля была изрезана каналами и рвами, в каждый город — вход через мост. Монголы много раз приходили в эту землю и не могли покорить ее.

Князь татарский Баян Чингсан подходил к городам, а города запирались. Пять городов осаждал Баян и не мог взять. Шестой взял и подступил к столице — Ханьчжоу-фу *.

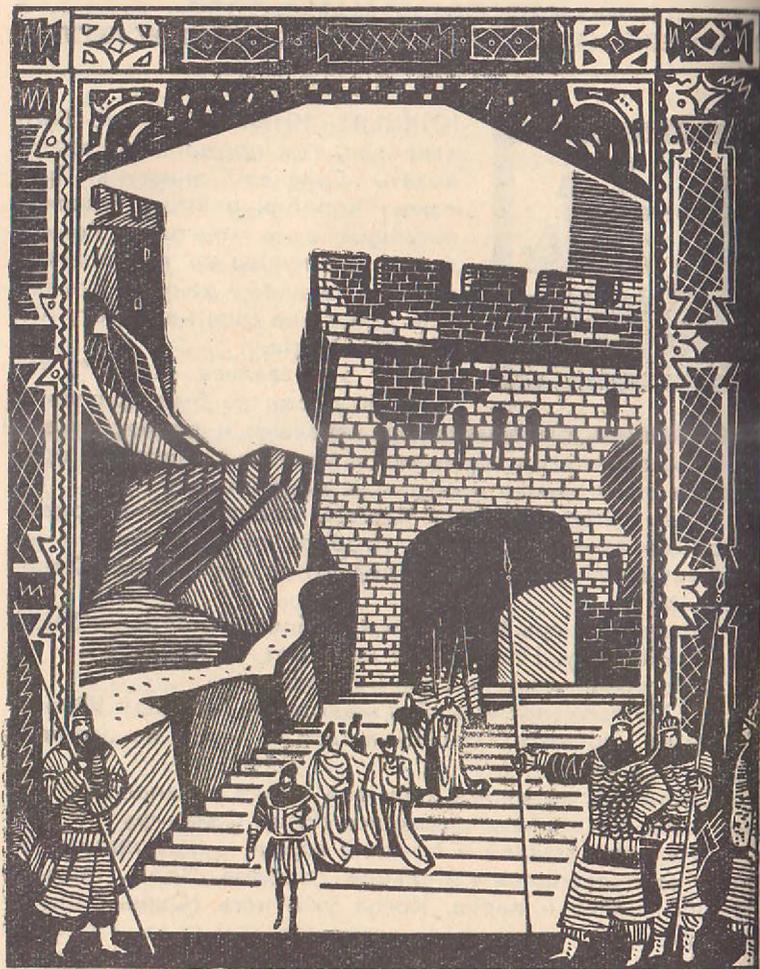
Тамощный царь бежал на кораблях на острова. Умер он в 1278 году. Наследовал его брат — мальчик.

К островам пришли суда Кубилая.

В 1279 году последний придворный государя Южного Китая посадил мальчика-царя к себе на плечи и прыгнул в море.

Досталась великому хану вся земля с канглами, кораблями. Но все еще держался город Сайан-фу *.

Это был большой и богатый город, и ему принадлежало еще двенадцать больших городов. Здесь ткались лучшие шелка и парча. Когда уже весь Южный Китай был покорен, город держался еще три года. Подойти к городу можно было только с севера, со всех других

сторон он был защищен большим озером. Город держался бодро, потому что по озеру подвозили к нему провизию.

Братья Поло и господин Марко посмотрели на стены города — стены из глины.

Марко знал всех людей в лагере, знал, что есть в нем мастера, которые умеют строить стенобитные орудия.

Огненные катапульты китайцев не могли разбить стены города. Нужно было придумать что-нибудь проще и вернее. В итальянских городах умели строить стенобитные орудия, искусство это осталось от римлян. Практика при осаде замков была большая, и венецианцы даже брали подряды на взятие городов машинами.

Дальше рассказывает сам Марко Поло:

«А великий хан велел взять город во что бы то ни стало. Говорили тут два брата и сын, господин Марко: «Великий государь, есть у нас мастера, делают они такие снаряды, что большие камни бросают; не выдержит этот город, станут машины бросать камни, тут он и сдастся».

Согласился великий хан и повелел как можно скорее изготовить те снаряды. Были у братьев в услугах немец да сириец-несторианин, хорошие мастера. Приказали им братья построить две-три такие машины, чтобы бросали камни в триста фунтов. Построили мастера две отличные машины; приказал великий хан отвезти их в войско, что осаждало город и не могло его взять. Пришли туда машины, установили их; татары глядели на них как на великое в свете чудо.

Что же вам сказать? Установили машину и бросили камень в город; ударился камень в дом — рушит и ломает все, наделал шуму страшного.

Увидели жители такое неслыханное бедствие, изумились, испугались и не знают, что говорить им и что

делать. Собрались на совет, а как спастись от этого снаряда, не придумали. Стали они тут говорить, что если не сдадутся, так все погибнут, посоветовались, да и порешили сдаваться.

Послали сказать военачальнику, что сдаются и хотят быть под великим ханом. Принял их военачальник и согласился, а город сдался.

По милости Никколо, Маффео и Марко вышло так, и немалое то было дело. И город и область самые лучшие у великого хана, большой ему доход отсюда».

Город был взят, но не все покорились монголам, и ненависти было много.

Жили люди под кубилайской рукой скучно. Великий хан запретил даже все игры, и фокусников, и песни, которым придавали здесь цены более, чем где-либо в мире.

Хан сказал:

— Я покорил вас с оружием в руках, и все, что принадлежит вам, мое, поэтому если вы играете, то играете моей собственностью.

Народу предписано было молчание. Когда проезжал хан, приказано было молчать на две версты кругом.

С горем покорялись китайцы.

Был большой город Циньлинь-цзюнь *, где было много работников, ткущих шелк и парчу. Земля кругом плодородная. Войска великого хана взяли область Манги, и на этот город был послан отряд аланов.

Аланы, предки осетин, жили в Китае и служили в войсках великого хана. Славилась они как воины и наездники и исповедовали тогда христианство.

Как попали осетины в Китай? Мир был тогда иначе слит. Монгольская империя владела заставой Дербента, а там недалеко были и аланы. Двигаясь, монголы включали в свои войска отряды других народов, и эти отряды потом попадали к великому хану. Во дворце великого

хана были люди всех племен. Монах Вильгельм де Рубрук * встретился здесь с русским диаконом.

Город Циньлинь-цзюнь взяли аланы.

Дальше рассказывает Марко Поло:

«Взяли аланы город и заняли его; попало им тут хорошее вино; напились они его, да и заснули до бесчувствия. Увидел народ, что победители лежат замертво, и, нимало не медля, в одну ночь всех их перебили, никто жив не остался.

Услышал Баян, что народ перебил его людей, послал свою рать, и город взяли силой. Взяли город и, скажу вам по правде, перерезали жителей.

Вот так-то, как вы слышали, перевелся народ в этом городе».

Вся земля китайская объединилась в руках Кубилая, большого хозяина. Закончили проведение канала до Канбалу, а в войске Кубилая усилились несториане и сарадины. Баян, который взял столько городов, стал подопытным, и Кубилай хотел его казнить. Сохранил жизнь Баяна врач Кубилая Айсе.

Голову Баяна рубить было рано, потому что рядом с ханом рос другой враг — великий канцлер Ахмед-сарацин. Рядом затевался заговор китайцев, и дядя Кубилая Наян собирал войско из христиан.

Так доносили в Небесную башню звездочеты, и вот почему сохранена была голова Баяна, имя которого китайцы записали иероглифами и разгадали как Бей-Янь, что значило по-китайски — стоглазый.

Существовала легенда, что только стоглазый человек может покорить город Манги.

Так донесли царю звездочеты, подкупленные и наученные Айсе.

И имя монгола и опыт военачальника, который сумел маневрировать конницей среди озер, были уже использованы. Можно было бы и казнить Баяна.

И едва не потерял голову Баян на своей славе. Спас его опять начальник звездочетов Айсе.

Заговор овладевал двором Кубилая, а Марко Поло, разведчик, ездил по Китаю и как будто бы думал о другом.

МАРКО ПОЛО РАССКАЗЫВАЕТ О ВЕЛИЧЕСТВЕННОМ ГОРОДЕ

ГОРОД НАЗЫВАЛСЯ ХАНЬЧ-жоу-фу и был прославлен арабами, персами, китайцами. Город описала здешняя царица в письме Баяну-победителю. Докладывали об этом городе побежденная царица и монгол-победитель вместе великому хану. Двадцать два описателя их коллеги «Соединенных кистей» изобразили славу города при помощи четы-

рех азбук, а также китайскими иероглифами.

Звездочеты города, получив новое платье, тоже подали свое донесение.

Марко Поло сам осмотрел прекрасный город и поверил своими глазами чудо.

Оказалось, что город имеет в окружении около ста миль и что в нем есть двенадцать тысяч каменных мостов. Мосты высокие, а под сводами иного моста суда могут проходить. Судам было что возить: в городе цветло двенадцать ремесел, и для каждого ремесла, утверждал Марко Поло, нужно было под мастерские двенадцать тысяч домов; в мастерской каждой работало не меньше десяти человек, но были мастерские и в сорок рабочих. Конечно, не все эти сорок человек мастера — подмастерьев больше.

«Много в городе богатых купцов, и ошибочно они торгуют, и никто об этом истинной правды не знает, так как тут много купцов. Скажу вам еще: знатные люди, и их жены, и те мастера, о которых вам рассказал, собственными руками ничего не делают, живут в таком до-

вольстве и так чисто, словно цари; их жены тоже в до-
вольстве и такие красавицы.

По велению царя всякий занимался отцовским реме-
слом, и хотя бы у него было сто тысяч безантов, зани-
маться другим ремеслом он не может.

К югу есть озеро, добрых тридцать миль в округе,
по берегам много прекрасных дворцов и красивых до-
мов; выстроены они на славу; богаче их и лучше придум-
ать нельзя, и то дома знатных и именитых людей.

Много тут еще аббатств и языческих монастырей;
идолов там многое множество. А посреди озера, скажу
вам еще, два острова, и на каждом по дворцу роскоши
изумительной; выстроены они на славу, а убраны слов-
но императорские.

Когда они свадьбы играют или пиры задают, так
ездят в те дворцы и там пируют; тут все нужное для
пира — и посуда, и ножи, и блюда.

Домов хороших в этом городе всюду много. Есть
там большая каменная башня; когда случится в городе
пожар, жители сносят туда все свое добро, а пожары
там частые оттого, что деревянных домов много».

Великий хан здесь только поддерживал старые уста-
новления города, увеличивая охрану. На мостах днем и
ночью стояли стражники в две смены по пять человек.

У каждого поста были водяные часы и деревянное
било.

В начале ночи били один раз, в два часа давали два
удара.

Боялся великий хан, что город взбунтуется, и велел
большому войску крепко сторожить город. Стража об-
ходила квартал и смотрела, не горит ли где огонь после
назначенного часа. Но если огонь горел, стража не
вламывалась ночью, а ставила на дверях знак, и утром
хозяин или платил штраф, или его наказывали малой
планкой.

Нищенство было запрещено в городе, нищих отдава-
ли в рабочие руки.

По городу нельзя ходить праздно. Над городом воз-
вышалась гора, с нее стража следила: нет ли в городе
пожара или народного волнения.

В городе все улицы вымощены камнем и кирпичом,
и кирпичные дороги уходили в поля.

Для конницы каменные дороги неудобны. Поэтому
приказано часть улиц с края оставлять немощеной —
для гонцов и войска.

Главные улицы мощены не камнем, а сделана дорога
из мелкого щебня, с водосточными трубами для стока
дожда.

Если у кого в этом городе рождался ребенок, отец
и мать записывали день, час и место рождения и сове-
товались со звездочетами.

Если кто собирался куда ехать, то тоже советовался
со звездочетами.

Если кто приезжал в город и ночевал в гостинице,
то спрашивали у него документы и записывали его имя и
фамилию и откуда он приехал.

«Дело то людей умных», — говорит Марко Поло.

В городе четыре тысячи бань, бани просторные.
По городу к пристани тянулся канал. В области тысяча
двести городов, и в каждом городе тысяча людей охра-
ны. А в ином городе десять тысяч и тридцать тысяч.
Но все там татары, были и аланы, и куманы, сарацины,
корезмцы, и никто друг другу не верил, и все друг друга
сторожили, и вместе они сторожили город.

На дверях домов написаны имена хозяев, имена жен,
сынов и жен сынов, рабов и всех домочадцев, а также
сколько в доме лошадей.

Если кто помрет, имя вычеркивалось; если кто ро-
дился, имя записывали на доску.

Славился еще город женщинами: так они здесь кра-

сивы и так принимают они гостей, что никогда не забудет человек тех женщин.

Они одевались пышно, употребляли сильные духи, потому что духи закреплялись в памяти, и память возвращала запахи и напоминала о многом.

Так жил этот город и приносил доход великому хану: доход с сахара, которого здесь выделяется больше, чем где бы то ни было в мире; с пряностей платил город три процента; платил также город десять процентов с шелка и с риса, с угля и со всех двенадцати ремесел, которые цветут в городе.

Доход с этого города неслыханный.

МАРКО ПОЛО РАЗГОВАРИВАЕТ СО СТАРЫМ КИТАЙЦЕМ

НЕ ЛЮБЯТ ИНОСТРАНЦЕВ, НО привыкли к ним в городе Неба. Привыкли, как к горю. Самым страшным врагом китайцев считался в это время Ахмед-сарацин, член верховного совета.

К итальянцу Марко Поло, который восхищался Китаем, местные люди относились лучше.

Сам Кубилай колебался между разными народностями и между

разными частями своего войска и их предводителями.

Двор хана тянул сторону Китая, в гареме были принцессы Сунской династии.

Марко Поло был человеком скорее всего китайской ориентации при дворе. Поэтому его хвалили китайские летописцы, поэтому дружественно принял его старый купец-китаец и сам проводил его по развалинам дворца старой династии.

Вошли во дворец через ворота. По обеим сторонам ворот, прямо на земле, без фундаментов, стояли обширные павильоны. Крыша павильона поддерживалась колоннами, украшенными лазуритом. Прямо против ворот находился большой павильон, весь разукрашенный золотом; потолок и стены были расписаны картинами, изображающими события жизни прежних царей, их войны с дальним Тибетом и степными варварами.

В главном павильоне царь устраивал некогда обеды для главных вельмож, начальников, купцов и богатых ремесленников города. За стол разом садилось десять тысяч человек.

Обеды и роскошные приемы продолжались по двенадцать дней.

Каждый приходил сюда одетым как можно нарядно, и поле, украшенное цветами, не могло сравниться с этим залом.

Цветы ведь не думают, не хвастаются, поэтому не так пестры и причудливы.

За павильоном стена, которая сейчас уже развалилась; в стене проход, за проходом большое здание на подобие монастыря. Это дворец царя.

За дворцом коридор шириною в шесть шагов и такой длины, что человек в конце коридора казался шахматной фигурой. С каждой стороны коридора по десяти дворов, устроенных наподобие монастырей, с портиками. В каждом дворе пятьдесят комнат с садами при них, и здесь жили тысячи девиц, которые тешили царя.

С девицами царь катался по озеру в барке, крытой шелком.

Сад был разбит на рощи, и сюда, кроме царя, не ходил ни один мужчина. Сюда приходил царь с девицами.

Здесь они купались в озерах и руками ловили зверей для царя. Звери те были ручные. Здесь же обедал царь.

Он не знал даже названий родов оружия.

Так рассказывал китаец-купец.

«А теперь, — пожаловался купец, — песок заносит наши гавани. Пираты усилились, лошадины выросли. Впрочем, вы сами знаете все, что вы знаете».

Так говорил китайский купец с Марко Поло, пробуя его душу.

Марко Поло писал о монголах так, как арабские писатели писали иногда о франках, рассказывая о благоразумной жизни варваров.

В купеческом городе Марко Поло чувствовал себя почти китайцем.

Для китайцев же Марко Поло был варваром, чужим, тяжело ступающим, плохо пахнущим.

Но завоевания приучили китайцев к иноземцам.

Наука, полуизгнанная из столицы, нашла приют в купеческих домах. Купцы стали философами и читали уже не только для них созданные романы.

Философом был купец, который говорил с Марко Поло.

Марко Поло уезжал из города Кинся с большими подарками.

При отъезде спросил он купца, что подарить ему.

Ответил купец:

— Только воздержность утешает человека. Самые воздержанные люди в мире, как известно это даже моему слабому уму, — монахи даосские *. Они люди высоких совершенств, они сидят как трупы, стоят как дерево, движения их как гром, и ходят они как ветер. Воистину они люди чуда. Среди них величайшим был Чан-Чунь, человек с великими совершенствами. Родился он в горах, и сам Чингисхан вызывал его для мудрой беседы, но он говорил грозе мира о высшей добродетели — почитании старших.

Прекрасны женщины нашего города, нельзя их забыть. Возьмите с собой духи, господин. Но высшее счастье — не желать. И это счастье знают монахи даосские.

Всю жизнь они едят одни отруби, положивши отруби в воду.

Голову и бороду бреют, одеваются только в белое и черное.

Так живут монахи даосские. Великий хан дал им сейчас большие земли и почести. Вчера один из них посетил мой презренный дом и удостоил меня беседы.

Он сказал:

«Вчерашняя мысль не оставляет следов, то же и дела настоящего дня. Лучше всего покинуть то и другое и проводить дни в постоянной пустоте».

Еще он сказал:

«Падают города, но зеленые деревья становятся гуще и гуще, и редко ветерок прорывается глубоко в ветви, оперенные зеленой листвой».

Наш народ, скажу я вам, крепкий, не как камень, а как земля; страна наша крепка, как ива, хотя и меняет имена с каждой династией.

Марко Поло не захотел продолжать опасный разговор.

— Друг, — сказал он, — что привезти вам в подарок? Может быть, цветы из сада хана утешат ваш взгляд?

Купец ответил:

— Высок бамбук в саду хана, а глаза вашего слуги и младшего брата стары. Бамбук хана растет быстро. Пыль гонцов ест мои глаза. Этот бамбук чрезвычайно красив — вероятно, после опустошений войны нельзя много достать его. Теперь я состарился, наступает срок моего возвращения, — уделите мне несколько десятков стволов, они будут закрывать зрение. Нам жаль, когда мы теряем какую-нибудь вещь, тем более жаль большую страну.

В ПОПЫТКЕ ВОЗМУТИТЬ ГОРОД КАНБАЛУ

ХОРОШО БЫЛИ ОХРАНЕНЫ китайские стены от китайцев. Называя областью Китая то, что сейчас называют Северным Китаем, и именем Манги — южную часть страны, Марко Поло пишет:

«Во всех областях Китая и Манги и в остальных его владениях есть довольно предателей и неверных, готовых возмутиться, а потому

необходимо во всякой области, где есть большие города и много народу, содержать войска; их располагают около города, в четырех или пяти милях; а городам не позволено иметь стены и ворота, дабы не могли препятствовать вступлению войск. И войска и их начальников великий хан меняет через каждые два года. Так взбунтованные народы остаются спокойны и не возмущаются».

Войска содержатся не только на жалованье, которое великий хан определяет им из дохода области, но и живут также своими многочисленными стадами, мясом, которое продают в городе, и на эти средства покупают, что им нужно. Войска расположены в разных местах, в тридцати, в сорока и шестидесяти днях. Если бы Кубилай собрал половину их, было бы их такое множество, что и не поверить».

Государство управлялось двенадцатью советниками. Среди них был некий сарацин по имени Ахмед.

Монгольским князьям и ханам Кубилай не доверял. Вот почему у него был такой большой двор. Он старался иметь всех возможных врагов у себя перед гла-

зами, и возил их с собой, и одевал их, и поил их, и держал против них стражу.

Ахмед распорядился всем управлением, наказывая преступников. Хан все делал по докладу этого сарацина. Если тот сарацин желал погубить кого-нибудь, говорил хану:

— Такой-то заслуживает казни. Оскорбил он ваше величество так-то:

Великий хан всегда отвечал:

— Делай как знаешь.

Народ, видя доверие великого хана к Ахмеду, боялся его. Был Ахмед великим взяточником, и любил од красивых женщин. Незамужних он брал в жены, а замужних отнимал у мужей. Были у него специальные сводники, узнавали они, где есть красивые женщины. Потом посылал их Ахмед к отцу девушки и говорил:

— У тебя есть дочь, отдай ее замуж за наместника, а мы устроим, что он даст тебе такую-то должность или такое-то назначение на три года.

Отдавал человек дочь Ахмеду. Ахмед шел к великому хану и говорил:

— Такой-то человек заслуживает награждения. А должность такая-то свободна.

И великий хан всегда отвечал ему:

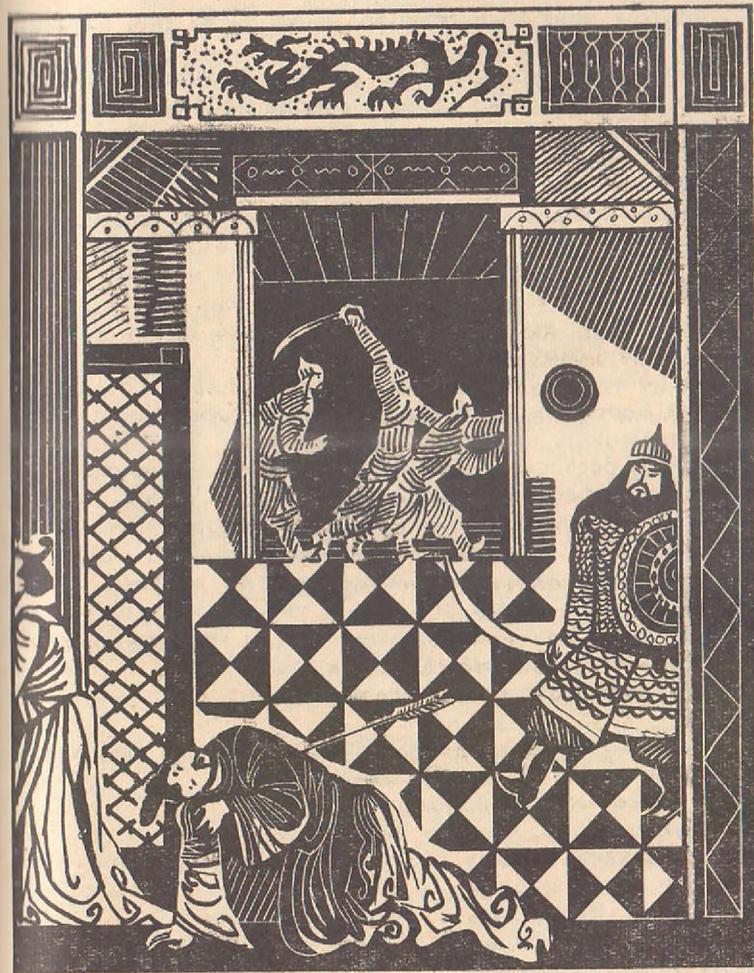
— Делай как знаешь.

Было у Ахмеда двадцать сыновей, и с женщинами они поступали так же, как их отец.

Собрал Ахмед большие богатства, и властвовал он двадцать два года.

Врач-астролог и Марко Поло давно уже следили через звездочетов за Ахмедом.

Следил за Ахмедом, с другой стороны, Ван Чжу, который в течение последних девяти лет был товарищем сарацина по должности.

Другом Вана был офицер Чжан. Были они китайцы и мечтали о восстании.

Напасть на Кубилая было опасно. За Кубилаем были монголы. Легче было напасть сперва на Ахмеда; за Ахмедом были одни сарацины. Потом можно было разбить несториан и аланов, закрыться в городах и драться с монголами.

Чжан, называемый Марко Поло Чен Ху, командовал тысячью человек. Ахмед изнасиловал его мать, потом жену и потом дочь. Чжан терпел, потому что ему нужно было иметь солдат под своим начальством.

И Ван Чжу возвышался, и уж десять тысяч человек имел он под своим начальством.

Наступила весна, и отправился Кубилай со всеми своими баронами, с сокольниковыми, с собаками, с соколами в Шаньду.

Ахмед остался в царском дворце наместником.

Отпраздновал хан трехдневный пир и уехал.

Ван Чжу и Чжан решили, что день настал. Так сказал им монах Гао по верным предзнаменованиям. Сказано было всем китайцам, что когда захватят дворец, то будет дан сигнал огнем, и каждый увидавший этот сигнал должен сам жечь сигнальные огни, и побегут сигналы по всему Китаю, узнают все города Китая и Манги, выйдут люди разом на улицу и убьют ненавистных бородатых.

Китайцы по природе безбороды. Татары же, сарацины, христиане носили бороды.

Тут говорит Марко Поло:

«Нужно знать, что все китайцы не любят управления великого хана, потому что поставил он над ними татар и всего чаще сарацин, а этого китайцы не выносили, так как те обходились с ними как с рабами.

Великий хан овладел Китаем не по праву, а силою, и не доверял китайцам, а отдал страну в управление

татарам, сарацинам и христианам, людям из его рода, горным, не туземцам».

У Ахмеда были плохие отношения с сыном Кубилая, принцем Чим Кимом. Принц шел на большие уступки китайцам.

Ван Чжу и Чен Ху в условленную ночь вошли во дворец. У всех дверей караул держали китайцы-воины. Ван Чжу сказал:

— Осветите дворец!

И послал Ван Чжу к Ахмеду, жившему в старом городе, гонца, как будто бы от сына Кубилая, сказавши, что приехал Чим Ким и зовет Ахмеда к себе.

Была ночь. Ветер дул из ворот Канбалу в ворота, сквозь решетки. Уже пробил третий бой, и по улицам ходили патрули.

Ахмед в воротах города встретил татарина по имени Кагатай, старшего начальника стражи. Ахмеда пропустили, но при начальнике стража была особенно внимательна и спросила, куда идет наместник.

— К Чим Киму, только что приехавшему, — ответил Ахмед.

Кагатай пропустил Ахмеда, а потом подумал: как мог проехать Чим Ким без его ведома? Взял несколько солдат и издала пошел за Ахмедом.

Ахмед проехал через пустынный город, подошел к стене. Ему спустили мост. Ахмед прошел ворота первой, второй и третьей стены. Между стенами было темно и прохладно. Теплые, сонные звери стояли на дороге. Дворец был освещен.

Ахмед взошел на лестницу дворца, взошел в тронный зал, стараясь не наступить на порог. На троне Кубилая сидел кто-то. Ахмед пал ниц.

Чен Ху ударил Ахмеда мечом по шее.

И ни Ахмед, ни голова его не узнали, что на престоле сидел китаец Ван Чжу.

Кагатай шел за Ахмедом и видел все в двери.

— Измена! — закричал он.

Был он человек быстрый, пустил стрелу в Ван Чжу и убил его на месте. И солдаты, которые были с ним, начали рубить и пленили Чен Ху. И из дворцов по углам и из среднего двора выехали вооруженные татары, и всякого, кого встречали они на пути, убивали не спрашивая.

Заял Кагатай все вышки, пустил гонцов пеших и конных, стала везде стража, и китайцы не решились выйти на улицу из дверей, на которых были написаны имена всех живущих в домах. Никто не решился дать знак огнем. И пламя погасло не разгоревшись.

Гонцы прибежали к великому хану. Великий хан не вернулся, потому что он не любил жары и понимал законы войны. Он оставил Кагатая свершать казни, для того чтобы потом приехать миловать.

По некоторым китайским летописям, следствие производил сам Поло. Поло на службе у Кубилая было несколько, и возможно, что речь идет не про Марко Поло, но в книге, записанной со слов самого Марко Поло, сказано:

«В то время, когда все это происходило, Марко находился там».

Ахмед обвинялся в том, что он насилует женщин и крад вещи, принадлежавшие лично хану. Говорили, что он украл рубин, привезенный купцом из Бадахшана.

Сыновей Ахмеда Поло допрашивал отдельно, жен отдельно, собрал показания. Наступила осень, вернулся великий хан.

Казни были уже произведены во всех городах. Великий хан принял донесение разведчика Марко Поло.

Рассмотрел Кубилай бумаги и нашел, что проклятый Ахмед с сыновьями натворил много зла и безобразия, что семь сыновей его виноваты, а тринадцать могут

быть помилованы, что насилий произведено было много и ненависти к бородатым накопилось много.

Нужно было уступить китайцам. Сперва уступили им тело Ахмеда. Вырыли тело Ахмеда из могилы и бросили на улице — собакам на растерзание.

С семи сыновей Ахмеда приказано было заживо содрать кожу. Имущество Ахмеда конфисковали и передали в казну хана.

Вина за все угнетения была отнесена на Ахмеда.

Оставались сарацины. С сарацинами дело сложнее. От всех бородатых царь не мог отделаться. Он управлял странюю руками бородатых. Но сарацины — враги, потому что у них был свой халифат, с ними сражались войска Кубилая в 1260 году. В лагерь сарацинов посылались Поло, когда они добывали масло у гроба господня и военные сведения.

Надо было начать выживать сарацинов из страны. Запретил хан убивать скот по сарацинскому обычаю, и запретил хан записывать браков по сарацинскому обычаю, чтобы ушли сарацины из Китая.

Называлась в Китае религия магометан верой запрещения, потому что мусульманам запрещены вино и свинина.

Марко Поло называет всех мусульман сарацинами, на самом деле сарацинами — арабами — были немногие из них; магометанами были больше персы, таджики и уйгуры. Сперва, после запрещения Кубилая, многие мусульмане ушли из Китая, но через семь лет, то есть в году 1289, еще до отъезда Марко Поло, запрещение было отменено.

Марко Поло же на этом деле приобрел великое доверие хана.

Дал ему хан звание советника; стал, может быть, Марко Поло одним из двенадцати крупнейших сановников страны, получил губернаторство.

Товар выгодно покупать тогда, когда нет соперников.

Марко Поло не говорил по-китайски и не знал, конечно, китайской грамоты, хотя смысл китайских иероглифов, изображающих отдельные понятия, можно понимать, не зная их звучания.

Но Марко Поло не понимал по-китайски ни слухом, ни глазом.

Тем не менее он занимал важные должности.

В Китае было много иностранцев. В армии служили не только монголы.

Я говорил уже, в Китае стояли гарнизоны из аланов, русских, уйгуров.

Монголы говорили: «Мы завоевали Китай не сходя с коня, но не можем управлять страной, не покинув седла».

Страной могли бы управлять китайские чиновники, но китайцам в Китае монголы не давали хода. Министром финансов был бухарец, придворным врачом — итальянец. Города осаждали арабы, персы и итальянцы. Для магометан было даже отдельное высшее учебное заведение.

Нашлось в этой пестрой толпе место и для венецианца Марко Поло.

Он был нужен монголам, потому что был для этой страны чужим. Он был чужд ей, как чуждо лошади вложенное ей в рот железо удил.

ГОСПОДИН МАРКО ПОЛО ИДЕТ ГУБЕРНАТОРСТВОВАТЬ

В ЗАВОЕВАННОЙ СТРАНЕ МАН-ги едешь по укатанной дороге из гравия, и по обеим сторонам дороги — вода.

У завоеванных городов стоит военная охрана. Жители — купцы и ремесленники — все сосчитаны и все платят дань; деньги у них повсюду монгольские, бумажные.

Так идут завоеванные земли на три дня пути, до самого океана. Везде у деревень военная охрана, а с океана плывут корабли от тех далеких островов, где нет другого дерева, кроме благовонного. Истомится душа, пока доедешь до тех островов. Там власти хана нет. Хорошо бы приехать туда, проложить там через горы мощные дороги, поставить мосты, на мостах — охрану, ввести бумажные деньги хана и пустить везде караваны купцов.

Изумительные вещи в Китае. Изумительное вино. Оно из риса и варят его с пряностями. И чисто и вкусно. Пьют его горячим.

«Но оставим это, — говорит Марко Поло, — и опишем, как камни, словно дрова, горят.

По всей области Китая есть черные камни; выкапывают их в горах, как руду, и горят они, как дрова. Огонь от них сильнее, нежели от дров. Если вечером, скажу вам, развести хорошенько огонь, он продержится во всю ночь, до утра. Жгут эти камни, знаете, по всей области Китая. Дров у них много, но жгут они камни, потому что и дешевле, да и дерева сберегаются».

Едет Марко Поло. Отец остался торговать в Канбалу, Марко едет один со свитой.

На реках стоят мосты, на мостах — львы. Вместо столбов от льва ко льву изгородь. Столько львов на мосту, что сойдешь с ума, если их пересчитаешь. Журавли четырех родов живут в Китае. Шести родов соколы у Марко Поло в его свите. Двадцать восемь лет Марко Поло. Город, в который он едет губернатором, находится в Южном Китае.

Глава эта будет короткая, потому что губернаторствовать оказалось скучно.

Вот что написал об этом сам Марко Поло:

«От Тайчжоу целый день едешь по прекрасной стране, замков и поселков тут много, а потом большой, знатный город Ячжоу-фу*.

Большой город, могущественный: двадцать семь больших, прекрасных торговых городов ему подвластны. Один из двенадцати князей великого хана сидит в этом городе; выбран он как один из двенадцати стольных городов. Живут тут подданные великого хана; они идолопоклонники; деньги у них бумажные. Господин Марко Поло три года управлял этим городом. Народ тут торговый и промышленный, работают сбрую для конных воинов. Скажу вам по правде: много воинов в этом городе и кругом. Больше не о чем говорить».

Марко Поло скучал. Он был путешественник, и чиновничья жизнь не пришлась ему по вкусу.

Во всех малых главах книги, посвященных Китаю, он прежде всего упоминает о том, какие деньги идут в данном городе. Бумажные деньги в Китае того времени были злободневным вопросом. Бумажные и железные деньги вытесняли медную монету. Железные деньги так широко применялись, что в XII веке была запрещена частная торговля железом и государство начало выплавлять железо на каменном угле.

Это сложная операция, до которой Европа поднялась только в самом конце XVIII века. В XIII веке за содействие обращению бумажных денег выдавали премии. Вероятно, этими премиями Марко Поло широко интересовался.

Нужно отметить, что когда Марко Поло приезжал в Персию на обратном пути из Китая, то в Персии в это время тоже пытались ввести бумажные деньги. Может быть, это произошло не без участия Марко Поло.

МАРКО ПОЛО ДАЕТ ИМЯ СТРАНЕ, И ИМЯ ЭТО ОСТАЕТСЯ В ВЕКАХ

В БЫТНОСТЬ МАРКО ПОЛО ПРИ дворе великого хана Кубилая пришел в Китай с островов на корабль с послом. Посол был из страны, которую мы называем сейчас Японией. Истинное название этой страны — Ниппон, Ниппон-го, китайцы зовут Японию Жи-бань-го, но Марко Поло записал это слово «Чипун-гу», а потом от этого слова произошли

и французское (жапон) и английское (джэпон). А иначе прочитанное (жапон) превратило Чипунгу в нашу «Японию».

Вот что услышал Марко об этой стране от ниппонского посла при ханском дворе в Канбалу:

«Острова лежат на Востоке в открытом море. До них от материка тысяча пятьсот миль. Острова велики. Золота там великое изобилие, потому что его там добывают и никуда не вывозят. Дворец там большой и крыт чистым золотом, так, как у нас в Венеции свинцом крыты дома и церкви».

Пересказывает слова посла Марко Поло: «И полны там золотые и золото на полах в пальца два толщиной, и окна золотые, и много там розового жемчуга».

Хвастливые речи посла услышал Кубилай и послал туда двух военачальников. Одного звали Атабан, а другого Вонсаничин.

Поплыли они с великим войском на кораблях из еловых деревьев.

Белела пена у носов судов, стрелки стояли на палу-

бах — стерегли воду: не поплывет ли на корабль кит, не станет ли играть с пеной, не разобьет ли корабль зыбостом?

За кораблями шли лодки — две побольше, десять поменьше. Эти лодки были для разведки и для ловли рыбы.

Ветер был благоприятный. Киты не помешали флоту монголов. Были корабли хорошо вооружены, и с ними были медные трубы, которые стреляли каменными ядрами, выбрасываемыми порохом: смесью селитры с углем и серой.

Плыли корабли. Доплыли до берега. Высадились, зашли на побережье, подошли к городам.

И тут случилось злое дело — поссорились военачальники. Зависть легла между ними, и один другому не хотел помогать.

А тут подул северный ветер, и стала говорить рать, что надо уходить, не то буря разобьет все корабли у берег.

Сели воины на суда и вышли в море, но не прошли четырех миль, как прибило их к небольшому острову. Часть судов разбило. Оставшиеся начали ссориться. На корабли были взяты только начальники. Помогали друг другу плохо. Кто погиб из двоих начальников, Марко Поло не говорит.

Известно одно — что бросили монголы своего товарища и уехали.

Когда вернулся военачальник, бросивший часть войска Кубилая, сильно разгневался великий хан, велел снять с буйвола шкуру, замотать в нее того военачальника и бросить его на дикий остров. Шкура, высыхая, сжимает тело, и человек не может двигаться и умирает жалкой смертью.

А те, кто остался жив, жили на малом острове, и к ним пришли люди с острова Чипунгу, но они захва-

тили и тех людей, и их корабли, и их знамена и пошли на другой остров и взяли их обманом.

И так долго воевали на островах Чипунгу, а потом были окружены, и сдались, и попали в безысходный плен.

Известно не только со слов Марко Поло, но и из японских хроник, что корабли Кубилая приходили на остров Кюсю. Но когда войска высаживались на берег, поднялась буря, и все корабли монголов потонули. Монгольская армия была истреблена дотла, и только трое воинов смогли перебраться в Китай и известить Кубилая об участи его войска.

Спасительную бурю японский летописец называет «камиказе». Это значит — вихрь богов.

Люди же после Марко Поло долго не знали о стране островов ничего, кроме названия, перепутанного Марко Поло. Они думали, что где-то в океане стоит остров и там дворец с золотыми крышами и золотыми полами.

Уже греки говорили, что земля — шар. Думали, что существует только один свет, одна земля. Но шар земной считали меньшим, чем он на самом деле.

Поэтому золотые крыши острова, стоящего в океане, казались близкими, тем более что Марко Поло дал неверное расстояние от материка до острова, увеличив его во много раз и тем самым приблизив остров к Европе.

Про землю, которую мы называем Америкой и которая барьером поднялась в океане, тогда не знали.

Золотые крыши острова казались совсем близкими. Вот к ним и плыл потом генуэзец Колумб на своих каравеллах.

Так ошибка породила мечту, а мечта ускорила полет.

ГОСПОДИН ГУБЕРНАТОР МАРКО ПОЛО СКУЧАЕТ, СКУЧАЕТ ТАКЖЕ ВЕЛИКИЙ КУБИЛАЙ

У КУБИЛАЯ БЫЛА ПОДАГРА, ноги болели от мяса, от вина.

Войска были ненадежные, двор тоже ненадежен.

Двор веселился; при дворе были певцы, акробаты, фокусники. Фокусники персидские, фокусники китайские, жонглеры тибетские, фокусники индийские, фокусники арабские, умеющие ходить колесом с руки на ногу,

фокусники немецкие, которые ели горящую паклю и пили горящий спирт. Фокусники были молоды и сильны. Были фокусники аланские, которые танцевали с ножами, были фокусники с неведомых островов, которые играли палками, возвращающимися к ним обратно. Было их так много, что стали они как войско. Все они были при дворе, так как в стране фокусничать запрещалось.

Великая страна Китая, реки текут с гор. В горах рождается и Небесная река*, и до сих пор на картах ее истоки показаны пунктиром. И горы те неведомы, рисовали их китайские географы кисточкой, так, чтобы было красивее.

За горами, за снегами лежала большая страна, называемая Мьянь; ныне ее зовут Бирма. Течет там могучая река Иравади.

Устье этой реки заставлено от Китая островами, и полуостровами, и мелями. И вот что придумал Кубилай, как рассказывает господин Марко Поло:

«Было у него при дворе многое множество шукарей и плясунов. Сказал им великий хан, чтобы шли они

и по его воле покорили царство Мьянь, обещал и начальника и провожатого, а те отвечали, что согласны, и пустились в путь вместе с начальником и провожатыми великого хана».

Вместе с фокусниками отправлен был, вероятно, и сам Марко Поло.

Толпы фокусников вышли из Пекина. Они шли по дорогам, и показывали фокусы, и останавливались в деревнях, и когда они уходили, то незачем было в те деревни возвращаться. Фокусники шли по рекам, тянули лодки вверх на бамбуковых веревках, на шестах проводили лодки через пороги. Они вышли в область сосновых лесов. Шли дальше. Облака стояли в пропастях над куполами деревьев, похожими на жилища людей. Фокусники шли по ослепительному льду. Корка льда трескалась и оседала.

Марко Поло передовой птицей вел пестрое войско по белой битой тропе, через лазоревые ледники.

Фокусники шли по долине реки Чу-Или. Речка текла из-под ледяного козырька. Потом перешли перевал, на котором был ветер. Людей было уже мало.

Места были пустынные, дорога шла большим спуском. В этих местах есть золотые россыпи, но к тем россыпям не пройдешь. И не мог Марко Поло пробраться туда даже с фокусниками.

Говорит Марко Поло:

«Туда, где живет тот народ, никто не может пройти, и никакого зла ему никто не может сделать.

Живет он в стране непроходимой, куда и дорог нет, никто и не знает, где он живет, никто туда никогда и не хаживал.

Народ тот выносит золото сам и продает одну меру золота за пять мер серебра. Очень это прибыльное дело, потому что во всем мире золото дороже.

Есть там места для рынка. Рынок там три раза в неделю».

Во время похода было то место, вероятно, пустынно.

Продолжает Марко Поло:

«А как спустишься через два с половиной дня, начинается область на юг, у пределов Индии; зовется она Амян или Мян*.

Пятнадцать дней идешь по местам, где нет дорог, а в песках много слонов и разных диких зверей.

Люди здесь не живут».

Горы успокаивались, как волны. Становилось теплее, горы переходили в холмы. Холмы шли с севера на юг. Показалась долина реки Иравади.

Сюда пришли в мае. Было сорок градусов тепла, как сказали бы мы нынче. Воевали здесь долго — до зимы. Зимой похолодало до тридцати, но не мороза, а тоже тепла.

Люди здесь были желтовато-коричневые, голые, в одних повязках на бедрах. Жилища одноэтажные, у реки, на сваях.

Шли дальше. В середине страны дошли до города Тагуна. В этом городе стояло две башни, одна золотая, другая серебряная.

Рассказывает Марко Поло:

«Башни эти вот какие: сложены они были из хороших камней и покрыты; на одной золото было в палец толщиной, и вся башня была покрыта золотом, словно литая из золота. В высоту она была десять шагов и соразмерной ширины; снизу круглая, а кругом были золоченные колокольчики; подует ветер — они позванивают. Другая башня была серебряная и точно такая же, как золотая, той же величины и с виду такая же. Приказал их выстроить царь ради своего величия и во спасение своей души. И, скажу вам, были те башни самые лучшие в свете и очень дорогие».

Кроме золотой и серебряной башен, были еще олово, слоновая кость, сапфиры, янтарь...

Страна богатела.

Фокусники вместе с провожатыми покорили страну. Поохотился здесь Марко Поло на слонов, оленей, антилоп и ланей. Страна стала казаться ему тесной, и поехал он к великому хану докладывать, что стоят башни красивые и дорогие, не прикажет ли великий хан разорить их, а золото и серебро прислать к нему.

Хан был стар, уже любил он пить не вино, а чай, заваренный водою из медного сосуда, в котором горели угли. Любил хан говорить уже о добродетели, приблизил ко двору последователей Конфуция.

Сказал хан:

— Вероятно, царь построил те башни ради спасения своей души и для того, чтобы после смерти о нем помнили. Я повелеваю башни эти не разрушать, а сохранить точно такими, какими они выстроены.

Выслушал Марко Поло ответ хана и понял, что хан уже насыщен жизнью, что близко, может быть, смерть его, и тут же он узнал, что врач, глава звездочетов, колеблется в составлении гороскопа наследника.

Тогда вызвал господин Марко Поло отца и дядю. Пришли к нему веселые старики, толстые, круглобродые, довольные. Принял их Марко Поло как господин, сказал о деле; согласились и дядя и отец менять все имущество на рубины и готовиться к отъезду.

Было Марко Поло больше тридцати лет. Горы и дороги укрепили его тело. Ничего он не боялся, но хотел посмотреть дальние земли и дальние острова и решил поспешить в отъезд.

Решил он возвращаться домой морем и отправился бы скоро, но ему помешала война Кубилая с Наяном.

ЗЕМЛЯ ГОРИТ В КИТАЕ, И ТОРГОВЫЙ ДОМ ПОЛО ДУМАЕТ ОБ ОТЪЕЗДЕ

В 1286 ГОДУ БЫЛО УЖЕ КУБИЛАЮ семьдесят лет. Был у Кубилая племянник Наян*, потомок Учжигина, младшего брата Чингисхана. Наян был человеком молодым, владел многими областями и мог выставить до четырехсот тысяч всадников. Предки его и сам он всегда покорялись великому хану, но с течением времени усилился Наян, завел большую армию, взял к себе на службу много бородатых христиан и даже сам принял христианство и поставил крест на знамени.

Было Наяну всего тридцать лет, и сердце его жаждало царства. Был у него союзник — внук Угедея, Хайду*, чьи владения лежали в Средней Азии. Начали Наян и Хайду готовиться к походу на великого хана.

Кубилай был стар и знал, что в городах у него неспокойно. Но о делах Наяна и Хайду узнал хан за много времени от звездочетов и разведчиков.

Когда человеку снился сон, то просыпался он и советовался со звездочетами. Звездочет толковал сон и доносил одновременно Кубилаю. Кубилай знал даже сны князей. Доносили на жен мужья, доносили священники на священников. Кубилай умел слушать и молчать.

Получил он сведения и о Наяне. У Кубилая под рукой всегда было войско. Псары, сокольничьи, личная охрана и бароны, одетые в ханское платье, всегда были на конях. Хан кочевал с целым войском.

Сказал себе хан, что не будет он носить венец, если не накажет изменников. Приготовлялся великий хан только десять дней. Собрал он триста шестьдесят тысяч конных и сто тысяч пеших. Войско татар сражалось умело. Пехота была вооружена длинными копьями и сражалась рядами между конницей.

Делал Кубилай удар конницей, а пехота бежала сзади. Если конница отступала, то пехота становилась на одно колено и принимала удар чужой конницы в копья, а войско Кубилая в это время стрелилось снова.

Шел Кубилай со своим войском как на прогулку, вперед послал гонцов захватить все дороги и не пропустить прохожих.

Занялась заря, и великий хан с войсками показался на холмах вокруг равнины. У войска Наяна не была выставлена даже стража.

Старый хан стал на холме. Передвижной дворец его покоился на четырех слонах.

Сидел хан Кубилай на троне, обутый в мягкие сапоги. Открыл Кубилай над своей комнатой крышу и высоко поднял знамя.

Ударили в нагары, заиграли на всех инструментах, забегали люди в лагере Наяна. Конница пошла в атаку, за каждым конным был пеший с копьем. Стрелы наполнили воздух, как наполняет воздух дождь. Стрелы, гудя, вонзались в землю, в мясо. И тут пошли в атаку слоны Кубилая.

Слонов перед этим поили вином. Слоны были покрашены зеленым и красным цветом. На клыки слонов надевали железные кольца, в них вдевали шпаги, сделанные с желобами, как штыки, длиною не более локтя. В хоботах держали слоны цепи. Вожак сидел верхом на зеленых и красных слонах, ноги вожakov приходились за ушами слона. Вожак был вооружен, слоны пьяны. Вожак ударял слонов прутом по голове так,

что делали раны. Слоны поднимались на задние ноги и шли прыжками, как медведи, при каждом прыжке нанося удар шпагами, и, подымая хобот вверх и опускавая вниз, били цепями врагов.

Если ранят слона стрелою, то становится он яростным и тогда сражается лучше, он не разбирает пути и наносит удары. День и два дня могут сражаться слоны, говорят даже, что три дня они могут сражаться, не евши.

Храбро сражался Наян, бросался он туда, где видел самые сильные схватки, и разносил людей, как мелкую скотину.

Но Кубилай охватил войско Наяна кругом; слоны ревели, наступали прыжками. Увидел Наян, что не выдержит, и побежал, но взяли его в плен и отвели к великому хану.

Хан приказал завернуть Наяна в ковер и так плотно скатать, чтобы он умер в ковре. Умертвили Наяна так потому, что не хотели пролить на землю крови Чингисова рода на виду у солнца и неба.

Марко Поло был, вероятно, при сражении и переписал народы, которые сражались вместе с Наяном. Были там люди из Кореи, из Туркестана, из южной части Маньчжурии.

Войско Наяна бежало, все князья покорились великому хану. Знамена Наяна принесли к ногам великого хана.

Но царь Кубилай запретил ссориться бородатым. Он ждал новых боев с царем Хайду.

Однако Хайду не решился выступить, узнав о поражении Наяна.

Роздал на поле Кубилай награды, выдал серебряные и золотые похвальные доски, серебряную посуду и поехал в Канбалу — отдыхать в саду, где росли деревья всего мира, около холма, покрытого зеленью.

ПОЖИЛИ У ВЕЛИКОГО ХАНА Никколо, Маффео и Марко, собрали большое богатство и стали между собой поговаривать о возвращении на родину. Видели они, что великий хан очень стар, и опасались, что после его смерти трудно им будет вернуться домой по причине долгого пути и многих опасностей.

С робостью заговорили они об этом с великим ханом. Великий хан отказывал, предлагая подарки, а на отпуск не соглашался.

Но случилось так, что вновь понадобились Кубилаю верные послы для непростого дела, и вручили господину Марко, дяде его и отцу четыре золотые дощечки; на двух — по кречету, на одной — лев, а одна простая. Написано было там, чтобы всюду трех послов почитали и служили им, как самому владетелю, давали бы лошадей, продовольствие и провожатых. Дорога предстояла им от города Канбалу до Иранской земли, а там — из Китая казалось — и Венеция лежит совсем рядом...

А дело у послов заключалось в том, чтобы привезти невест-принцесс к жениху-принцу. Одна невеста была монголка Кокачин, другая из китайской династии Сун, и ей лучше было оказаться от Китая подальше.

Вассальных земель китайских было много, очень часто было трудно определить степень подданства государства. Сам Марко Поло при обратном путешествии не всегда мог определить подданство встречных островов.

Одним из средств связи вассальных государств были браки. Император посылал дочь свою, почти всегда не родную, а приемную, к варварам, и варвар становился его родственником и вассалом.

Аргон, хан персидский, внучатый племянник Кубилая, лишился своей первой жены Булган-хатун, которая скончалась.

Он пожелал взять себе жену монгольской крови и отправил послов к великому хану.

Был произведен выбор невест, выбрали Кокачин, семнадцати лет. Послы утвердили выбор.

Тем временем вернулся Марко из долгой поездки и подал мысль везти прекрасную царевну в Персию морем. Братья уговорили послов.

«Пошли князья к великому хану и стали просить у него как милости, чтобы отослал он их домой морем да снарядил бы с ними и трех латинян. Великий хан, как я вам уже говорил, братьев очень любил; с неохотой оказал он ту милость и отпустил с князьями да с невестою трех латинян».

Путь был долог и опасен. Может быть, не купцы Поло просили о своем возвращении на родину морем, а хан отправил их этой гиблой дорогой.

Есть для такого предположения некоторые основания. Марко Поло в Китае полюбили, он становился влиятельным. Казнить его было незачем, держать уже не нужно.

Сам Марко любил хвастаться своим положением при дворе Кубилая. Оно и в Венеции увеличивало значение путешественника.

Но мы должны помнить, что тем путем, которым ехали Поло из Китая, ехать было трудно.

Воины-монголы в дороге погибли почти все.

Сватовство Аргона помогло хану избавиться от своего помощника Марко Поло наилучшим образом.

Для посольства великий хан приказал снарядить четырнадцать судов, на каждом судне было по четыремачты, и зачастую они ходили под двенадцатью парусами.

Снарядили посольство из шестисот человек проводящих.

На корабли положили продовольствия на десять лет. Корабли эти были построены из елового дерева; они однопалубные, но в них до шестидесяти кают. В тех кораблях, которые побольше, до тридцати отделений, разделенных твердыми, плотно сложенными досками. Сделано это на случай, если корабль даст течь. Такие перегородки в теперешних кораблях называются непроницаемыми. Стены кораблей двойные, доска на доске, внутри и снаружи законопачены и сколочены железными гвоздями. Корабли не осмолены, потому что смолы здесь нет. Вместо смолы смазаны суда варом, сделанным из негашеной извести, мелко накрошенной конопки и древесного масла. На судах по двести мореходов. Идут на веслах, у каждого весла четыре матроса. При кораблях есть большие лодки, на каждой лодке по сорок матросов. Кругом тех двух больших лодок есть еще маленькие лодки. Эти лодки помогают тащить на буксире большой корабль при неблагоприятном ветре. Если корабль стареет, его снова обшивают досками, и так доходит до шести рядов.

Прежде корабли строили крупнее, но море замыло при монголах гавани, гавани обмелели, и корабли измелчали. Прежде были корабли и на тысячу человек команды; их строили так: делали две деревянные стены, соединенные очень толстыми стропилами, эти стены накладывали на днище и достраивали судно в воде. Прежде на одном весле было по пятнадцати матросов, и гребцы у каждого весла стояли в два ряда лицом друг к другу; весла были снабжены канатами. Один

ряд тянет за канат в одну сторону и потом отпускает его, тогда другой ряд тянет за противоположный канат. Так гребли на этих кораблях и пели в такт: «Ля-ля-ля-ля...»

Но чаще корабли идут под парусами.

Китайские паруса сделаны из бамбуковых дощечек, вшитых в циновки. Паруса эти никогда не опускаются; они так прикреплены, что когда судно стоит на якоре, парус болтается, как флаг.

Прежде были корабли и на четыре палубы. На кораблях были специальные каюты и уборные, а в каютах ключи, чтобы мужья могли запираить своих жен во время путешествия.

На палубах для капитана в деревянных бадьях растили салат, и капитан ходил, сопровождаемый рабами, рабы охраняли его и трубили, когда он шел.

Но море занесло порты. Монголы не любили моря.

Китайские матросы повернули паруса. Ветер дохнул в них. Поплыли корабли. Китаец-купец посмотрел на чашку с водой. Стрелка, постоянно поворачивающаяся концом на север, плавала в этой чашке*. Пятнадцать разнокалиберных, много раз чиненных кораблей нестройной стайей, стараясь не загоразживать друг другу ветра, двинулись в ненадежное море.

Лодки следовали за кораблями, барки натягивали буксирные веревки, замедляя ход.

Ушел берег Китая, берег, на котором была Сунская принцесса когда-то не пленницей, берег, на котором Марко Поло прослужил семнадцать лет разведчиком, губернатором, воином и «предводителем фокусников».

Ушел берег, на котором семнадцать лет торговали крепкие старики Маффео и Никколо.

На ночь корабли остановились. В небо вышла Полярная звезда, на нее упрямо указывала стрелка на поплавке.

Жара. В небе огнистые зори и в зорях какая-то пыль, помрачающая огонь.

Метеоры пролетают за горизонт.

Черные крутящиеся столбы, как будто из дыма сделанные рукава, соединяют небо с морем.

Это проходят смерчи.

В охраняемой каюте спала китайская принцесса.

Вышли звезды в небе, яркие и крупные. Потом звезды повернулись в небе и слиняли, наступило утро, ветер спал, плетеные паруса не могли поймать его, стояла жара.

— Ля-ля-ля! — запели гребцы, и корабль пошел на веслах.

Уже через несколько дней начали болеть люди. Привычные венецианцы мало пили воды, ели лук, берегли себя.

У охраны распухли десны, татары скучали и болели.

Тысяча двести человек было на корабле при выезде, шестьсот дожило до первой большой стоянки.

Растерянной стайкой шли корабли, акулы шли за обрубленными кормами и дрались за выброшенные в море тела.

Тихо ехала в неведомую страну Кокачин. Она была только назначена в родственницы, она была принцессой для отправки.

Марко Поло не боялся, он знал путь корабля, умел ждать как путешественник. Было ему тридцать восемь лет.

Слуга Марко, татарин, которого он от скуки окрестил и назвал Петром, скучал больше других.

Кругом не было степей, и лошади на кораблях выглядели больными, как будто они тоже потеряли родину.

СТРАНА ДРАГОЦЕННЫХ ДЕРЕВЬЕВ

ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧУ ПЯТЬСОТ МИЛЬ от китайского берега лежит страна Чиамба* — так записал Марко Поло.

Страна эта платит дань великому хану слонами. Здесь уже был Марко Поло, когда возвращался из похода в 1285 году.

Леса этой страны драгоценны, много алоэ, черного дерева, из которого делают шахматы и чер-

пильницы. Больше ничего об этой стране не рассказал Марко Поло.

Натянули опять на кораблях плетеные паруса, набрали воды и поплыли дальше. Острова выплывали навстречу цветочными корзинами, острова дышали запахами, напоминающими запахи дальнего города Кинсяя. Ровный ветер, ныне называемый муссоном, дул и нес корабли. Корабли шли днем и ночью. Корабли торопились на зимнее пристанище, потому что зимою будет другой ветер и нужно тот ветер переждать.

Стороной далеко прошел остров Ява, знаменитый мускатными орехами*, калганом*, гвоздикой.

Шли острова. Люди там жили дикие, язык имели свой собственный, дани никому не платили. Кубилая они не боялись. Здесь раковины, которые в дальних областях Китая ходят как деньги, были как ничто.

И дальше выплыл остров Бинтанг. Место было диков. Деревья на этом острове все благоухали, кругом выплывали другие острова.

Море было пестрое от мелей.

Волны ломались и белели на рифах. Глубины было

два человеческих роста. Сняли руль, и лодки осторожно вели корабли на буксире.

Растерялись в островах корабли.

Море было опасно. Ночью вышел Марко Поло на палубу, посмотрел и не узнал небо. Не было в небе Полярной звезды ни высоко, ни низко — совсем не была ее. Так далеко зашел на юг корабль. Неведомые, безымянные звезды подымались в небе.

Плыли дальше. Приплыли к острову Малая Ява, который мы называем Суматрой. Здесь подоспело еще два корабля. Ветер переменился. Ветер переменился надолго, нужно было зимовать.

Пять месяцев стоял на Суматре корабль Марко Поло. Велел венецианец найти мыс, узкий и уходящий в море. Перепахал он этот мыс рвом. Перед рвом построил редут и здание из бревен. Запасся дровами, поставил караулы и прожил здесь Марко Поло пять месяцев.

Восемь царств на острове Суматра и восемь венчаных царей. Все языки незнакомые, небо тоже чужое. Деревья чужие. Водятся тут дикие слоны и единороги. Про единорогов слышали и прежде в Европе. Рисовали их на гербах; говорили, что только девственница может укротить единорога.

Поехал Марко Поло по острову, увидел единорога, которого нынче зовут носорогом. Был он огромен; посреди лба толстый черный рог, голова как у дикого кабана, и глядит он в землю, живет в толях. В гневе страшен, опрокидывает и топчет ногами человека.

Ходил на охоту Марко Поло и взял с собою однажды принцессу. Но носорог не покорился, и записал Марко Поло:

«Не похожи единороги на то, как у нас их описывают, не станут они поддаваться девственнице, вовсе они не те, что у нас о них рассказывают».

Нельзя богаче и наряднее одеть землю, чем одета она здесь.

Марко Поло, смотря здесь на леса, вспоминал сады великого хана. Трудно было поверить, что земля сама родила все это, что эти деревья не привезены сюда издалека на слонах. Пальмы, как будто по обдуманному плану, перемешаны с кустами. Листья пальмы свисают, как длинные, правильными прядями расчесанные волосы. Мутные реки текут не спеша по лужайкам, неправдоподобно зеленым. Вечером между деревьями начинают летать звезды, как будто мало звезд в небе. Если поймать эту звезду, то оказывается, что это продолговатая разноцветная муха, сверкающая ярче свечи зелено-желто-бледным огнем.

Море тоже горит и обливает весла густым золотом. Волна моря сверкает золотом, пахнет гнилью.

В лагере Марко Поло монголы бредили, умирали под чужим, незнакомым небом.

Шли дожди. Скучал Марко Поло. Ездил на охоту с черными ястребами. Пил пальмовое вино, ел кокосовые орехи. Рыба и рис на Суматре очень хороши.

Приносили в лагерь продавать чучела маленьких колтых людей. Посмотрел старый Маффео на чучела, и не удалось обмануть купца, понял он — водятся здесь очень маленькие обезьяны с человеческим лицом. Наловят их и выщиплют им волосы, оставляют только волосы на груди и на бороде, потом высушат, набивают, намазывают шафраном, и делаются они точно люди.

Скучал Марко Поло. В небе не было не только Полярной звезды, даже ковш Большой Медведицы исчез. Ездил Марко Поло по всему острову. Смотрел на камфару*, лучшую камфару в мире. Нашел такое дерево — если снять с него кору, то вся сердцевина наполнена мукой. Эту муку нужно положить в кадки и мешать воду палкой. Потом воду слить, а из муки можно делать

печенье и пирожки. Вкус муки как у ячменной, и господин Марко привез этой муки с собою в Венецию.

Ездил Марко Поло на лодках на соседние острова и заехал в такое место, где не было ни царя, ни торговли. Мужчины и женщины ходили голыми и ничем не прикрывались. Очень странно было на это смотреть. кругом стояли сандаловые деревья, и ореховые, и гвоздичные, и множество других хороших деревьев.

Люди на островах боялись кораблей иноземцев. Путешественники дожидались попутного ветра, построив из бревен крепость.

Через пять месяцев сели опять на корабли. Народу было уже совсем мало.

Перед отъездом взял Марко Поло семена от растений острова, спрятал в коробку, решил посеять у себя на дворе в Венеции.

Корабли заблудились. Белая грива волн лежала на коралловых рифах. Ночи были длинные.

Мы не знаем, что было между принцессой и Марко Поло.

Писала ли она имя спутника своего мускусом на щеке, как это рассказывается в «Тысяче и одной ночи»? Плакал ли он над нею, не смея развязать ее пояс, как плакал другой купец, Каниб-ибн-Айюб, которому случайно пришлось привести в дом наложницу халифа? Похищала ли ночь стыд, как говорили арабы? Стерег ли посол Гоус, последний посол, оставшийся на корабле, царевну, которую везли к его государю?

Они ехали под чужим небом. Корабли тихо подвигались, ветер уходил сквозь обветшалые паруса. Стояла жара.

Принцессы рассматривали гадательный альманах, который они должны были передать принцам, своим будущим супругам, и тем сделать их вассалами Кубилая.

О ЦЕЙЛОНЕ И ОБ ИНДИЙСКОМ БЕРЕГЕ

Плыли корабли, и перед капитаном стояла маленькая корабелька, и в ней плавала на лодочке легкого дерева стрелка. Изменялся курс корабля, а стрелка все показывала на север.

Острова появлялись справа и слева, но к ним корабли не приставали, потому что здесь не любили приезжих. Проходили низкие лодки с бревнами, привязанными

на выгнутых палках сбоку, чтобы волна не смогла перевернуть лодку*.

Темные голые люди с разукрашенной кожей сидели на этих лодках. Они определяли дорогу, смотря на звезды через отверстия в краях тыквы, внутри которой была налита вода. В их лодках лежали каменные топоры, мечи из тяжелого дерева; добыча после убийства этих людей была бы не велика.

Из трех послов-персов в живых остался один, из шестисот воинов-монголов, которые поехали из Китая, осталось восемнадцать. Из женщин умерла только одна. Гнилью и плесенью покрывались непрветренные товары в трюме.

Женщины натягивали паруса. Марко Поло, отец его и дядя посменно стояли у руля.

Незнакомые звезды были в небе, от Явы исчезла Полярная звезда, и не было ее до мыса Коморин*. Незнакомые рыбы выплывали из моря. Море пахло неизвестными запахами — и запахом торговли и запахом богатого города на китайском берегу.

Два года плыли корабли. Марко Поло было сорок

лет, Кокачин было девятнадцать. Они вместе держали вахту.

Марко Поло любил охоту и не знал любви, хотя видел много женщин.

Марко Поло следил за звездами, вел корабль, तोпился к дому, которого не знал, и думаю я, что пришла любовь мимо купца, как транзитный товар.

Вышел из моря большой остров, называемый Цейлон. Думали о нем, что он самый большой в мире.

Много здесь сапфиров, топазов, аметистов. Самый большой в мире рубин у здешнего царя. Хорошо было бы отнять этот рубин. Царь слаб, но есть у него наемные люди — мусульмане. Подданные у царя все голые и едят только рис.

От Цейлона поехали к северу. Вдали берег Индии — он принадлежал пяти братьям. В море есть неглубокий пролив, где ловится жемчуг с апреля до половины мая. Ловят жемчуг купцы и за это платят царю десятую долю. Еще они платят браминам *, чтобы те заколдовали акул и акулы не съели ныряльщика... Браминам дают двенадцатую долю.

Купцы нанимают людей нырять в воду. Дают людям мешочки и сетки, привязанные к телу. Люди ныряют. Один может нырнуть на глубину двух ростов, а другой — на глубину шести ростов. Нырнут и, когда больше не могут терпеть, выплывают на поверхность, потом снова опускаются на дно и так делают весь день. Ловят они жемчуг. Купцы богатые. Жемчуг потом продают в Тавриз; лучший жемчуг остается у царя.

Во всей этой стране не холодно и не жарко, поэтому и ходят все голыми. Только бедра повязывают хорошим полотном. Гол и царь. Но зато на царе ожерелье из драгоценных камней. На шее у царя шнурок из тонкого шелка, и на том шнуре сто восемь крупных и красивых жемчужин и рубинов. По этим камням молится

царь, повторяя слово «господь». На руках у царя по три золотых запястья с дорогими камнями и жемчугом, и на ногах у царя по три золотых кольца, тоже с жемчугом и камнями.

Дорогих камней вывозить оттуда нельзя — царь сам покупает; и старых, от отца оставшихся, камней не продает, а наживает новые с народа.

У царя пятьсот жен, и пятьсот первую взял он у своего брата. Брат человек умный и шуму не поднял.

Кони у царя плохие.

Когда умрет царь, то пойдут на костер с ним его слуги и его жены.

Вина здесь не пьют, и говорят, что тот, кто пьет вино или плавал по морю, тот не может быть поручителем в долгах... Люди здесь непонятные.

Удивился еще Марко Поло тому, что в Индии боги черны, а бесы белы. Про Индию писал Марко Поло иначе, чем про Китай, больше с чужих слов.

У царства Малабарского * показалась Полярная звезда, ночью стояла она над водою на два локтя *.

Корабли спешили: уже давно ободралось золото драконов, на бортах облупилась краска, покоробилась палуба, вода булькала в рассевишихся трюмах. Народу на кораблях было мало.

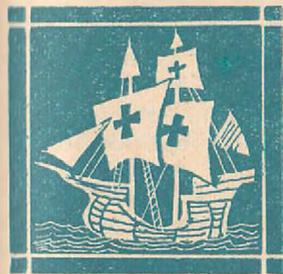
Плыли ночью. Здесь много разбойников-малайцев. Они живут в море с женами и детьми, чтобы не пропустить торговый корабль. Ставят они свои суда на расстоянии пяти миль друг от друга. И так занимают полосу в сто миль и больше. Если замечало пиратское судно купца, то подавало знак дымом — и со всех сторон начинали приближаться корабли пиратов. Грабят они начисто, но людям зла не делают. «Ступайте, — говорят они, отпуская купцов, — добывайте другое имущество, может быть, опять к нам вернетесь».

Шли дальше. Шли долго. Обошли полуостров Гозу-

рат *. «Здесь морские разбойники самые злые в свете. Делают они вот какую мерзость: как захватят купцов, так начинают поить их морскою водою с тамаридами *, с чего купцов сильно слабит и совсем опорожняет живот; а разбойники соберут испражнения да разгладывают, нет ли там жемчужин или каких дорогих камней. Они рассказывают, что когда купцы попадают в плен, то глотают жемчужины и дорогие камни, чтобы разбойники не отыскали их, и вот поэтому-то злодеи и поят купцов тем питьем, с чего у купцов делается эта хворость».

Страшны эти места. Одно утешает — Полярная звезда появилась в небе и стоит, хотя и невысоко, как бы на шесть локтей.

КОРАБЛИ ЗАБЛУДИЛИСЬ

КОРАБЛИ ЗАБЛУДИЛИСЬ. КОМПАС не помогал: капитан давно умер. Острова выплывали, и никто больше не понимал стрелку, плавающую в воде. Говорит Марко Поло, что в Индийском океане более двадцати тысяч обитаемых и необитаемых островов.

Из послов остался в живых только один.

Женщины были вызваны на палубу: не осталось больше матросов. Многие женщины не могли ходить, потому что ноги у них были маленькие, китайские. По палубе они ходили на коленях, как и сейчас иногда ходят китайки на работах в Китае.

Солнце жгло лицо. Здесь Марко Поло начал узнавать китайский язык. По-китайски говорила Кокачин, по-китайски говорила и дочь южного царя, китайка, принцесса из династии Сун, дочь короля Манги, — имени ее Марко Поло не упомянул.

Корабли заблудились и шли, держась за берега, как слепой держится за стенку. Порты были страшны. Если корабль шел в это царство, то принимали его, а если это был корабль, случайно пришедший, то его захватывали, товары все забирали и говорили: «Шел ты в другое место, да бог послал тебя ко мне, потому-то и беру все твое».

Лучше было не приставать к берегу, отстаиваться на мелях, на больших деревянных якорях.

Корабль шел, глубоко погруженный в воду. Давно отстали и погибли конвойные корабли.

Черви проточили дно через много рядов досок.

Шли дальше.

Держались к морю, чтобы избежать встреч. Бергом идти опасно — вдоль берега идут корабли из Аравии. Они маленькие, намазаны рыбьим жиром.

Шли дальше от берега. И приплыли к большому острову, самому большому, какой только видал Марко Поло. Был то не остров, а берег — Занзибар*.

Я смотрел на карту морских течений и, кажется, понял, почему попал Марко Поло на занзибарский берег.

Корабль, идущий почти без экипажа, увлечен был экваториальным течением. А может быть, хотя Занзибар и стоял в стороне от дороги на Аравию, Марко Поло торопился и сам в сторону Полярной звезды, которая стояла на его пути как знак господина, ждущего свой товар — невесту.

Но Кокачин не торопилась, не торопилась и сунская принцесса. В дороге было интересно. Они видели мир, охрана гарема умерла. Не торопились старые купцы. Везде берега, на берегах товары. Земля велика и, может быть, как они говорили по ночам, даже кругла.

«Занзибар — большой и славный остров; в округе добрых две тысячи миль. Живут тут идолопоклонники; у них и свой царь и особенный язык; дани никому не платят. Люди тут и велики и толсты; не так они высоки, как толсты; толсты и жирны так, что кажутся великанами; очень они сильны — поднимает один, что четверем только стащить, да и не удивительно: ест он за пятерых. Они совсем черны, ходят нагишом, прикрывают только срамоту. Волосы у них курчавые, еле-еле вода их расправляет, рты у них большие, носы приплюснутые, губы толстые, глаза большие; как повстречаешь такого в другой стране, так за черта сочтешь. Слонов тут плодится много, и слоновыми зубами торгуют они шибко. Есть у них совсем особенные львы».

Львами Марко Поло называет во всей своей книге

тигров и рассказывает про львов на Памире, в Персии и в Тибете. В Занзибаре он увидел в первый раз настоящих львов. Они-то и показались ему львами особенными. Увидел здесь Марко Поло изумительного зверя и описал его подробно, ничего не убавив и не прибавив:

«Водится тут много жирафов; красивы они с виду, вот они какие: тело, знайте, коротенькое и сзади приземистое, потому что задние ноги коротенькие, а передние ноги и шея длинные. А голова от земли высоко, шага на три; голова маленькая; вреда никому не делают; масть рыжая с белыми полосками. С виду очень красивы».

Купцы Поло, Никколо и Маффео, увидели жирафа во второй раз; первый раз они видели этого зверя на Волге, у хана Берке. Там это было диво — подарок из Египта.

«Здешние женщины с виду очень безобразны: рты большие и глаза тоже, а носы толстые; груди у них в четыре раза толще, нежели у других женщин. Питаются они рисом да мясом с молоком и финиками. Виноградного вина у них нет; делают они вино из риса с пряностями: питье хорошее.

Торговля здесь большая; купцов приходит сюда много; свои товары распродают на острове, а с собою увозят множество слоновых зубов, их тут много».

С Занзибара повернули домой, на звезду. Было уже пора: старики заскучали.

Ехали широким морем и попали на остров Сокотра*. Остров этот лежит перед Аравией. Гоус, посол, уже торопил. Три года ехали — государь мог и рассердиться. Нужно было спешить домой.

Остров Сокотра лежит на пути кораблей, которые идут в Черное море и в Персидский залив. От острова близко к аденскому султану и к земле Сомали. Абиссиния недалеко от острова. По такому расположению

остров очень удобен для пристанища кораблям, которые идут в Индию, Мадагаскар и во всю Счастливую Аравию*.

Здесь торгуют алоэ, ладаном, рисом, краской. Алоэ зашивают сырым в козлиную шкуру и так отправляют.

Здесьние места — места выгодные. Рыба солена дешева. Живут здесь христиане-несториане, подчиняются епископу, живущему за Багдадом, в Моссуле, и ходят голые, как язычники.

Главные продавцы здесь — разбойники. После набегов становятся они станом и распродают награбленное. Жители покупают охотно, говорят, что награбленный товар не у христиан, а у магометан и у язычников. Рассказывают об этих жителях, что умеют они приколдовывать бурю, для того чтобы корабли разбивало об их остров.

Торговлей и кораблекрушениями разбогател остров Сокотра. Водятся вокруг острова большеголовые киты, называемые кашалотами. У этих китов во внутренностях есть камни, которые употребляются во все благовония. Камни зовутся амбра.

«Так как это дорогой товар, то жители идут ловить китов с зубчатыми железными дротиками, от которых кит, когда они вонзятся в него, не может долго освободиться. К дротику привязана очень длинная веревка с бочонком, плывущим на поверхности моря; благодаря этому они знают, где найти кита, когда он околеет. Его притягивают к берегу, где из его желудка вынимают амбру, а из головы — достаточное количество бочек жиру».

С китоловами встретились уже на пути в Ормуз. Пристали, бросили деревянный якорь.

Китайский высокий корабль стоял среди беспалубных арабских, мочалом сшитых ладей, как гусь среди уток. Перс-посол вылез из каюты, стал важным, начал покри-

кивать. В лодку его снесли на руках. На берегу он сел и ждал, пока ему приведут лошадь.

Вечером вернулся посол совсем не важный и похудел даже. Сперва молчал испуганно, а потом рассказал старым купцам, с которыми водил дружбу, о больших и неприятных событиях.

АРГОН БЫЛ ПРИНЦ МУЖЕСТВЕННЫЙ и красивый. К нему-то и везли монгольскую принцессу. Везли ее к нему потому, что первая жена Аргона, как вам уже известно, умерла.

Воевал Аргон с братом царя Хайду, Бораком *, и победил его. Во время боев умер отец Аргона. Собрал Аргон войско и пошел быстрыми переходами до-

бывать себе престол. У Абаги * был брат, которого Марко Поло называет Акамат-Салдан, а настоящее имя его Тагудар-Ахмед *.

Тагудару было ближе до царского двора, чем Аргону, и он пришел раньше.

Тагудар был мудр. Он первым пришел ко двору и роздал богатства войскам. В одну неделю собрал он конную рать и вышел против Аргона.

Аргон побежал и заперся в крепости, из крепости его взяли живьем. Тут дядя поторопился, оставил Аргона в цепях, а сам поехал домой, во дворец, где было много красивых женщин, а по двору тянулся зелеными аллеями виноград, цвели розы, и лебеди утром кричали в фарфоровых водоемах.

Аргон сидел в цепях. У врага его были в подчинении военачальники, которые сами имели свои войска. Были тут Буга, Елчидай, Тоган, Тагана, Тара, Таир, Улатай и Самагар.

Эти люди сговорились, освободили Аргона, окружили наместника Тагудара и забросали его стрелами, а сами пошли брать Тагудара в плен.

Тагудар-Ахмед побежал спасаться. Бежал он быстрыми переходами. Дорога шла через заставу Дербентскую; здесь взяли его в плен начальники прохода, положили в седло и скакали, останавливаясь только для смены лошадей. Прискакали военачальники к Аргону и бросили Тагудара-Ахмеда к ногам Аргона, на кожаный коврик, который звали «ковриком крови». Но крови пролито не было.

Сказал Аргон:

— Поступлю я с тобою так, как следует по разуму.

Велел он переломать дяде своему спинной хребет и выбросить его так, чтобы его больше и не видели.

Тут сел на престол Аргон, и все пришли ему поклониться как государю. Аргон послал сына своего Казана сторожить границу и смотреть, чтобы не переходили враги через Аму-Дарью.

Вскоре Аргон заболел. Напоили его питьем, и от того питья он умер. Говорили, что это его отравила жена.

Умер Аргон, и дядя его Гай-Хату овладел царством, а Казан остался его вассалом на границе.

Гай-Хату правил и вызывал к себе Казана, а тот не ехал.

Вот и не знал посол, куда девать принцессу и куда самому деваться, не знал даже, кому поклониться.

ГАЙ-ХАТУ, КОТОРОГО МАРКО Поло называет Киакату, был государь умный. Жен у него было много, и сказал он через гонца: «Везите принцессу к Казану».

Поехали купцы и посол Гоус с охраной в двести человек.

Меньше нельзя было взять, потому что вся страна воевала.

Ехали горами, пили горькую воду.

Принцесса Кокачин и подруга ее,

принцесса Сунская, обе молчали. Говорить им было уже поздно, потому что не было обычной разговаривать женщинам на персидской земле. Приехали послы к Казану.

Во время пути услышали Никколо Поло, Маффео и Марко, что умер хан Кубилай.

Значит, в Китай пути уже не было. Отдали принцесс Казану. При разлуке Кокачин горько плакала.

Остались принцессы одни.

Что же касается Казана, то он был счастлив. Собрал он войско, вышел, сразился, разбил врага, умертвил его, и произошло это сейчас же после прихода послов. Таких уж были купцы Поло люди — шли они всегда впереди войны.

Так шли они и сейчас, задержались в Тавризе, торговали здесь жемчугом и между делом посылали вести Казану.

Почти четверть века прошло со времени отъезда купцов из Венеции.

Обменяли купцы Поло все товары на драгоценные камни.

Кругом кипела война. Охраны взять было не у кого. Сели купцы в одежде нищих на ослов и пошли в хвосте каравана. Шли верблюды, связанные волосяными веревками, шли и кричали. Кричали ослы, раздражая купеческое ухо. Нужно было упереться ослам ногою в зад и потянуть за хвост с силой — тогда ослы замолкали.

Ехали от Тавриза, оставив за собою море, которое называлось Шелковым, а мы называем Каспийским, то есть морем дверей.

Ехали, обходя места, где кипела война. В городе Тифлисе мылись в бане с горячей проточной водой, охраняя по очереди свои одежды. Ходили по каменному полу бани в деревянных сандалиях, сводили волосы с тела жгучей землею... Грузины красивы, волосы стригли коротко, хорошо стреляли, хорошо сражались и все же платили дань татарам. Только в дальних ущельях отсиживались независимые племена.

На грузинской границе видали источник подземного масла, оно горело, но есть его было нельзя. Во всей стране жгли только это масло*.

Отсюда шли узкими ущельями, платили за пропуск рубашками: рубашки эти разрывали на столько частей, сколько воинов было у горного владельца. Переходили перевалы, шли в буковых лесах; деревья, все в желто-серых прядях мха, стояли на скалах так круто, как круто сидит всадник в седле, когда спускается с горы.

Дороги шли в узких траншеях, изгибаясь и ломаясь поминутно. Ноги всадников задевали за края траншей.

Кипели реки, в реках плыли мохнатые от ударов о камни тяжелые бревна. Вывозили отсюда дерево. Буком и драгоценным самшитом славилась страна.

Вышли к морю у Трапезунда трое венецианцев: два старика да Марко Поло, которого здесь никто не называл господином.

У города Трапезунда долго торговались и плакали,

сговариваясь с капитаном о месте на палубе. У корабля парус был полотняный, давно не виданный. Корабль пах смолою, а не рыбьим жиром.

Округлился парус, поплыли серые обрывы Кавказского берега; белые горы виднелись вдали. Море кипело и крутилось. Ехали долго, потом прошли мимо Константинополя; здесь не сошли на берег — стороною уже знали от матросов, что всем морем владеют генуэзцы. Проплыли мимо города, посмотрели на Пёру, искали глазами лазоревый флаг — не видно! Плыли мимо белокаменных греческих островов.

В небе ночью знакомые звезды. Полярная звезда на своем месте, высоко.

Прямо из моря выплыла Венеция. Как она изменилась!

Лазоревое море одно осталось того же цвета, а город стоит каменный. Двадцать четыре года прошло, как покинул родину Марко. Был уже 1295 год.

Спустились с корабля купцы Поло. Мраморные желтоватые мосты скользки. Говорили потом в Венеции, что нужно здесь бояться трех вещей — скользких каменных ступеней, попов и распутниц.

От моря ноги были слабы. Но вот он, остров Риальто, причаленный к другим островам многими мостами. Вот знакомый деревянный дом.

Крыша поросла мхом.

Постучались трое путников в двери.

В доме не изменилось ничего. Слуга был стар. Посмотрел долгим взглядом на нищих. Старший нищий ногой подтянул на прежнее место деревянный стул, сел.

Слуга заплакал.

— Входите, господа, судьба была неблагоприятна к вам, но дом наш сохранен.

Из дальних комнат пришли какие-то родственницы. Дом был стар, из канала пахло сыростью.

КРАСНЫЕ ПОЛУСАПОЖКИ И КОЛЬЦО

ТОГО, КТО ЕЗДИЛ ДАЛЕКО И рассказывает удивительные, другим неизвестные вещи, считают лжецом.

Того, кто далеко ездил и долго не возвращался, считают мертвым.

За долгое отсутствие купцов Поло изменилось в Венеции очень многое. Около собора св. Марка выше поднялась колокольня с

пологим входом внутри, заменяющим лестницу. С колокольни, окруженной строительными лесами, видел Марко Поло весь город — новые каменные дома, хвостливые башни, деревянные, крытые соломой дома купцов, за ними лагуны, отмели, крепостницы и острова — подданные Венеции, а дальше горы.

Две большие водяные подковы охватывают острова. Сонные черные гондолы плывут в строе домов. Каналы похожи на промежутки между кораблями, стоящими в гавани.

Площадь св. Марка тесна. На площади собор св. Марка, у собора два гранитных столба. На одном медный крылатый лев, на другом — статуя св. Федора, старинного покровителя города Венеции. Федор был патроном города, когда Венеция считалась вассалом Византии. Марк и его крылатый лев обозначают независимость. Между медным львом и медным Федором расстояние в несколько шагов.

В Венеции разрешено играть на этом пространстве в кости и в другие во всех других местах запрещенные игры.

Это место вольности.

На площади великое стечение народа и чрезвычайная нечистота. Люди всех земель, всех языков снуют здесь, стараясь не наступить на ветошь лоскутников, продающих куски потертой ткани из любой страны света, на связки сушеной рыбы, на горы зеленого лука и чеснока. Люди всех наций, в разнообразнейших костюмах, черные, рыжие, беловолосые, испражняются по четырем углам площади, посредине, около вольных столбов и даже на лестнице дождей. Здесь нет камня, к которому можно было бы прикоснуться хотя бы ногой без отвращения.

Эта площадь — не площадь, что палуба; под ней можно проехать на лодке, потому что стоит она на сваях.

Дождь Венеции называется «владыка четверти и половины Римской империи».

Титул дождя с запросом, титул торгуется.

Дождь еще носит красные полусапожки, такие же, какие носили византийские императоры. Но о том, чтобы перенести столицу в Константинополь, как мечтали семьдесят лет назад, в Венеции больше не говорят.

Раз в год, поздней весной, выезжает в море парадная плоскодонная галера, называемая «Буцентавр». Судно это тяжелое, могущее легко опрокинуться; нагружено оно высоким почетным треном; на троне сидит дождь, по сторонам послы и купцы, на корабле сто флагов. Епископ выходит с крестом и читает по требнику чиновное положение брака*.

Все снимают шапки. Судно плывет медленно, и дождь бросает в воду кольцо со словами:

— Мы на тебе женимся в знак истинной и вечной власти, которую над тобою имеем.

Море пока покорно, но путь в мир идет мимо венецианских островов, мимо островов, полученных за дол-

ги от грехов, путь идет через морскую реку Босфор, через круглое Черное море. Эта вода и есть то море, которое должно быть верно дождю.

Но море изменяет Венеции с Генуей, с пизанцами.

Марко Поло помнит другое море, с другими звездами. То море ночью светится. В том море растут кораллы, в том море острова покрыты драгоценными дёревьями. То море пахнет благовониями. То море любимо, неверно и неискренне, и к нему не вернуться.

Марко Поло скучно. Никто не заговаривает с ним.

Дядя и отец волнуются. Никто не приглашает их в гости. Дом стоит как зачумленный.

НИККОЛО И МАФФЕО СТАРШЕ

Марко, они выросли в этом городе, их не удивляло, что в нем не хватает воды для мытья. Запах каналов был им приятен. Одно неприятно — мало почета.

В темных залах дома Поло холодно.

Братья перебирали вещи, говорили между собою по-китайски, по-татарски, окликали слуг короткими

индусскими словами и разговаривали между собой по-итальянски тогда, когда хотели, чтобы слуги их не поняли. С родственниками по ошибке заговаривали по-арабски. Грелись вечером у каминов, расточая дорогие дрова. Об этом в дальних комнатах шептались родственники — шептались и не подходили к камину.

Марко Поло не хватало места у огня. Отец не называл его здесь господином.

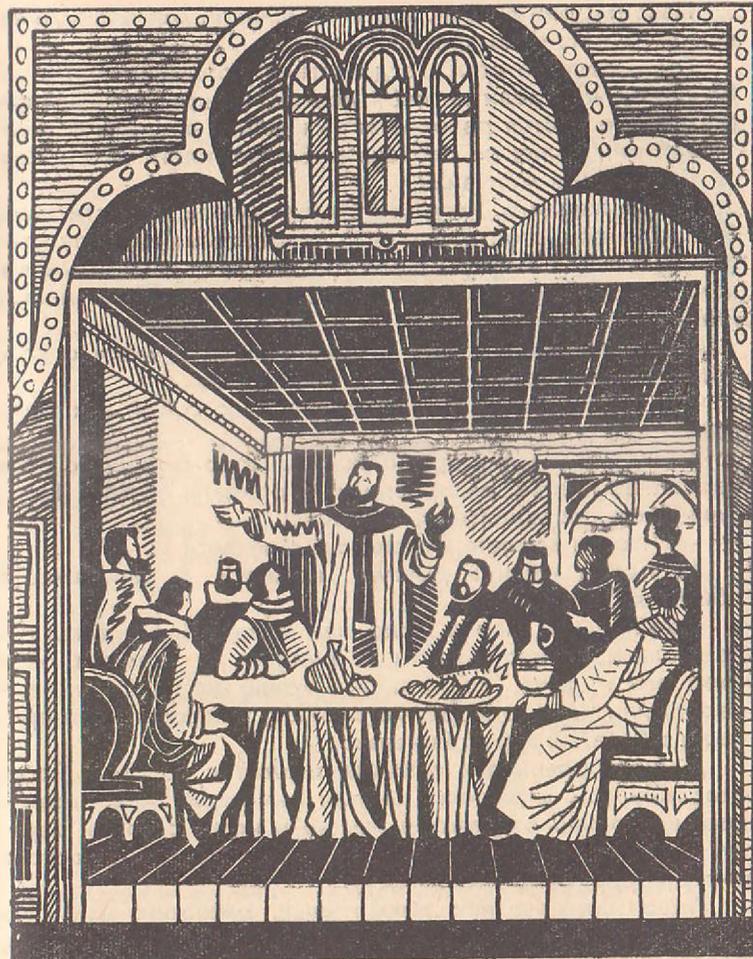
Шли сборы к большому вечеру. В Венеции это редкость — там люди не любят кормить даром.

Пошел слух, что будет ужин в доме Поло. Хозяева покажут вещи с Востока и расскажут о новых путях, о том, как можно обойти в дороге военную опасность и владельцев замков — грабителей.

Если люди, приехавшие под именем Поло, и обманщики, то все же послушать о Востоке интересно.

Зал осветили восковыми свечами, стол покрыли скатертью. Перед обедом всем была подана душистая вода для омовения рук. В камине горела корица, огонь камина пожрал уже целое небольшое состояние.

Дом был переполнен, а хозяева еще не появлялись.

Наконец они вышли, все трое вместе, одетые в длинные платья из ярко-красного атласа.

Гости сели за стол. Тогда встали Поло, скинули с себя платья и надели на себя другие, из красного штофа, а атласные платья разорвали на куски и роздали слугам.

Так они рвали на Кавказе рубашки, платя за проход.

Гости ели в молчании.

После жаркого, когда гости уже поели, и кости были брошены под стол в корзины, и тростник на полу стал грязен, братья Поло, мрачно посмотрев на залитые вином скатерти, разорвали, сняв с себя, штофные платья и надели бархатные.

Гости ели молча, без восклицаний, и думали о том, осталось ли еще что-нибудь в этом доме.

Что за странные обычаи привезли с собой эти загорелые люди!

Между тем ужин продолжался. Поло скинули с себя бархатные платья, разорвали их и роздали слугам. Тогда один гость, не выдержав, закричал:

— Что вы делаете, Никколо и Маффео?

Те молча ушли в другую комнату и вернулись в обычных одеждах.

Потом встал Марко Поло, как младший. Он ушел из-за стола и принес в руках те рубища, в которых он и отец его и дядя его прошли Грузию до Трапезунда и переплыли Черное море. Те рубища, в которых они были в богатый город Венецию.

Марко бросил эти грязные лохмотья на стол. Гости отодвинулись, отряхивая платье: они знали, что насекомые не только отвратительны, но и несут с собой заразу; они знали, что даже самая тонкая шерсть с Востока иногда привозит с собою чуму.

Поло нагнулся над лохмотьями, распорол их, и из грязных тряпок посыпались сапфиры, смарагды, алмазы, рубины.

Камни были крупны. Глаза купцов сразу это увидели. Шепот поднялся в зале.

Груда камней в беспорядке лежала среди лохмотьев.

А братья Поло стояли молча, и только губы у них дрожали.

Гости разошлись поздно. Слуги провожали их со свечами, а не с факелами. Гости слезали с домашней пристани, обратившись лицом к дому и спиной к гондоле. Здесь так делали все, и это казалось смешным Петру-татарину, рабу Поло. В Китае — край лодки и пристань рядом, и в лодку ступаешь спокойно.

Гости ушли.

Старик Никколо ходил по комнате в драгоценном халате, ругая гостей.

— Вот что, — сказал он, обратившись к Марко, — вот что, милый, я запустил твое воспитание. Был у нас в Венеции случай, что избрали дожем человека, у которого был еще жив отец. И отцу приходилось снимать перед сыном шляпу. И придумал он ходить и ездить по городу всегда с открытой головой. Китайцы — желтый народ, но у них хороший обычай: почтение к старшим. Это татары избаловали тебя, называя господином. И не рассказывай, сын мой, другим людям о чужих странах невероятное, чтобы не прослыть лжецом.

— Меня спрашивают — я отвечаю, — сказал Марко.

— И меня спрашивают, — сказал отец, — и я отвечаю и не лгу. Но отвечаю по-татарски, для того чтобы правду мою не приняли за ложь.

Старый купец выпил еще вина и продолжал совсем добродушно:

— Сделай милость, снимай шляпу, когда ты со мной говоришь. Я пойду спать сейчас, а ты посмотри, как уберут комнаты.

БИТВА У ОСТРОВА КУРЦОЛА

ГАЛЕРОЙ НАЗЫВАЛИ В СЕРЕДИНЕ века большое гребное судно с одним рядом весел. Кроме весел, галеры имели и треугольный паруса, но в сражения вступали под веслами. Длина обыкновенной галеры была пятьдесят метров, ширина — шесть метров. На каждое весло сажали пять гребцов. Экипаж галеры доходил иногда до пятисот человек.

Для того чтобы приучить к галере, в городе Венеции часто устраивали гребные состязания. В гребных гонках принимали участие и женщины. Для того чтобы научиться грести на галере, нужно не менее трех лет; это дело трудное, и впоследствии стало оно синонимом каторжной работы.

Веслами галер управляли так. Шкипер стоял с двумя молотками в руках и бил молотками в диски, повешенные с левой и с правой стороны. Один диск давал звонкий звук, второй — глухой. В такт ударов правого диска гребли гребцы правой стороны, гребцы левой стороны слушали такт левого диска. Изменяя работу левого и правого борта всей галеры, управляли ходом судна, помогая рулю.

В России галеры называли впоследствии галейми и каторгами.

Кроме команд гребцов, были на галерах команды арбалетчиков. Упражнялись в этих занятиях с пятнадцати до тридцати пяти лет. Арбалетчики отправлялись на занятия с площади св. Марка к церкви св. Николая на Лидо, то есть на морской берег. Команды были в де-

сять и двенадцать человек и так и назывались дюжинами. Состязались дюжины между собою ожесточенно; за арбалетным делом следил совет. Первый приз состоял из нескольких кошельков золота и дорогого арбалета. Приходилось непрестанно упражнять людей в военном искусстве: море изменяло, за море нужно было бороться.

Генуэзцы теснили венецианцев на торговых путях. К генуэзцам переходили фактории на южном берегу Крыма. Они захватили устье Дона, и теперь от них, а не из Венеции шла лучшая в мире зернистая икра. Зернистая икра с лимонным соком считалась драгоценным кушаньем, восстанавливающим силы мужчин, и ценилась очень дорого.

В Каспийском море генуэзцы захватили торговлю шелком. В самом Константинополе генуэзцы восстановили власть императора византийского, и теперь он был на их стороне.

Они держали Венецию за горло в Дарданеллах.

В начале сентября 1298 года — вскоре после того, как на площади св. Марка отпраздновали Геркулесовы упражнения* и ремесленники построили пирамиды в четыре этажа, хвалясь своей силой, а в конце праздника, выпив вина, бойцы восточного берега канала дрались с бойцами западного на мосту, — в эти осенние теплые дни большой флот генуэзцев вышел в Адриатическое море. Шли они правым берегом. Удар их направлялся на Далматинский берег, подвластный венецианцам. Венецианцы на девяноста галерах вышли навстречу врагам. Они должны были истребить генуэзский флот, дать путь торговым галерам, скопившимся в Венецианской гавани.

Седьмого сентября была большая буря. Буря разбросала галеры. Спустили паруса. Гребцы гребли с трудом,

море качало, палубы галеры намокали, гремели диски, рычали весла в круглых уключинах.

Гребцы пели: «Ля-ля-ля!»

Так научил их капитан Марко Поло, человек довольно замечательный, известный теперь многим во всей Италии, но, впрочем, прозванный в насмешку «господином Миллионом» *. Он рассказывал в Венеции все время о великом хане, о леопардах и о бумажных деньгах.

Капитан галеры — сопрокомит Марко Поло (это был его сегодняшней чин) управлял неплохо. Путь по Адриатическому морю был не страшен для человека, который на веслах прошел из Китая в Аравию.

К утру ветер спал, небо очистилось. Потом снова дохнул ветер. Подняли паруса. Гребцы втянули весла, чтобы они не мешали ходу. До самого горизонта были видны серо-белые полотнища, и даже из-за края воды торчало чье-то белое крыло. Ветер круглил паруса, галеры шли, имея с левой руки далеко берег Далмации — берег, поросший добротным корабельным лесом. Небо было чисто, вставало солнце. И прямо от солнца вышли генуэзские галеры.

Нужно было быстро спускать паруса, выбрасывать весла. Солнце слепило.

Генуэзцы шли быстро на веслах, и весла их рвали воду. Сошлись на выстрел из лука. Началось сражение.

Венецианские галеры вытягивались полукругом; сзади их был остров Лиса, слева был остров Курцола. Если занять проходы между островами, можно взять генуэзцев в мешок и сжечь их галеры.

Сошлись близко. Сцепились галера с галерой. Рубились, бросив весла. В самый разгар сражения незамеченными, как будто вынырнув из воды, подошли двадцать галер генуэзцев. Ночью буря отбросила их в сторону, они стояли за островом Лагоста и сейчас явились некстати.

Венецианцы повернули свои галеры, хотели отступить, но ветер был теперь против них. Ветер дул в нос, в грудь галеры, генуэзцы нагоняли. Знаменитые генуэзские арбалетчики завершили победу.

В этот день генуэзцы взяли в плен семь тысяч моряков Венеции. Предводитель венецианской флотилии бросился с мачты на палубу своей галеры и разбился насмерть. Марко Поло был взят в плен живым во время сражения.

МОДЕЛЬ АДА

В ГЕНУЕ ВОСЕМНАДЦАТЬ тысяч знатнейших граждан ежедневно носили шелковые платья, и восемь тысяч одетых просто ежедневно ткали этот шелк и бархат.

Остальные шестьдесят тысяч генуэзцев ни шелка, ни бархата даже и в руках не держали. В Генуе большие верфи и сланные арсеналы. В Генуе глубокие

тюрьмы, и в тюрьмах — одних венецианцев пять тысяч.

Генуя построена на склоне горы. Она возвышалась амфитеатром вокруг порта, который тоже идет полукругом, как кусок арены цирка. Эта арена имела две тысячи метров в поперечнике. Городские стены длиной в двадцать километров окружали город. Улицы Генуи неровные и горбатые. Дома на улицах мраморные, потому что отсюда недалеко знаменитые ломки лучшего в мире мрамора.

Впрочем, у генуэзцев был обычай красить каменные свои дома в зеленый и красный цвета, потому что им мрамор надоел.

Страну, подвластную Генуе, составлял только берег в длину пятьсот километров, а в ширину — от моря до гор.

Эту территорию свою называли генуэзцы «Генуэзской рекой».

Так землю называли они водяным именем.

Покровителем Генуи считали святого Георгия. Дворец его имени построен под влиянием архитектуры арабов, но на тонких колоннах сверху лежала тяжелая стена

с двумя рядами больших окон. Это был и дворец и крепость. Под дворцом — мраморные своды подвалов, под сводами сидели враги республики. С 1284 года сидели здесь пленные пизанцы.

Пиза — город, расположенный совсем недалеко от Генуи, город-соперник. Из Пизы недалеко было женщинам ходить в Геную; мимо ломки каррарского мрамора проходили они, шли плакать о муже, предлагать выкуп, передавать пищу.

Свет в подземные тюрьмы заходит редко, уходит быстро. Пятно высокого окна совершает короткий путь по стене.

Немного позже рыжебородый флорентинец Данте в поэме своей описал ад.

Ад Данте построен был как амфитеатр и сходиллся кругами все ниже и ниже. Ад Данте был переполнен итальянцами. Кроме итальянцев, в этом аду было еще немного древних римлян. Остальным народам не хватало места.

Этот ад представлял собою модель спорящей Италии. Города сидели там по кругам; горожане спорили друг с другом и в вечной мгле показывали перед глазами друг другу фигу. Любовные дела ближайшего десятилетия, обиды, споры с ростовщиками заполняли ад Данте сверху до дна.

Ад Данте был похож на тюрьму в Генуе.

Пизанцы сидели вместе с венецианцами.

Были еще здесь люди из Пармы, люди Тосканы, люди Равенны.

Тюрьма говорила на разных языках; тюрьма спорила, чесалась, ругалась с тюремщиками, ждала утром солнца, вечером сна, умирала в цепях.

Разговор между заключенными давно исчерпан, давно переговорили о проигранных битвах, о плохом хлебе, о соленой воде. Ругались между собой по-итальянски,

а общим языком был французский — язык двора и купечества.

Одним из старейших обитателей тюрьмы был пизанец Рустичиано. Взят он был в плен в морском сражении при Мелории. Это был человек, видевший весь небольшой европейский мир. Жил он в Сицилии, славился тем, что перелагал, сокращал и обогащал любовными рассказами старые романы о рыцарях Круглого стола.

Рустичиано писал романы, герои которых странствовали, поражали великанов, изменяли. Женщины в этих романах были прекрасны и могучи и побеждали мужчин в бою.

Пизанцы и венецианцы не были связаны даже в тюрьмах дружбой или приязнью. Старая вражда шла с моря. В 1098 году венецианский флот и флот пизанский плыли к Палестине. У острова Родоса флоты встретились. Произошел небольшой религиозный диспут о мощах угодника Николая. В результате пизанский флот был потоплен, а венецианцы пошли дальше, ограбили Смирну *, взяли Яффу * и начали блестящую карьеру купеческой республики, владелицы берегов и островов.

Плен Рустичиано был безнадежен: в городе Пизе сменились власти, и некому было даже предложить выкуп за пленника. Пиза была уже разбита. Флот Генуи поднялся по реке Арно до самого города. Пиза наклонилась так, как наклонилась ее знаменитая башня.

Флорентинцы, граждане города Лукки, венецианцы, корсиканцы, сидя на сыром полу тюрьмы, спорили тогда, когда не спали.

Все люди в этой тюрьме были итальянцами. Но нации итальянцев еще не было, ссоры были все местные. Истории, которые рассказывали друг другу, были истории о венецианских, генуэзских, пизанских купцах.

Один лишь капитан Марко Поло рассказывал о дру-

гом. Он рассказывал о дальнем Китае, о мирских женах Кинсая, о странных обычаях Тибета, о войнах монголов и больше всего о торговых путях.

Люди, которые сидели теперь в тюрьме, воевали и сражались за дорогу по морю. Люди, которые здесь сидели, жили и умирали за порты, за корабли, за торговлю.

Времени было слишком много. Мучения тюрьмы были однообразны, как мучения ада. Время было почти нераздельно.

Марко Поло слушали, он рассказывал изо дня в день. Молчал, когда не верили и смеялись, и снова рассказывал.

В тюрьме были люди, знавшие и Черное и Шелковое море, которое мы сейчас зовем Каспийским; там были люди, жившие в Армении.

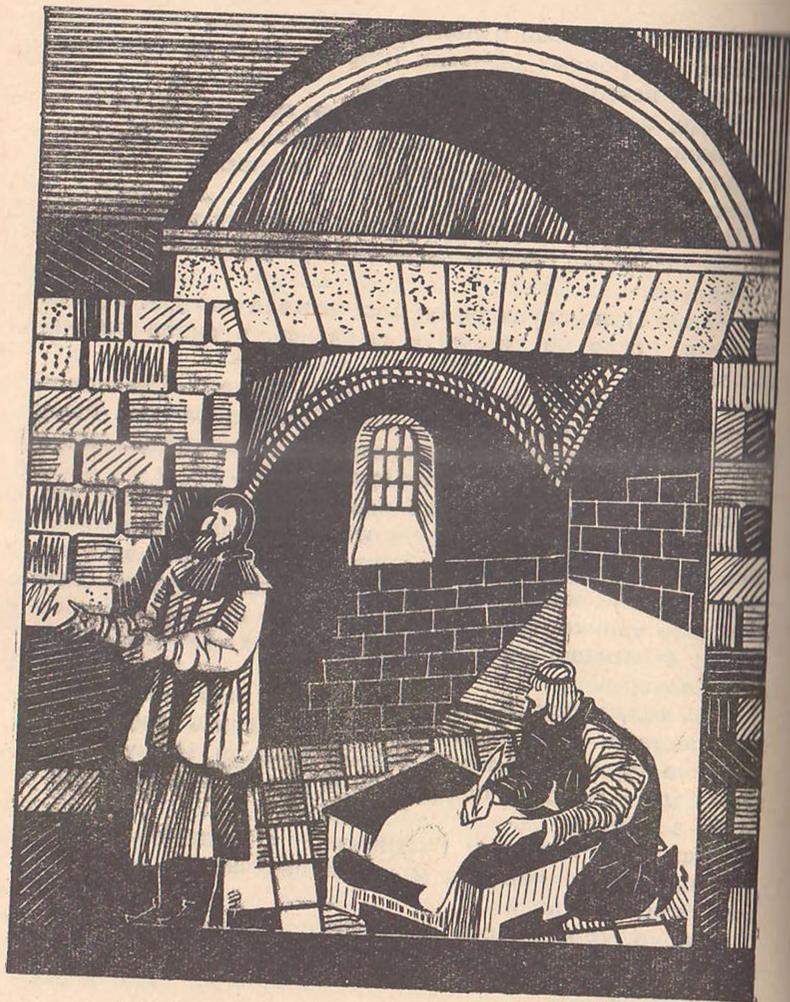
Оказывалось, что Марко Поло не лгал.

Было очень скучно. Рустичиано сидел уже много лет, он потерял сперва надежду, потом потерял уже и отчаяние. Он был в плену двенадцать лет, и все романы, все чудесные рассказы о чудесных кольцах, которые освобождали узника из тюрьмы, делая его невидимым, рассказы о волшебниках, летучих конях — все было исчерпано.

Романы, которые знал Рустичиано, включали в себя путешествия: в романы всегда вставлялись поездки на далекие турниры. Правда, ездили рыцари, но купцы тоже везли с собой в походы мечи, привязывая меч не к боку, а к седлу.

Однажды господин Рустичиано с большим трудом достал бумагу, чернила и начал записывать, что говорил капитан Поло.

Марко Поло сперва рассказал, чтобы не спутаться, все вкратце. Рустичиано приписал к этому конспекту вступление.

Писал Рустичиано маленькими главами — сколько можно записать за один день.

Марко Поло был упрям, диктовал свое, шел по торговым путям, заставлял записывать то, что он знал. Говорил всегда, кто чем торгует и сколько дней пути.

Обрывки рассказов из тюрьмы пересказывались тюремщиками дома. Начали говорить на базаре о дальней Суматре, о змее с ногами. Большие господа спустились в тюрьму — послушать желтолицего, длиннорободого, связно рассказывающего венецианца.

Оказалось, что венецианец как будто не врет. Он рассказывал о разнообразии мира и его товаров. Ему стали в тюрьму приносить образцы перца и драгоценную смолу — он узнавал товар, говорил его точную цену и где его лучше покупать.

Время шло — по главе в день, и глав были сотни.

Война прекратилась.

Господин Рустичиано вышел из тюрьмы вместе с немногими пизанцами...

В тюрьму пришли другие люди, с другими наречиями.

Книга еще не кончилась, и господина Рустичиано задержали. Он жил под легкой охраной и кончал книгу.

Марко Поло сердился на то, что Рустичиано в конце книги забросил географию, однообразно писал о сражениях, повторяя куски рыцарских романов, и привычно рассказывал о прекрасных девушках, одетых в желтые платья, которые в единоборстве побеждали сильных мужчин.

Романы шли тогда по всему миру. Арабы писали рыцарские романы. Романы писали в Персии. Эти изумительные рассказы были однообразны.

Марко Поло сердился. Он заставлял Рустичиано записывать о Полярной звезде, о проходах через скалы. Он добивался от веселого пизанца, чтобы тот точнее

записывал татарские имена, даже начал учиться писать сам и научился подписывать свое имя по-латыни.

Была еще и другая забота: нужно было не выдать ближайших путей генуэзцам. И чем ближе к знакомым местам подходил рассказ, тем больше путал Марко Поло, тем больше он пропускал названий и даже разрешил Рустичиано превращать свое правдивое путешествие в роман.

Марко Поло уважали, он был трофеем республики. Генуе казалось, что вместе с Марко Поло она захватила часть славы самого Кубилая.

Наконец Марко Поло разрешено было вернуться в Венецию, из которой он давно не получал вестей.

Когда читаешь книгу Марко Поло, то видишь, что она уже не вернулась к нему после написания. Эта книга без авторской правки.

Марко Поло уехал, оставив, вероятно, книгу в Генуе. Книга пришла к нему слухами. До ученых книга Марко Поло не дошла.

Марко Поло сообщал ученым не то, что они хотели знать.

Марко Поло хотел создать книгу для купцов.

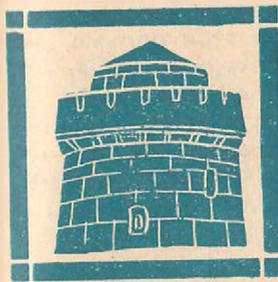
Для рыцарей и королей хотел написать книгу Рустичиано, поэтому в его книге так много сражений.

Марко Поло точен и занимателен. Он купец, а книга его превратилась в роман, в рассказ-анекдот.

Ему не поверили, потому что он был человеком из будущего.

Китай того времени обогнал Европу.

МАРКО ПОЛО ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА РОДИНУ

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ ИЗГНАН БЫЛ из Флоренции, которую называл он прекрасным логовищем, в 1302 году.

В логовище на острове Риальто после заключения вернулся из Генуи господин Марко Поло.

Нужно сказать, что отец Марко Поло был человеком редкого благоразумия и жизнерадостности.

Марко Поло был принят дома радостно. Он заметил сразу, что отец словно помолодел и даже постриг бороду. Рядом с отцом сидел дядя Маффео, слегка сконфуженный.

Отец начал так:

— Семена растений, которые ты захватил тогда с этого жаркого острова, мы посадили в твою память во дворе. Итальянский холод убил побег, мы очень жалели. Марко Поло молчал.

— Мы очень расстроились, — сказал тогда дядя, — по поводу твоего плена. Мы рассчитывали, что ты по возвращении в Венецию немедленно женишься, и сделали ошибку тогда, по приезде, что не женили тебя. Ты знаешь обычай этой страны...

— Нашей страны, — поправил брата Никколо по-татарски.

— Ты знаешь обычай Венеции, — продолжал дядя, — которому мы следуем: в богатом доме только один брат женится, чтобы не разбивать капитала, другой...

Дядя улыбнулся.

— ...утешает сердце с путанами.

Марко Поло еще ничего не понимал.

Дядя продолжал:

— Мы опасались, что плен твой продолжится долго — годы или, что еще хуже, ты умрешь в этой тюрьме, мы хотели тебя выкупить, но генуэзцы очень дорожились, и вот мы решили... Мы решили, — продолжал дядя, — что брат Никколо, который хотя и стар, зато крепок, должен взять новую жену. Вот так и стало. За это время он стал отцом твоих братьев Стефано, Маффио и Джованни. Превосходные дети. Дорогой Марко, ты будешь их очень любить.

Отец застенчиво сказал:

— Не огорчайся, Марко, я могу даже выделить тебе твою часть капитала... Тут в твое отсутствие на тебя наложили штраф за неисправную водосточную трубу. Мы хлопотали с нотариусом Джустини, и штраф снят... Дети у меня здоровы, и я разрешу тебе даже разговаривать со мной, не снимая шляпы.

Этот разговор пересказан Разумио, первым биографом Марко Поло, и достоверен.

О штрафе за трубу сохранились даже документы.

Марко Поло, как человек умный, не обиделся на поспешность своего отца. Он женился сам и жил в меру счастливо, а как жил, я еще расскажу, потому что мне жалко расставаться с моим героем. Что же касается Кокачин, то она действительно умерла в Персии в 1296 году.

Марко Поло пережил своего отца и поставил ему памятник. Памятник был почтенного вида, из прочного камня, в портике у церкви Санто-Лоренцо. На памятнике герб, на гербе три галки; цвет герба лазоревый, птицы песочные на серебряной полосе.

МАРКО ПОЛО ВСТРЕЧАЕТСЯ САМ С СОБОЙ

ГОРОД ВСТАВАЛ ПО ЗВОНУ колокола.

В девять часов — завтрак, в полдень — обед, в девять часов вечера тушили огни, тоже по звону колокола. Обед скучный — рыба, кабанье мясо. Рыба — редко осетр и форель, чаще сушеная щука...

Город разделен на шесть частей. Между островами деревянные

мостики без ступеней. Центр в районе острова Риальто, там, где монетный двор. Самый большой остров так и называют Монетный.

Ночью в домах холодно. Окна широкие и открываются внутрь, и этим здесь гордятся.

Здесь умеют отливать колокола, делать стекло, изготавливать золотые ткани, духи, лекарства. Здесь даже цех хирургов отделен от цеха цирюльников. Иностранцы живут в отдельном квартале. Здесь они торгуют оптом, получают товарами, а не деньгами, здесь учатся они венецианскому искусству торговать, давать векселя. Они живут как пленники. Как пленник живет и Марко Поло вместе с рабом своим Петром, татаринком.

Дома деревянные и крытые дранкой и черепицей. Только что начали мостить улицы. На темных двориках колодцы и рядом сток для нечистот, ведущий в канал. На стенах всегда роса. Около домов стоят по бокам службы, перед домами резные столбы для лодок.

В темной комнате Марко Поло резные византийские стулья, кровать с пологом и на кровати простыни до пола. Марко Поло богат.

Утром зазвонит колокол — марангон. Можно будет выйти на улицу, на узкие тропки вдоль канала.

Город оживет...

Набережные пахнут Востоком. Здесь склады восточных товаров, курений, лекарств.

Из Африки сюда приходят хлеб, воск, шерсть, кожа. С Черного и Азовского морей — меха и металлы. Матери — из Индии и Китая.

С Кипра — хлеб.

Набережная пахнет восточными товарами, имбирем, перцем, краской, материей. С набережных везут в Мавританию, Египет мелкий металлический товар, бочки, деревянную посуду, дешевое стекло и рабов. Самые дорогие — русские. Это тот белокурый и крепкий народ, который живет в местности, где не хватает то ночи, то дня. Этот народ в большом спросе. Мужчин везут в Египет, где они дороже даже, чем кавказцы. Женщины идут в Италию.

На набережной говорят больше всего о прибытии рабов, о ценах на них.

— Из Египта пришло две тысячи мужчин первого качества.

— Русская женщина семнадцати лет прошла на Флоренцию за две тысячи девяносто три лиры, а двадцати четырех лет — за тысячу шестьсот восемьдесят четыре лиры, а самая дешевая — в Венецию, за тысячу сто двадцать две лиры.

На верфи строят новые галеры.

Строже стал совет. Большой совет уничтожен, сеньория превратилась в наследственную, имена знатнейших записаны в Золотую книгу, и эту книгу откроют снова только через сто лет.

На площади св. Марка гуляют люди в круглых беретах и в белых колпаках. Зеленые, фиолетовые, красные мантии, длинные плащи с поясами, плащи на золотой

подкладке, взбитые волосы, бритые щеки. Богато живут венецианцы.

Марко Поло грустит в Венеции. Много разговаривает, много гуляет.

Марко Поло уже женился. Нет у него сына, не поддерживает сын славу отца. Только дочери есть у него.

Сам Марко Поло в судебных решениях подписывается «нобилис вир» — знатный человек.

С улыбкой кланяются ему люди в фиолетовых и красных плащах.

Умер Кубилай, нет дороги обратно на Восток. Генуэзцы заперли вход на Крым...

Марко Поло видел иную жизнь и не мог отдать своего сердца Венеции. Он скучал. Между утренним и вечерним колоколом вспоминал о Великой империи, о Великой Китайской стене, о каналах, в тысячу раз более длинных, чем венецианские.

К подъездам деревянных домов подъезжали шаткие gondoly.

В доме вода в хрустальных графинах мутна, вода дождевая, из цистерны, смазанной глиной.

Во дворце дожа Дондоло сегодня маскарад. Там каменный дом и много огня.

Марко Поло любил маскарады: шум их, шелк и бархат напоминали дворец великого хана.

В зале играла музыка, в зале шумели, пищали. Какая-то смешная маска ходила между другими. На ней плащ из красного атласа, китайского атласа. Маска ходила, шумела, болтала.

Что рассказывает этот человек?

— Во всем Китае есть черные камни, выкапывают их в горах, как руду, и горят они, как дрова. Огонь от них сильнее, чем от дров. Если вечером, скажу вам, развести хорошенько огонь, он продержится во всю ночь, до утра. Дров там много, но камень горит лучше.

Смеялись люди. Марко Поло, человек, знающий пять азбук и не умеющий читать только по-латыни, подошел ближе, для того чтобы послушать, кто смеется над его словами.

Маска болтала:

— Все подданные великого хана берут за товары не деньги, а бумажки, и на бумажки скупает хан драгоценные камни и жемчуг, и дают за них бумажки купцы охотно.

Смеялись люди.

Маска изображала самого Марко Поло. Марко Поло еще не знал о своем прозвище, он не знал, что его зовут «господином Миллионом» и считают первым лгуном в Венеции.

Маски образовали круг: всем смешно было смотреть, как встретится человек со своим отражением. Марко Поло стоял и вспоминал о Суматре, о носорогах, о стадах китов, о книгах, которые печатают с дерева, об огне, который, не горя, тек по бамбуковым трубам и потом расцветал пламенем на солеварнях. Для этого огня у итальянцев нет имени.

Зачем он приехал в эту страну? Зачем ему нужно было везти китайянку не для себя?

Глупый купец, ты сам продал свое счастье! Если бы был жив великий хан, Марко Поло пешком бы пошел обратно в страну, где много вер и где не верят ни в одну и знают, что мир велик.

Марко Поло, разведчик великого хана и капитан галеры, повернулся спиной к маскам и пошел из зала.

Он шел по мраморной лестнице совершенно спокойно, но сделал лишний шаг и наступил на последнюю ступеньку, на которой был слой воды, тонкий, как бумага.

Шаткая, черная гондола, скрипя, подплыла к ногам капитана.

Нужно было сесть не повернувшись.

Сзади хохотали.

Гондола плыла по отражениям дворцов, плыла мимо стен складов. Высокие бревенчатые кронштейны и двери складов, пробитые на высоте второго и третьего этажей, отражались среди каналов.

В доме холодно. Простыни сыры.

О если бы можно было в камине развести огонь из черного китайского камня или хотя бы зажечь свечу в пестром бумажном фонаре!

«ГОСПОДИН МИЛЛИОН» ТОРГУЕТСЯ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

УТРОМ ГОСПОДИНУ МАРКО стало тяжело. Родственники позвали к нему врача из врачебной лавки.

Лекарство Марко Поло стоило десять сольдо — высшая цена. Марко Поло не поправлялся. Сам господин Гвалтьери, знаменитый врач, посетил Марко Поло.

— Ни панты, — сказал Марко

Поло, — рога, снятые с оленя в то время, когда он любит, ни царь растений женьшень, ни ваше искусство, доктор, хотя вы и умеете вызывать пот, полезный для больного, не могут спасти человека, которому семьдесят лет и который уже живет не наслаждаясь.

Доктор ушел. Родные позвали монаха.

Гондола со святыми дарами плыла по каналу. Служка звонил в колокольчик: гондольеры, не переставая грести, приседали, проплывая мимо, из уважения к святым дарам.

Монах сел на край постели больного, поправил рясу. Он положил руки на седую голову Марко Поло и сказал:

— Мир тебе, странник, путь которого совершен. Сеньор, в последний час, когда вы должны предстать перед господом нашим, признайтесь в той лжи, которую вы произнесли. Признайтесь, друг, мне, старику, что не бывает камня, который горит, что нет досок, с которых можно печатать книги, или это мерзкое колдовство. Признайтесь, что вы солгали, сеньор, когда вы говорили, что проплыли через Индийское море. Мы читали Птолемея*

и знаем, что Индийское море замкнуто, как озеро. Отрекайтесь от карт, которые распространяют под вашим именем. Мир прост, господин, я могу рассказать, как он устроен. Земля устроена как «о», в которое вписано «т». Это «т» делит землю на три части. Большая часть круга — это Азия, нижние части — Европа и Африка. Так говорит блаженный Августин*. Вы веселый человек и простите мне, старику, — вы лгали, как купец. Вашу книгу прочли. Мир смеется над вами, сеньор. Признайтесь, покаяйтесь. Бог прощает шутку и невинную сказку. Признайтесь, что не бывает змей с ногами и со ртом, усеянным зубами. Перед лицом смерти признайтесь, что не бывает бумажных денег и нет такой страны, в которой дороги ровны, как пол, и усажены, смешно сказать, деревьями, а главное — признайтесь, что нет такой страны, в которой не было бы в небе Полярной звезды. Звезды вечны, их создал бог. Нет в мире ничего выше, чем звездное небо над нами и совесть внутри нас. Вы понимаете, сеньор, что значат ваши слова о том, что будто бы на чужом море вы не видали в небе Полярной звезды. Это значило бы, что земля круглая. Вы купец, вы не ученый. Вы не знаете, что Христос не мог бы сойти на круглую землю; то, что вы говорите, ересь. Во имя совести признайтесь, что вы клеветали на звезды, и мы даже не сожжем вашу книгу, потому что в конце концов не так страшен еще роман — роман о великом хане. Мы не сожжем ваши книги и напишем только на них: «Сказки сеньора Марко Поло» или «Роман о великом хане»...

И Марко Поло ответил:

— О господин священник, совесть в душе людей разная, и в разных странах я видел много совестей и разных религий. Я видел страны, где меня принимали за демона, потому что цвет кожи у меня белый. Я видел людей, которые убивали во имя бога. Я видел людей,

которые во имя бога крутили мельницы, исписанные словами. У меня был друг. Когда я спросил его, что подарить ему, он сказал: «Подари мне бамбуковые семена, я посею их перед своими окнами, чтобы не видеть зло». Этот друг был желтый купец, о господин священник. И вера и небо в разных странах разные, но родина одна, и как радовался я, когда Полярная звезда вновь покатилась над горизонтом на высоте роста ребенка!

Тогда священник отодвинул дары и сказал:

— Должен ли я понять так, сеньор, что вы хотите умереть не покаявшись? Не знаете ли вы, что хотя даже иудеи терпимы в Венеции и имеют право получать деньги по векселю, но безбожники не имеют права заключать договоры и подписывать духовное завещание? Подумайте о ваших детях. Подумайте о своих грехах. И тут Марко Поло засмеялся.

— Друг, — сказал он, — я купец. Я много торговал, я торговал даже с людьми, язык которых был непонятен. Мы сторгуемся. Мы сторговались даже с татарами, которые считали, что человек грешит, только собирая грибы в лесу и вымыв платье. Я умею соблюдать законы стран, в которых живу, и уйду из жизни, не зацепив порога. Я знаю, что вы и нотариус. Позовите писца, и составим завещание.

Монах наклонил голову и сказал:

— Мой причетник — писец.

И он начал диктовать привычным голосом:

— «Во имя вечного бога, аминь. В год от воплощения господина Иисуса Христа тысяча триста двадцать третий, в девятый день января месяца, в начале седьмого индикта в Риальто».

Писец записал.

За дверь уже плакали и слушали. Монах-нотариус продолжал:

— «Дар божественного вдохновения, как и заключе-

ние предусмотрительной мысли, сказывается в том, что всякий человек должен позаботиться отдать распоряжение о всяком своем имуществе прежде наступления суда смерти, дабы в крайнем случае оно не осталось неустроенным...»

Монах Джованни Джустино сказал тихо Марко:

— Но я не засвидетельствую, сеньор, завещание, если вы не примиритесь с церковью.

Тогда заговорил Марко Поло:

— «Посему я, Марко Поло, прихода святого Иоанна Златоуста, чувствуя себя ежедневно все слабее от телесного недуга, однако милостью божьей в здравом уме и в неповрежденных чувствах и суждениях, послал за Джованни Джустино, священником святого и нотариусом, и поручил ему составить мое завещание в полном виде. Настоящим я назначаю моими душеприказчиками любимую жену Донату и дорогих дочерей Фантину, Беллелу и Маретту, с тем чтобы они выполнили все мои назначения и дарения...»

Он помолчал и продолжал:

— Слушайте, господин Джустино. «Кроме законной десятины, которая идет епископу города и клиру, вдобавок к сему я назначаю две тысячи венецианских лир, из которых двадцать сольдо венецианских гроссов* монастырю святого Лаврентия. Также сорок сольдо каждому из госпиталей на пути от Града до Капо д'Арджине. Также завещаю я монастырю св. Джованни и Паоло, который мне должен, и братьям Ренерио, и брату Бенвенуто по десять лир, сверх того, что они мне уже должны. Также завещаю по пять лир каждой монастырской общине в Риальто и по четыре лиры каждому члену гильдии или братства, в которых я состою членом. Также с любовью завещаю двадцать сольдо венецианских гроссов священнику Джованни Джустино за его труды по составлению этого завещания. Равным об-

разом я освобождаю татарина Петра, моего слугу, от всяких уз рабства и отдаю ему все, что он заработал трудом в моем доме, и завещаю ему сто лир...»

— Сеньор, — сказал священник, — противно обычаю освобождать рабов в духовном завещании. Говорят, что это побуждает рабов ускорять смерть своих хозяев. Это запрещено даже законом Генуи.

— Я не в генуэзском плену, — возразил Марко Поло и продолжал: — «Из прочего имущества я завещаю вышеупомянутой Донате, жене моей, восемь гроссов в венецианских динарах ежегодно, пожизненно, на ее собственное использование, сверх ее имущества и белья, и всю домашнюю утварь с тремя пухом набитыми постелями».

Священник сказал:

— Я пойду и приготовлю копию этого документа.

— Не забудьте написать, — сказал Марко: — «А если кто исказит или нарушит настоящее завещание, то будет подлежать пени в пользу моих душеприказчиц в пять фунтов золотом».

— И будет связан, — сказал нотариус, — проклятием церкви.

— Пусть так, — сказал Марко Поло. — Позовите ко мне Петра. Пусть он расскажет о том, о чем я не хочу забыть перед смертью: о том, как плыли мы мимо неведомых островов, под небом, где нет ночью Полярной звезды, вместе с той, имени которой я не назову при Донате, жене моей, которой я завещаю все белье, и домашнюю утварь, и три пухом набитые постели.

КОНЕЦ

ЧЕРЕЗ ВОСЕМЬ ЛЕТ ПОСЛЕ освобождения из генуэзской тюрьмы, в 1307 году, говорят, господин Марко Поло подарил копию своей книги французскому рыцарю Тибо де Сепуа, который был послом в Венеции. Во Франции книгу начали переписывать, о книге стали говорить. Переписывая, замечали в конце, что книга недостоверна. Переписывали ее как сказку, как роман. Материал книги Поло попадал в другие романы — например, в романе господина Бодузена есть прямые заимствования из книги Марко Поло.

Лишь много позднее попала книга к географам. Двести лет спустя после смерти Марко Поло появилась первая биография путешественника. Ее написал Рамузино, секретарь венецианского совета десяти, географ. Он перевел книгу Марко Поло с французского на итальянский язык и включил во второй том своего собрания «Путешествий по морю и суше».

Поверили Марко Поло не сразу. Даже в дворянских книгах республики имя путешественника было неотделимо от насмешливого прозвища: «Марко Поло Миллион», — записали его. Генуэзцы знали, что Каспийское море замкнуто, но не были заинтересованы в том, чтобы исправлять карты.

Но в 1320 году у Марино Санудо-старшего в «Книге тайн читателей креста» была дана карта для нового крестового похода. Его изображение Европы, Сирии, Малой Азии, Аравии уже несколько достовернее. По Марко

НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

К стр. 9.

* Венеция — город в Италии на побережье Адриатического моря в Венецианском заливе. Получил свое название (Велето, Венеция) еще в эпоху Древнего Рима от иллирийского племени венетов (veneti), появившегося в этих местах в V в. до н. э. Сам город возник в 451 г. из рыбацких поселений, расположен на 118 островах.

* Лагуна — от латинского «lagus», озеро: цепь мелководных заливов или бухт, отделенных от моря полосами наносной суши.

К стр. 11.

* Гунны, или хунну, — союз кочевых племен, сложившийся в Центральной Азии; впервые упоминаются в древнекитайских летописях. В III в. до н. э. на территории Северного Китая гунны создали сильное государство. В 55 г. до н. э. в результате междоусобиц и постоянных войн с Китаем гунны распались на два союза. Северная группа гуннов откочевала в степи Восточного Казахстана, откуда в I в. начала свое движение на запад. В 375 г., разгромив восточных готов в Северном Причерноморье, они заняли территорию от р. Дона до Карпат, став во главе большого союза кочевых и полукочевых племен. Затем под предводительством Аттилы вторглись в Западную Европу и создали государство от Волги до Рейна, с центром в нынешней Венгрии. С 441 г. начинаются опустошительные набеги царя гуннов Аттилы, прозванного в Европе «бич божий», на земли Римской империи: Австрию, Северную Италию, Францию. В 451 г. римляне в союзе с кельтами и германцами разбили гуннов в Восточной Галлии в знаменитой «битве народов» при Каталаунских полях. После смерти Аттилы (453 г.) гуннский союз распался.

* До ж — от латинского «dux», «ducis» (вождь), выборный пожизненный глава республики в Венеции и Генуе в средние века (до конца XVIII в.).

К стр. 12.

* Фрахт — плата за перевозку груза водным путем; порядок оплаты и размер фрахта устанавливается соглашением сторон, так называемым фрахтовым договором.

К стр. 14.

* Сарацины — от древнеарабского «шаракини» (восточные люди). Так называли арабское население Аравии. В средние века это название распространилось на всех арабов-мусульман и другие народы Ближнего Востока, исповедовавшие нехристианские религии.

К стр. 15.

* Змеевик, или серпентинит, — минерал, горная порода зеленого цвета с пятнами разных цветов, что придает ей сходство с пятнистой кожей змея.

К стр. 16.

* Боевые осадные машины и приспособления древности и средневековья: таран — одно из древнейших осадных орудий (как правило, бревно с прочным и массивным металлическим наконечником), предназначенное для разрушения крепостных стен, башен, ворот; катапульта — военная машина для метания тяжелых камней, заостренных бревен, сосудов с горючим и т. п., применявшаяся еще древними греками и римлянами (дистанция броска несколько сот метров); баллиста — метательная машина древних греков и римлян, главным образом применявшаяся для осады городов и крепостей.

* Хубилай (1216—1295 гг.) — у Марко Поло Кублай и Кубилай — сын Тулуя, ввук Чингисхана, последний великий монгольский хан и первый китайский император, основатель монгольской династии Юань («Начало»), правившей в стране до 1368 г.

К стр. 17.

* Чингис, или Чингисхан (до избрания великим монгольским ханом — Темучин), родился в 1155 г., умер в 1227 г. Объединив кочевые степноводческие племена, он создал обширное раннефеодалное монгольское государство. В 1206 г. был провозглашен великим ханом. Создал монгольскую армию, набиравшуюся по принципу воинской повинности из родов и подвластных племен, основную роль в ней играла легкая конница. Походы Чингисхана явились величайшим бедствием для народов Сибири, Средней Азии и Северного Китая. Незадолго до смерти разделил завоеванные земли между сыновьями — Джучи, Чагатаем, Угедеем и Тулуем.

К стр. 18.

* Магнитная гора — согласно средневековым легендам, пришедшим в Европу от арабов, фантастическая преграда, подстерегающая мореходов и путешественников, притягивающая все металлические предметы. Ее помещали в различных районах

мира — на суше и на море. Вот как она описана в сказках («001 ночь»: «У Магнитной горы — крутые склоны, а на вершине ее — медный купол, поддерживаемый медными колоннами. На куполе стоит медная лошадь со всадником, грудь которого защищена бронью, а в броне этой — талисман. По преданию, памятник этот был главным виновником гибели многих кораблей... в здешних водах». И только легендарному арабскому князю Агибу благодаря вещему сну удается сбросить медного всадника с вершины и уничтожить чары Магнитной горы.

* Джиованни Пьяно дель Карпини, или Иоанн Плано Карпини (около 1182—1252 гг.) — итальянский монах-францисканец, совершивший по поручению папы Иннокентия IV разведывательное путешествие в монгольские страны, то есть земли, захваченные монголо-татарами. Карпини должен был установить дипломатические отношения с монгольскими ханами и склонить их к союзу против мусульман. Его простой, правдивый отчет о путешествии впервые познакомил большую часть Европы с миром Востока. Кроме отчета о путешествии и краткой «Истории монголов», Карпини составил большую книгу о Татарии «Liber Tartarorum».

* Река Калка (совр. Кальчик) — приток р. Кальмиус, впадающей в Азовское море. На р. Калке (близ нынешнего г. Жданова) 31 мая 1223 г. произошло кровопролитное сражение русского и половецкого войска против монголо-татар.

К стр. 19.

* Батый, Бату-хан (умер в 1255 г.) — второй сын Джучи, ввук Чингисхана. В 1237—1240 гг. во главе многочисленных орд кочевников обрушился на раздробленную в феодальных междоусобицах Русь, в 1241—1242 гг. повторил свой набег на Русь и государство Восточной Европы. По возвращении из походов обосновался на Нижней Волге, где возникла Золотая Орда со столицей в г. Сарай.

* Угедей, Угедэ (около 1185—1241 гг.) — сын Чингисхана и его наследник. В правление Угедея были завоеваны Северный Китай, Азербайджан, Грузия, Армения; в это же время Батый двинулся на Русь и Восточную Европу. Существует мнение, будто бы Батый, дойдя до границ Италии, повернул обратно, торопясь поспеть в Монголию на выборы великого хана. Оно так же неверно, как и утверждение некоторых западных историков, будто бы Батый испугался военных сил германского императора и ушел в монгольские степи. Почему же тогда не увел свои войска из-под Алеппо и Дамаска другой монгольский хан, Хулагу, узнав о смерти Угедея, а лишь уехал сам, передав командование одному из своих

военачальников?. Причина отступления в другом. Нашествие монголов захлебнулось на огромных пространствах от Волги до Адриатики, и смерть Угедея явилась всего-навсего благовидным предлогом для отвода потрепанных сил Батыея в монгольские степи. Тем более что силы нужно было сохранить для обратного марша по разграбленным, но далеко еще не усмирённым территориям.

* Иннокентий IV — папа римский в 1234—1254 гг., один из инициаторов крестовых походов на ослабевающую после монголо-татарского нашествия Русь; поддерживал Тевтонский (Немецкий) орден и германскую агрессию на восток, против славян.

К стр. 21.

* Мордваны — современные мордва, мордовцы; эти племена с древнейших времен жили в междуречье рек Волги, Оки, Суры и Мокши. В середине XIII в. Мордовия была завоевана монголо-татарами, а с середины XVI в. вошла в состав Русского государства.

* Билеры, болгары (болгары) — народ, сложившийся в Поволжье и бассейне р. Камы от слияния древних сармато-аланских и кочевых тюркских племен и создавший в X в. первое феодальное государство в Среднем Поволжье и Прикамье — Волжско-Камскую Булгарию со столицей в г. Булгар (Болгар).

В начале XIII века Волжская Болгария подверглась опустошительному нашествию монголо-татар, которые после упорного сопротивления народов Поволжья к 1241 г. полностью завоевали ее.

* Баскарят — очевидно, речь идет о башкирах (башкорт), а также о народах Поволжья, говорящих на финно-угорских языках, — марийцах, удмуртах и др. Венгерский монах-доминиканец Юлиан, соглядатель и разведчик венгерского короля Белы IV и папы Иннокентия IV, в 1235—1237 гг. посетил Поволжье, Волжскую Булгарию и Башкирию, где свободно говорил на венгерском языке, понятном местным племенам — родственникам мадьяр. Поэтому Великой Венгрии часто называли степи Башкирии и степи между Волгой и Уралом, населенные еще в VI в. огорами, или уграми.

* Пароссы — сейчас трудно сказать, что это за народ, очевидно, какие-то группы финно-угорских племен, живших на севере, в Пермской и Вятской землях, может быть, какие-то группы коми-зырян и коми-пермяков.

К стр. 22.

* Самоеды, самоеды, — старинное русское — да и не только русское — название саамских племен Северо-Восточной Европы, живших от Северного Урала вплоть до Скандинавии; про-

изошло от саамского «самэ-емне» — «земля саамов». Позже этим именем стали называть ненцев.

К стр. 24.

* Тафта (перс.) — тонкая плотная ткань из хлопчатобумажной пряжи или из искусственного шелка; крепозин — легкая волнистая ткань, изготовлявшаяся из шелка-сырца, сейчас вырабатывается также из хлопка; желл — так римляне называли китайский шелк, привозимый купцами из Индии.

* На Руси и в Западной Европе имя татар стало известно с XII в., но это не было обозначением одного какого-либо конкретного народа, а имело собирательное значение для всех кочевых народов Азии. В XI в. арабские летописцы называли татар соседями киргизов, а еще раньше это название, по-видимому, относилось к монгольским племенам татань. В VI в. китайские географы называют 30 татарских племен, живших на Амуре и в Маньчжурии и говоривших на диалектах древнего монгольского языка. Во время нашествия татарские племена были включены в состав монгольских кочевых орд.

К стр. 28.

* Судак — тюркское произношение названия г. Согдаия, или Сугдея, основанного в III в. до н. э. Это название, как считают лингвисты, происходит из иранских языков. С 212 г. Согдаия — колония византийцев; во время великого переселения народов перешла из рук в руки, побывав под властью аланов, готов, хазар и куманов-половцев. В русских летописях X—XVI вв. называлась Сурожем. После взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г. в городе появляются венецианцы, и Судак на долгое время остается единственным их опорным пунктом в Крыму. Затем Судак переходит в руки генуэзцев, и только в 1453 г., после взятия Константинополя турками, вместе с другими генуэзскими колониями Судак захватывают союзники турок — крымские татары.

К стр. 29.

* Половцы — кочевой народ, относящийся к семье тюркских народов, — занимали степи между Дунаем и Волгой в X—XIII вв. Половцы часто нападали на Русь, государства Восточной Европы, Византию. В XIII в. были разбиты монголами, слились с ними и вошли в состав Золотой Орды.

* Речь идет о Куликовской битве, произошедшей 8 сентября 1380 г. близ впадения р. Непрядвы в Дон. На стороне монголов принимали участие в битве и генуэзцы — крымские вассалы монголо-татар.

* Солхат, или Салкат (ныне Старый Крым), — в XIII в. столичный город, построенный на месте старого гото-хазарского поселения Солхат. Город был населен татарами, аланами, русскими, армянами, греками и италянцами. В городе были великолепные здания, например дворец Батыя, построенный в 1252 г., мечеть 1288 г., построенная уроженцем Крыма, египетским султаном Мамелок-Бейбарсом, и мечеть хана Узбека 1314 г. В конце XV в. столицей Крымского ханства стал Бахчисарай, а Солхат окончательно разрушен. В XVII в. от Солхата остались одни развалины.

* Порфир — «пурпурный», горная порода с крупными кристаллами, вкрапленными в основную массу; применяется как строительный камень.

К стр. 30.

* Готы — одно из древнегерманских племен, переселившееся в начале новой эры со своей родины Скандинавии, о. Готланд, на южное побережье Балтийского моря. Во второй половине IV в. готы разделились на две группы племен: на западных (вестготов, или визиготов) и восточных (остготов, или остроготов, грейтунгов).

В Крыму готы объявились еще в середине III в., заняв территорию от Судака до Балаклавы. Они быстро попали под экономическое и культурное влияние Византии, приняли христианство в его византийской форме. В горном Крыму создалась своеобразная гото-греческая культура. Готское княжество перестало существовать только во второй половине XV в., подвергшись разгрому вместе с генуэзцами со стороны турок и крымских татар. Остатки готов слились с греками и татарами. Сейчас о готах в Крыму напоминают лишь названия некоторых местечек, таких, как, например, село Гота с его голубоглазыми, русоволосыми жителями — потомками готов.

* Перекоп — перешеек, соединяющий Крымский полуостров с материком; еще в начале новой эры с военно-оборонительной целью был перекопан рвом от Черного моря до Сиваша. Он защищал Боспорское царство в Крыму от набегов степных кочевников. Тюркское название перешейка — Ор-капу («ор» — ров, «капи» — ворота). Еще в XVI в. и даже в начале XIX в. эту местность в России называли Перекопью.

К стр. 32.

* В нижнем Поволжье во второй половине XIII в. было два крупных монголо-татарских центра, известных под именем Сарай (оба на р. Ахтубе — левом рукаве Волги). В южной части — Сарай-Бату, или Старый Сарай, основанный Батыем в 40-х годах XIII в.

В северной — Сарай-Берке, или Новый Сарай, основанный ханом Берке. Столицей Золотой Орды при Берке оставался Старый Сарай, и только в начале XIV в. она была перенесена в Новый Сарай.

К стр. 33.

* Хан Барка (Берке, или Баркай, русских летописей) — внук Чингисхана, сын Джучи, брат Батыя. Был четвертым (после Батыя, Сартака, Улагчи) ханом Золотой Орды; вступил на ханство в 1257 г., умер в 1266 г. во время Кавказского похода против соперника — ильхана Хулагу. Марко Поло часто величает его, как и других золотоордынских ханов, «царем западных татар».

К стр. 35.

* Юфть — специально обработанная и дубленая кожа крупного рогатого скота, лошадей и свиней, сравнительно толстая, но отличающаяся хорошей эластичностью, мягкостью и водонепроницаемостью.

К стр. 36.

* Монголо-татары Золотой Орды до принятия ислама были шаманистами, то есть верили в существование злых и добрых духов природы и духов предков. Общение с ними возможно было только шаманам в процессе камлания, то есть приведения себя в состояние экстаза с помощью плясок, пения и игры на бубне.

* Шагренъ — буквально «кожа со спины животного», мягкая шероховатая кожа, выделяемая из козьих, овечьих и конских шкур; шла на изготовление изящной и дорогой мягкой обуви.

К стр. 39.

* Хулагу (1217—1265 гг.) — внук Чингисхана, брат ханов Менгу и Хубилая, основатель монгольской династии Хулагидов, или Ильханов (в 1263 г. получил от Хубилая титул «ильхана» — «поведителя народов»), правившей в середине XIII—XIV вв. в Закавказье, Малой Азии, Месопотамии, Иране и Афганистане.

* Клинки из дамасской стали особенно ценились в средние века. Вначале они делались из особым образом приготовленной высококачественной литой «узорчатой» стали, позднее клинки изготавливали методом «кузнечной сварки» из сплетенных в жгут стальных полос или проволок с различным содержанием углерода. Редко какая броня выдерживала удар дамасского клинка.

* Франкские латы и шлемы — в буквальном смысле слова, латы и шлемы из Европы, отличавшиеся хорошими защитны-

ми свойствами («франки» — так мусульмане эпохи крестовых походов называли жителей Европы).

* **Левант** — средневековое название стран Ближнего Востока, особенно Сирии и Ливана; произошло от французского и итальянского «levant» (буквально — «восток»).

* **Нумидийский**: Нумидия — одна из областей древнего мира в Северной Африке, на территории современного Алжира; с VII в. принадлежала арабам. Древнее название страны долгое время сохранялось и в средние века.

К стр. 41.

* **Тавриз** (совр. Тебриз) — город в Иране, центр Иранского Азербайджана.

* **Аланы** — кочевое племя, обитавшее на побережье Каспийского моря около 2 тысяч лет назад. В IV в. были покорены гуннами и оттеснены на Северный Кавказ. Аланов часто отождествляют с ассами, или яссами, русских летописей. Монголы, покорив аланов, использовали их как военную силу, переселяя целыми колоннами в Китай для несения гарнизонной службы. Потомками аланов являются современные осетины.

К стр. 42.

* **Накар**, или **наккар**, — большой (свыше одного метра в диаметре) барабан, обтянутый буйволовой кожей. В монгольских армиях накары перевозились на верблюдах; Хубилай впервые ввел сверхгромкие накары как средство сигнализации, применив для их перевозки слонов.

* **Калган** (современный Чжанцзякоу) — город в Северном Китае. Название образовано от монгольского «халга» (застава, ворота, проход). «Калуга» имеет несколько иное происхождение — предложено несколько вариантов: «калыга» (древнерусское) — забор, ограда, улица; «калынга» (тюркское) — выступ, возвышение; «кулига», «кулижки» (финно-угорское) — глухое место в лесу.

К стр. 45.

* **Кончи**, или **Канчи**, — правнук Чингисхана, внук Джучи, сын Орды. Его ставка находилась в северной части Семиречья, затем была перенесена к низовьям Сыр-Дарьи.

* **Джучи** (**Джурджи**) — старший сын Чингисхана, отец Батия, Берке, Орды, Кочина (умер в 1227 г.). Владения Джучи включали на западе Золотую Орду и Ак-орду: бассейны верхней и средней Оби с Иртышом и нижней Сыр-Дарьи, а также степи к северу от нее.

* **Семиречье** — область в юго-восточном Казахстане; название перешло от тюркского «Джесты-су» — Семь рек. Первоначаль-

но в эту территорию входили бассейны рек Каратал, Коксу, Биен, Аксу, Баксан, Лепса, Сарканд, с XIX в. сюда были включены бассейны Или и Чу.

* **Тюрки** — буквально «крепкие», «сильные» — кочевой народ, сложившийся в конце V в. в лесостепных районах Алтая и его предгорий от смешения древних монголов-сяньбийцев, западных хуннов и других народов Алтая. Арабы стали называть тюрками всех воинственных кочевников Средней и Центральной Азии без учета их языка и этнической принадлежности. В VI—VIII вв. тюрки создали государство Тюркский каганат; в это же время тюрки появились в Восточной Европе — в Поволжье, на Северном Кавказе, в Причерноморье и на Балканах.

К стр. 46.

* **Дикий осел-кулан** — в свое время встречался в степях и полупустынях Центральной, Средней и Передней Азии; ныне почти совсем истреблен, хотя еще встречается в степях Казахстана и Монголии.

К стр. 47.

* Здесь Марко Поло рассказывает о свайных постройках — домах, стоящих на сваях. В Северной Азии они встречаются только у жителей Западной Сибири — обских угров: хантов и манси — и у жителей Амура, Приморья, Камчатки.

К стр. 48.

* **Саманидское царство** — так называли на Востоке в IX—X вв. державу Саманидов, сложившуюся в Мавераннахре (Средняя Азия) и в Хоросане (Северный Иран), со столицей в г. Бухаре.

* **Бумага** изобретена во II в. китайским ученым Цай Лунем, в Европе впервые появилась в XI—XII вв.

К стр. 50.

* **Югуры**, или **уйгуры**, — в раннее время кочевые племена, родственники тюрков, сменившие их в степях после разгрома Тюркского каганата и создавшие в Северо-Западном Китае свое государство со столицей в Каракоруме (перестало существовать в конце IX в.). В отличие от монголоидных соседей были потомками рыжеволосых и голубоглазых европеоидов, живших еще в глубокой древности в Минусинской котловине, на Алтае и в Забайкалье. Государство уйгуров находилось на важнейших караванных путях из Восточной Азии на Ближний Восток. Уйгуры имели большое экономическое, политическое и культурное влияние в Центральной Азии,

в частности благодаря уйгурам в Монголию и Маньчжурию проник сирийский (арамейский) алфавит и сам принцип алфавитного письма. В эпоху Марко Поло уйгуры играли большую роль в администрации Хубилая. В настоящее время 4,2 млн. уйгуров живет в КНР в пределах Синьцзян-Уйгурского автономного района и около 100 тыс. в СССР — Киргизии, Казахстане и Узбекистане.

* Джагатайское ханство, или Джагатайский (Чагатайский) улус, досталось по наследству одному из сыновей Чингисхана — Джагатаю (с 1224 г.). Это были западная часть завоеванной монголами Центральной Азии (совр. Синьцзян в КНР) и южный Казахстан с Киргизией до течения р. Аму-Дарья.

К стр. 51.

* Несториане — приверженцы учения константинопольского патриарха Нестора (428—431 гг.), который стал основателем несторианства, своеобразного восточнохристианского вероучения, получившего широкое распространение на Ближнем Востоке (в Сирии) и в Азии. В Китае несториане появились в VII в., а при монгольском хане Хубилае играли уже важную роль как администраторы, ученые, врачи. Распространение несторианства в Центральной Азии родило в средневековой Европе легенду о «священнике Иоанне» — христианском восточном государе, якобы собиравшемся помочь крестоносцам в их борьбе против мусульман. Государы Европы и папа римский часто посылали специальные миссии на поиски мифического государства «святого старца Иоанна».

* Кульджа — город в Западном Китае, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе; находится на месте средневекового города Армалек — столицы Джагатайского улуса.

К стр. 52.

* Сюзане, или сузани, — вышитый узорами прямоугольный кусок хлопчатобумажной или шелковой ткани — настенное декоративное украшение в Узбекистане и Таджикистане.

К стр. 53.

* Тамариски — небольшие деревья и кустарники с розовыми и белыми цветами. Их часто сажают на солончаковых и песчаных землях для укрепления почвы; встречаются в средиземноморских странах, Крыму, прикаспийских степях, Средней и Центральной Азии; садоводы знают его как декоративный кустарник.

* Чань-Чунь — монах, китайский ученый и путешественник (1148—1227 гг.), совершивший по приказу Чингисхана путешествие на 72-м году жизни из Шаньдуня в Самарканд, чтобы дать монгольскому властителю рецепт продления жизни. Чань-Чуню при-

шлось проехать 12 тыс. км от Шаньдунского полуострова в Китае через Монголию и степи Внутренней Азии до Самарканда, где в мае 1222 г. он встретился с 67-летним Чингисханом. В 1224 г. он вернулся в Пекин.

К стр. 54.

* Речь идет о Великой Китайской стене, воздвигнутой в 214—203 гг. до н. э. по приказу деспотичного императора Цинь Ши-хуанди якобы от набегов воинственных кочевников Севера, Цинь Ши-хуанди, объединивший Китай в конце III в. до н. э., проводил жесткую внутреннюю политику китаизации страны (по его приказу в 213 г. до н. э. в Китае были сожжены исторические и географические сочинения древности, из других были изъяты все географические сведения о соседних землях и странах); отгороженный от всего мира Китай на долгое время превратился в «центр вселенной». Правда, стена не спасла страну от набегов воинственных кочевников и не объединила ее — в III в. феодальный Китай вновь распался на ряд самостоятельных государств.

К стр. 56.

* Фарсидский, иначе персидский, — от фарсов (парсов, персов) Южного Ирана, живущих в провинции Фарс. До 1935 г. страна называлась Персией (от санскритского «парасах», «конь», то есть «Страна конных всадников»), теперь — Иран. «Ирани», то есть «благородные», так называли себя первые индоевропейцы, завоевавшие Среднюю Азию, Иран, Афганистан и Индию за несколько тысячелетий до новой эры.

* Псоглавцы — согласно средневековым географическим легендам, восходящим еще к античному времени, люди с псами головами, населявшие неведомые земли: Индию, Африку, острова Атлантического океана, Южную Америку.

К стр. 57.

* Здесь речь идет о «пайцзах» — своего рода пропусках, по которым владелец получал все необходимое в пути: проводников, свежих лошадей, воду, провиант, ночлег. В зависимости от важности миссии «пропуска» эти были золотые, серебряные, чугунные с серебряной инкрустацией, бронзовые или деревянные; на них изображался сокол, тигр, лев или беркут. Такие «пропуска» вручались монгольским лазутчикам, послам, купцам и т. п.

К стр. 58.

* Рюи Гонзалес де Клавихо — посол кастильского короля Генриха III ко двору Тимура. Он совершил путешествие из

Севильи в Испании через о. Сицилию, о. Родос, Константинополь, Трабзон (современный Трапезунд), Армению, Персию в г. Самарканд — столицу государства Тимура. Вернувшись из путешествия, написал «Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг.».

* Тимур, Тимур-бег, Тамерлан, Железный хромед и т. д. — один из чингизидов; захватив власть в Мавераннахре (междуречье Аму- и Сыр-Дарьи) в 1370 г., объявил себя великим эмиром. С 1372 по 1405 г. совершил более 20 крупных походов и создал гигантскую державу, включавшую Среднюю Азию, Иран, Афганистан, Ирак, Закавказье. Его походы, как и походы его печально знаменитого предка, сопровождались неслыханными разрушениями и неимоверной жестокостью.

К стр. 59.

* Тамплиеры, тевтонские рыцари — два средневековых военно-монашеских рыцарских ордена, возникших в эпоху крестовых походов. Тамплиеры, или храмовники, — «рыцари храма господня»; орден основан в 1118 г., ликвидирован в 1312 г. французским королем Филиппом IV Красивым и папой Клементом V, присвоившими все земли и казну ордена; Тевтонский, Немецкий или Прусский орден, основан в 1128 г. немецкими рыцарями; после поражения крестоносцев в Сирии и Палестине перенес свою деятельность в Прибалтику, где огнем и мечом осуществлял колонизацию прибалтийских земель. Был разгромлен в 1410 г. объединенными силами литовцев, поляков, чехов и русских в знаменитой Грюнвальдской битве.

* Лаяса, Аяса — ныне порт Аяс в Киликии (Турция), расположенный у входа в залив Искендерон. В эпоху Марко Поло входил в состав Малой Армении.

К стр. 60.

* Теобальдо из Пьяченцы — папский легат, то есть посол, на Востоке. Происходил из знатного рода Висконти. Стал папой римским под именем Григория X (1271—1276 гг.).

К стр. 67.

* Малая Армения — армянское государство со столицей в г. Сис, образовавшееся в XI в. в Киликии в горах Тарса после разгрома старого армянского государства среднеазиатскими завоевателями; находилось под сильным влиянием итальянских морских республик и европейских крестоносцев. В Малой Армении быстро прививались феодальные порядки западноевропейского образца; наряду с замками армянских феодалов существовали многочисленные

замки франков и духовных орденов. Малоармянское царство уцелело во время монгольских походов, признав себя вассалом монгольских ханов, но было разрушено в 1315 г. египетским султаном.

* Великая Армения — собственно, большая часть коренной Армении, находившаяся в Закавказье и на Армянском нагорье, со столицей в г. Халт у озера Ван.

К стр. 68.

* Латинские купцы — итальянцы либо византийцы, так как с 1204 по 1261 г. на месте Византии была образована Латинская империя, ее жителей называли на Востоке латинянами в отличие от франков — жителей Европы.

* Яковиты, или яковиты, — последователи учения епископа Якова, жившего в VI в. и проповедовавшего «одну божественную природу Христа» (так называемый «монофизизм»). Византийское правительство и церковь преследовали и яковитов и несториан; те вынуждены были жить на границах христианского мира, в областях, подвластных мусульманам и веротерпимым монголам.

* Алькасерия (испанское слово, заимствованное у арабов) — лавка, где продается шелк («сер»).

* Сандал — ароматный краситель желтого или красного цвета, получаемый из душистой древесины сандалового, или санталового, дерева, очень ценившегося в средние века; после открытия Америки Колумбом добавились еще две породы тропических деревьев, дающих сандал, — бразильское дерево и камлечевое.

К стр. 70.

* Саве, или Сава, — город в 80 километрах к юго-западу от Тегерана. Здесь находилась одна из богатейших мусульманских библиотек, которая погибла вместе с городом во время монгольского нашествия на Персию.

* Иезд, Язди — один из старейших и крупнейших городов Ирана, в домусульманскую эпоху был крупнейшим религиозным центром язычников, поклонявшихся огню. В городе до сих пор проживает большая колония гвевров — огнепоклонников, последователей религии зороастризма.

* Керман — город в восточной части Ирана, к юго-западу от пустыни Деште-Лут.

К стр. 71.

* Очевидно, речь идет об индийском быке зебу, с древнейших времен прирученном человеком; встречается в Передней и Южной Азии (Индия) и Восточной Африке.

К стр. 72.

* Ормуз — у Марко Поло Кермуз и Хормоз (современный иранский порт Бендер-Аббае на берегу Персидского залива), в монгольскую эпоху был центральной гаванью страны, через него осуществлялась морская связь между Китаем и Персией.

К стр. 73.

* Ассасины — вначале секта исмаилитов в Багдадском халифате (от имени мессии Исмаила, потомка халифа Али), отражавшая недовольство народа усиливавшимся гнетом со стороны крупных феодалов, купеческой верхушки и мусульманского духовенства. В конце XII в. исмаилитская секта стала военно-конспиративной террористической организацией, известной под именем ассасинов, во главе которой стоял «старец гор» — потомок халифа Али. Слово «ассасин» произошло от арабского «хашшиин», так как для того, чтобы полностью подчинить себе рядовых членов организации — фидави, глава секты систематически применял сильнодействующее наркотическое вещество хашшиш, или гашиш, получаемое из смолы некоторых видов индийской конопли. Ассасины вели ожесточенную борьбу с крестоносцами и мусульманскими владетелями, не останавливаясь ни перед чем и широко применяя тайные убийства (одно время им платили откупную дань почти все государства Европы и Востока). Европейцы переделали «хашшиин» в «ассасин», в таком виде в итальянском и французском языках оно стало обозначать наемных убийц... Под нажимом широких слоев купечества и мусульманской знати монгольский хан Хулагу в 1253—1256 гг. начисто разгромил государство ассасинов в горах Ирана и сжег более 100 исмаилитских гнезд, захватив в плен последнего «горного старца» Рукнуддина. Боевая организация террористов-исмаилитов была разгромлена, но исмаилиты еще сохранились в Иране, Афганистане, Северной Индии, Кашмире.

К стр. 75.

* Савойяры — жители Савойи, горного района во Французских Альпах, на северо-востоке Франции, на границе с Италией и Швейцарией (район Женевского озера).

* Айсоры — далекие потомки древних ассирийцев; народность, живущая в Иране, Ираке, Сирии (около 125 тыс. человек), в СССР — в Закавказье (22 тыс. человек). Айсоры до сих пор исповедуют несторианство и яковитство.

К стр. 76.

* Балх (у Марко Поло — Балк) — один из древнейших городов Азии, в древнем мире был известен под именем Бактры, сто-

лицы эллино-иранского государства Бактриана, образовавшегося на севере современного Афганистана и юге Средней Азии после распада империи Александра Великого. Во время монгольского завоевания Балх был разрушен и его жители полностью истреблены. Страна была отстроена лишь при Тимуре, в XIV в. Современный г. Вазир-Абад на р. Банди-Баба.

* Верья (рус.) — столбы, ворота.

К стр. 77.

* Бадахшан — пограничная с СССР область в Афганистане и часть советского Памира (Горно-Бадахшанская автономная область в Таджикской ССР). Бадахшан очень богат полезными ископаемыми, в частности драгоценными камнями, рубином и лазуритом. Бадахшан означает «Рубиновые горы» от иранского «бадаш» — рубин.

* Советские археологи недавно исследовали в районе Бадахшана глубокие и разветвленные шахты — разработки лала (рубина) и лазурита, найден даже целый город рудокопов со всем инвентарем и инструментом древних шахтеров Памира.

К стр. 80.

* Нефрит — минерал серо-зеленого цвета, полудрагоценный поделочный камень, известный еще в эпоху палеолита и неолита; в цивилизациях доколумбовой Америки — самый дорогой и ценный камень, известный в религиозных церемониях ацтеков и майя; в Китае всегда считался священным камнем.

* Хотан — большой оазис в Кашгарии (Западный Китай) славился прекрасными садами, хлопковыми и хлебными полями, шелководством и овцеводством; с глубокой древности знаменит богатейшими месторождениями нефрита, яшмы, лазурита, изумруда. Начиная со II в. до н. э. Китай всегда получал из Хотана самый ценный нефрит, считавшийся в Китае священным и магическим камнем.

* Яркенд — город и оазис в Кашгарии, близ западной окраины пустыни Такла-Макан. В буквальном переводе с иранского: «мирный город», или «город на отроге».

К стр. 81.

* Хами, Камул — уйгурский город в Западном Китае, на пути из Средней Азии в нынешнюю провинцию Ганьсу; в свое время крупнейший центр буддийской культуры и один из важнейших транзитных центров, через которые осуществлялись торговые и дипломатические сношения Китая с Западом.

К стр. 82.

* Асбест — минерал волокнистого строения, отличается огнестойкостью, был широко известен еще в древнее время.

* Г а н ь ч ж о у - ф у, К а м п и ч у — современный город Чжаньчэ в провинции Ганьсу на реке Хэйхе, расположен южнее Великой стены на важном торговом пути из Китая в долину Тарима, еще в древности крупный торговый центр.

К стр. 83.

* Ойраты — западные монголы, говорящие на диалектах ойратского языка: живут в СССР в Горно-Алтайской автономной области (до 1948 г. Ойротская автономная область).

* Л а м а — «высший» (тибет.) — монах-священник у буддистов-ламаистов. Ламаизм — тибето-монгольская форма буддизма, появившаяся в Тибете, Монголии, Западном Китае в VIII в.

К стр. 84.

* Как считают некоторые исследователи, здесь Марко Поло описывает порох и китайские пушки, их он часто называет «огненными катапультами»; по их мнению, монголы в 1293 г. уже имели свою артиллерию, а китайцы еще ранее. В одном из китайских средневековых сочинений сообщается, например: «То, что в древности называлось Пао, было не что иное, как машины для метания камней. В начале правления монгольской династии, а именно в 1260 году, Пао применялись в западных областях Китая. В осаду 1233 года города Циней впервые использована в этих катапультах сила огня, но искусство пользования ими надолго не сохранилось» (из хроники династии Мин).

К стр. 86.

* Море Гилянское — Каспийское море. Как писал еще римский ученый Плиний Старший, «Каспийское море имеет несколько названий, из которых самые известные — Каспийское и Гирканское». Действительно, как считают исследователи, за всю историю это море имело более... 50 названий. У русских: Хвалымское, Хвалисское, Хвалитское, но чаще всего Хвалынское (от имени народа хвалиссов, живших в низовьях Волги и по берегам моря, — город на Волге Хвалыньск хранит память о древнерусском названии моря). Афанасий Никитин, кроме того, именует Каспий «Дербенским морем». По приказу Петра I Хвалынское море переименовано в Каспийское, известное в Европе еще из античных источников (от племени «каспи-ев», живших в глубокой древности на берегу моря в стране Каспiane). Вот еще ряд его названий из языков народов, живших в разное время на берегах Каспия: Хазарское, Дербенское (у арабов), Ак-

Денгиз (у татар), Кукуз (у туркмен), Кользум (у персов), Сигаф (у китайцев), у персов-огнепоклонников — море Варгана и Чекает-Даэти. Далее: Гирканское, Гилянское, Табаристанское, Сарисское, Джурджанское, Иберийское, Хоросанское, Астраханское, Ширванское, Гурганское и многие другие. Марко Поло называет его еще и Бакинским морем.

* А й с е (Е с и я, И з о л) — европеец-советник, игравший большую роль при дворе Хубилая. Китайские летописи изображают его как верного и смелого соратника Хубилая, сведущего в астрономии и медицине и не боявшегося говорить хану и его придворным правду в глаза. Он даже получил титул «князя государства Римского», «принца Рима».

К стр. 87.

* До монголов Тибет был самостоятельным государством на северо-западе Китая и занимал более обширную территорию, чем сейчас, — в него входила значительная часть нынешней провинции Ганьсу и Тангут (провинция Цинхай) на севере в Кашгаре—бассейн верхнего течения р. Янзы (современная провинция Сычуань). После завоевания Тибета в 1244—1264 гг. он был поделен между сыновьями Хубилая. Тибетцев, живущих в горном районе провинции Цинхай, зовут тангутами.

К стр. 88.

* К а н б а л у, К а н б а л у т (монг. «Ханбалгат» или «Ханбалык», то есть «Ханский город») — современный Пекин (Бэйпин, Бейцзин). Согласно китайским хроникам, еще в 1121 г. до н. э. здесь был древний город Ци. В 1151 г. город стал столицей Цзиньской империи и получил название Чжунду (Средняя столица), а в 1215 г. был взят войсками Чингисхана. Сюда в 1267 г. Хубилай перенес свою зимнюю резиденцию, отстроив на его месте новый город Ханбалык (кит. Тайду — Великая столица). Сегодняшний город Пекин расположен несколько южнее старой городской территории.

К стр. 89.

* М у с к у с — пахучее вещество, вырабатываемое особыми железами некоторых видов млекопитающих: оленя кабарги, выхуля, мускусной крысы ондатры и др. Содержится также в корнях некоторых растений, применяется в парфюмерии как фиксатор, удерживающий запах духов.

К стр. 90.

* Л а з у р н и к — очевидно, лазурный камень — лазурит или ляпис-лазурь, минерал синего цвета, ценный поделочный камень.

* Конфуцианство — система этико-политических взглядов и традиций, содержащая принципы воспитания, государственного управления и т. д., в основу которой положено учение древнекитайского философа Конфуция (Кун Фу-цзы), жившего в 551—479 гг. до н. э. Его слова, мысли и дела, записанные в книгу «Беседы и суждения», были канонизированы и превращены наряду с буддизмом и даосизмом в официальную религию Китая.

К стр. 91.

* Волхование: волхвы — у древних славян колдуны (кудесники, знахари) и жрецы языческих богов — Перуна, Ярилы, Сварога и др. Здесь употреблено в значении колдовства, знания магических обрядов и ритуалов.

* До монголов китайские династии назывались по именам тех земель, откуда происходил родом их основатель. Подчеркивая отсутствие преемственности с предшествовавшими китайскими династиями, Хубилай дал название своей династии «Юань» — «Начало» (в 1280 г.), взяв для этого первое слово из знаменитой китайской классической «Книги перемен» — «И-Цзин». Позднейшие китайские династии усвоили эту новую монгольскую систему названий.

К стр. 92.

* В самом начале нашей эры в Китае уже выходили специальные листки с печатным текстом — прообраз газеты нашего времени. Есть мнение, что Марко Поло познакомил Венецию с этим изобретением и рассказал о самой идее книгопечатания. Некий Панфило Кастальди, побывав в Венеции XV в. и увидев там стеклянные литые буквы, усовершенствовал их, сделал из железа и дерева, ибо перед этим в архивах города он видел китайские книги, привезенные Марко Поло, текст этих книг был отпечатан деревянными литерами. Он же в 1426 г. отпечатал в Венеции впервые несколько экземпляров афиш и листов. Есть сведения, что знаменитый Иоганн Гутенберг — создатель книгопечатания — был хорошо знаком с Кастальди и поддерживал связи с Венецией. Если это верно, то Марко Поло действительно подарил Европе и книгопечатание и газету.

К стр. 93.

* Гороскоп (по-гречески «наблюдающий время») — система расположения светил в момент рождения человека, которую древние и средневековые астрологи составляли для предсказания судьбы человека.

К стр. 95.

* Дюйм — 2,54 см.

К стр. 96.

* Меделянка — так называли существовавшую ранее породу догов, которую использовали для травли медведей.

К стр. 98.

* Альберт Великий — Альберт фон Больштет (1193—1280 гг.) — ученый и естествоиспытатель средневековья, последователь Аристотеля. За Альбертом Великим утвердилась слава могучего кудесника, под его именем стали сочинять всевозможные псевдонаучные трактаты по алхимии.

* Абу-Мусса-Джафар-эль-Суфи (780—840 гг.) — один из крупнейших арабских ученых (алхимик, геометр, астроном).

* Безант, или бизант, — так многие средневековые авторы, в том числе и Марко Поло, называли арабский динар.

К стр. 101.

* В некоторых районах Китая деньгами служили круги соли, на юге — раковины-каури и другие, которые как деньги были в широком ходу у народов Юго-Восточной и Южной Азии, Африки и островов Малайского архипелага.

* Амбра — воскообразное, серого цвета пахучее вещество, образующееся в пищевом тракте кашалота; встречается у берегов Индийского и Тихого океанов. Употребляется в медицине и парфюмерии для придания стойкости запаху духов.

К стр. 104.

* Зердан — персидский перевод китайского слова «цзиньчи» — золотые зубы. Название, укоренившееся за западной, прилегающей к Бирме провинцией Юннань. Поводом послужил обычай местных жителей покрывать зубы золотыми футлярами и инкрустировать зубы золотом. Сейчас этот обычай бытует еще на о. Сулатре, о. Тиморе, о. Сулавеси.

* Обычай, хорошо известный в настоящее время у этнографов под названием «кувада», до сих пор бытует у некоторых южнокитайских племен провинции Гуйчжоу, в соседнем Ассаме (Индия), в некоторых районах Малайи, в Южной Америке.

К стр. 105.

* Сунская китайская императорская династия правила с 960 по 1279 г. В 1127 г. после захвата севера страны кочевниками чжурчженями власть императоров Сунской династии распространялась лишь на Южный Китай. Династия пала в результате монгольских завоеваний.

* Манги, Маньцзи — так Марко Поло называет только что

покоренную монголами южную часть Китая, где до этого царствовала туземная Сунская династия.

* Ханьчжоу-фу, Кинсай (Кассай — совр.), Ханчжоу — столица восточнокитайской провинции Чжэцзян — расположен у южного конца Великого канала. Был захвачен монголами в 1268 г., достиг расцвета в правление Хубилая. По сообщению Марко Поло, в городе проживало более полутора миллионов человек и в нем было около 900 тыс. домов.

* Сайан-фу, Сянян-фу — областной город в современной провинции Хубэй на реке Хань. Согласно китайским и персидским источникам, взят с помощью осадных машин, сделанных европейцами.

К стр. 108.

* Циньлинь-цзюнь (у Марко Поло — Чинчинги) — современный город Чанчжоу-фу в провинции Цзянси.

К стр. 109.

* Вильгельм де Рубрук — фламандский монах-францисканец. В 1253—1255 гг., через семь лет после Пяно Карпини, предпринял по поручению папы Иннокентия IV и французского короля Людовика IX путешествие с дипломатическими целями ко двору монгольского князя Мункэ в Каракорум. Это было самое выдающееся до Марко Поло путешествие эпохи средневековья по Внутренней Азии.

К стр. 117.

* Даосские — от даосизма, таосизма (кит. «даоцзяо» — «пусть») — одна из трех распространенных в Китае религий (наряду с конфуцианством и буддизмом). Возникла в начале новой эры; обряды даосизма основаны на суевериях, магии и заклинании духов. В настоящее время даосизм имеет небольшое число приверженцев.

К стр. 128.

* Ячжоу-фу, Ян-Гуй — современный город Янь в провинции Сикан на р. Яхэ, притоке Янцзы. Сюда при Хубилае из Ханчжоу было перенесено местопребывание провинциальных властей. Губернатором этого города и 27 подвластных ему городов с 1286 по 1289 год был Марко Поло.

К стр. 133.

* Небесная, или Голубая, река — Янцзыцзян. В самом Китае это название употребляется редко и относится только к нижнему ее течению (происходит от названия г. Янчжоу), в среднем течении ее именуют в Китае Бричу, Бриус, Бриу или Циньшацзян,

в верхнем своем течении, на Тибетском нагорье, у хребта Тангла (истоки великой реки), ее называют Улан-Мурэном.

К стр. 135.

* Мян, Амян или Мянй — китайское название современной Верхней Бирмы, платившей дань Китаю с IX в.

К стр. 137.

* Наян — племянник Хубилая, его владения находились в районе Шилки, Аргуни и Амура. Восстание Наяна, о котором идет речь в этой главе, началось в мае 1287 г., а в августе он уже был разбит в сражении, бежал в Маньчжурию, но был взят в плен и казнен.

* Хайду — внук уже знакомого нам Угедея, его владения были в Северной Монголии (столица Алмалык на р. Или). Хайду возглавлял борьбу монгольских князей против Хубилая: в 1261 г. поддерживал Арикбугу, в 1269 г. его признали своим главой монгольские князья Средней Азии, в 1287 г. он вдохновлял восстание Наяна, в 1307 г., наконец, выступил сам во главе 40 восставших монгольских князей против преемника Хубилая хана Уцзуна. В битве у Каракорума был разбит и умер во время отступления.

К стр. 143.

* Речь идет о древнем китайском инструменте — компасе, или «указателе юга», как его называли в Китае. В Европе магнит стал известен у викингов в X—XII вв. под названием «солнечный камень» и «камень-водитель»; арабы знали его еще раньше.

К стр. 145.

* Чиамба, Чианба (кит. Чаи-Бо) — часть современной Кохинхины между г. Натран и г. Виндин, в древности китайцы называли ее «областью Слоновых Лесов». В 1278 г. монгольская армия под предводительством Сукату вторглась в Чаи-Бо и заставила местного правителя признать вассальную зависимость от Хубилая. Очевидно, Марко Поло посетил эту страну во время одного из монгольских походов.

* Мускатный орех — плоды мускатного дерева, иначе — мускатника, растущего в тропиках Азии; эфирное масло мускатного ореха издавна применяется в парфюмерии, а сами орехи («мускатный цвет») — в кулинарии многих народов мира.

* Калган — тропическое южноазиатское растение семейства имбирных, его корневище издавна применялось в медицине и было одной из пряных приправ.

К стр. 147.

* Камфар — вещество, добываемое из камфарного дерева, произрастающего в Юго-Восточной Азии; издавна известно в медицине, употребляется как возбуждающее средство.

К стр. 149.

* Марко Поло говорит о катамаранах (в буквальном переводе с тамильского — «спаренные бревна») — простейших, но довольно устойчивых судах жителей Малайи, Индии и других районов мира.
* Мыс Коморин (у Марко Поло — Комари) — самый южный мыс полуострова Индостан.

К стр. 150.

* Браманы — они же брахманы, браманы — жрецы одной из древнейших религий Индии (брахманизма), возникшей в X—IX вв. до н. э. и пришедшей на смену еще более древней религии Индии, ведизму. Современная форма брахманизма — индуизм; брахманы — одна из высших каст (вары) Индии.

К стр. 151.

* Малабарское царство (у Марко Поло «область Маабар» — из араб. «маабара» — «место переправы») было расположено на западном Малабарском побережье Индостана. Китайские суда во времена монголов и еще ранее неоднократно посещали этот район.

* Локоть — древняя мера длины, соответствующая длине локтевой кости; размер «локтя» колебался от 40 до 64 см; в некоторых странах применяется и по сей день (его размер от 50 до 79 см); в дореволюционной России был заменен аршином.

К стр. 152.

* Гозурат, Гуджерат — полуостров и прилегающая к нему местность в Северо-Западной Индии между заливами Кач и Камбей.

* Тамаринд — от арабского «тарм хинди», «индийский финик» — восточноазиатское вечнозеленое тропическое растение, плоды которого применяются в медицине и кондитерской промышленности.

К стр. 154.

* Занзибар — Марко Поло называет его Зангибаром, что более точно. От арабского Занджибар, или Зангибар — «зандж, занг» (черный), «барр» (берег, край, страна). Во времена Марко Поло словом «Зангибар» — Черный берег, Черная страна — называл-

ся не только этот и соседние острова, но и близлежащий берег Африки.

К стр. 155.

* Сокотра (Скотра, Скатра, Скорра у Марко Поло) — остров в Индийском океане у входа в Аденский залив против мыса Гвардафуй. Ряд арабских авторов (Масуди, Ибн-Баттута) сообщали о христианах-пиратах, населявших этот остров. Следы христианства сохранялись на о. Сокотра чуть ли не до XVI в.

К стр. 156.

* Счастливая Аравия (Arabia Felix) — так в античную эпоху называли юго-восточный угол Аравийского полуострова (район совр. Йемена). Здесь была богатая природа, росло много ладана, за которым еще древние египтяне снаряжали морские экспедиции, в горах находились известные на весь мир рудники аравийского золота, драгоценных камней, в море вылавливали жемчуг и т. д. Поэтому название Счастливой Аравии сохранилось за этим уголком полуострова и в средние века.

К стр. 158.

* Монгольский царевич Борак — внук Джэгатая (Чагатая), нашествие его на Персию произошло в 1270 г., его войско было разбито Аргоном в окрестностях Герата.

* Абага, или Абака, — монгольский правитель Персии, сын Хулагу и племянник Хубилая. Правил с 1265 по 1282 г.

* Акамат-Салдан Тагудар-Ахмед — сын Хубилая, брат и преемник Абаги.

К стр. 161.

* Как читатель уже догадался, речь идет здесь о естественном, открытом выходе нефти, с которой народы Передней и Средней Азии были знакомы еще в глубокой древности. В Иране, на южном берегу Каспия, такие выходы нефти привлекали огнепоклонников, соорудивших над ними или поблизости храмы с «вечным» огнем.

К стр. 164.

* Здесь описывается известный в средневековой Венеции обряд обручения с морем, восходящий еще к дохристианским, языческим верованиям. Он в той или иной форме встречался и встречается у многих приморских народов как пережиток охотничьей и промысловой магии.

К стр. 171.

* «Форсе д'Эрколи» (Геркулесовы упражнения)—народные спортивные развлечения венецианцев; бой и травля быков, кулачные бои, турниры, состязания по гребле.

К стр. 172.

* «Господин Миллион» — ироническое прозвище Марко Поло, рассказывавшего в Венеции о неслыханных сокровищах монгольского хана, многочисленном населении городов Китая, о прекрасных путях сообщения и т. п., — одним словом, из-за постоянно встречающихся в его рассказах фантастически больших цифр, которым в Венеции никто не верил.

К стр. 176.

* Смирна — современный Измир, город в Турции на берегу Эгейского моря.

* Яффа — город в Израиле на Средиземном море, с 1950 г. стал предместьем Тель-Авива.

К стр. 188.

* Клавдий Птолемей (ок. 90—168 гг. н. э.) — александрийский географ, геометр, астроном и физик, автор известного астрономического труда в 13 книгах «Великое построение астрономии», дошедшего до нас под арабским названием «Альмагест» (арабизированное от «Мэгистэ» — греч. «Великое»), и «Руководства по географии», заново открытого только в эпоху Возрождения. Правда, впервые он был переведен в начале XV в. и только в 1475 г. напечатан в итальянском городе Виченце, а в 1478 г. вышел во втором издании уже со знаменитыми картами Птолемея. Сомнительно, чтобы в эпоху Марко Поло, по крайней мере до 1324 года, в Венеции могли знать это затерянное сочинение античного географа. Сторонник идеи Южного континента, загадочной Terra Australis Incognita, веками волновавшей умы географов и мореплавателей древности, а затем с легкой руки Птолемея—средневековья и даже нового времени (вплоть до Джемса Кука), — он поместил его на юге, от Занзибара до Малакки, превратив, таким образом, Индийский океан в замкнутое море наподобие Средиземного. Авторитет Птолемея как астронома, поддерживаемый католической церковью за его удобную геоцентрическую систему мира (Земля — центр вселенной; Солнце, планеты и звезды вращаются вокруг нее), был необыкновенно высок в средневековье, что привело затем к целому ряду ошибочных положений и в географической науке.

К стр. 189.

* Августин Аврелий по прозвищу Блаженный (354—430 гг.) — один из «отцов» христианской церкви, впоследствии канонизирован как «святой Августин». Его учение «О граде божием» — основа воинствующего ортодоксального католицизма; призывал церковь беспощадно расправляться с инакомыслящими, с еретиками.

К стр. 191.

* Сольдо — итальянская монета; гросс — мера счета, равная 12 дюжинам, то есть 144 штукам.

СОДЕРЖАНИЕ

Об этой книге	6
Город святого Марка	9
Лев святого Марка встает над Адриатикой	14
Татары	17
Дом на острове Риальто и другие дома купцов Поло	26
Купцы попадают в беду	32
Дербент-калуга	41
Купцы собирают сведения о стране Сибирь и о стране Казахстан	45
К великому хану	48
Купцы меняют хозяина	55
Марко Поло-младший, сын купца Никколо Поло, начи- нает свое двадцатилетнее путешествие	62
Путь через южную Персию	70
Торговый дом Поло зимует около Памира	74
Страна нефрита и страна песков	80
Дворцы хана Кубилая	83
Венецианцы входят в столицу Китая, и Марко Поло ее описывает	92
Хан Кубилай отправляется на охоту, и господин Марко Поло ему сопутствует	96
Марко Поло узнает разнообразие мира	102
Братья Поло и господин Марко Поло-младший оказы- вают хану великую услугу	105
Марко Поло рассказывает о величественном городе	111
Марко Поло разговаривает со старым китайцем	115
О попытке возмутить город Канбалу	119
Господин Марко Поло едет губернаторствовать	127
Марко Поло дает имя стране, и имя это остается в веках Господин губернатор Марко Поло скучает, скучает также великий Кубилай	133
Земля горит в Китае, и торговый дом Поло думает об отъезде	137
Об отъезде и больших кораблях	140
Страна драгоценных деревьев	145
О Цейлоне и об индийском берегу	149
Корабли заблудились	153

Персидские дела и войны	158
Купцы вручают принцессу Казану	160
Красные полусапожки и кольцо	163
«Сними шляпу!»	166
Битва у острова Курцола	170
Модель ада	174
Марко Поло возвращается на родину	181
Марко Поло встречается сам с собой	183
«Господин Миллион» торгуется в последний раз	188
Конец	193
Необходимые пояснения	197

38 коп.

**ПИОНЕРЫ
ЗНАЧИТ
ПЕРВЫЙ**

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ